

КРЕЙГ ШРИВ

**АФРИКАНСКИЙ
САМУРАИ**

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)-44
Ш86

Craig Shreve
THE AFRICAN SAMURAI
Copyright © Craig Shreve, 2023
All rights reserved

Издательство выражает благодарность *Westwood Creative Artists*
и литературному агентству *Synopsis Literary Agency*
за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Павла Смирнова
Серийное оформление и оформление обложки Сергея Жужнева
Иллюстрация на обложке Елизаветы Шмагиной
Карта выполнена Юлией Каташинской

Шрив К.

Ш86 Африканский самурай : роман / Крейг Шрив ; пер.
с англ. П. Смирнова. — М. : Иностранка, Азбука-Атти-
кус, 2024. — 416 с. — (Терра инкогнита).

ISBN 978-5-389-26159-4

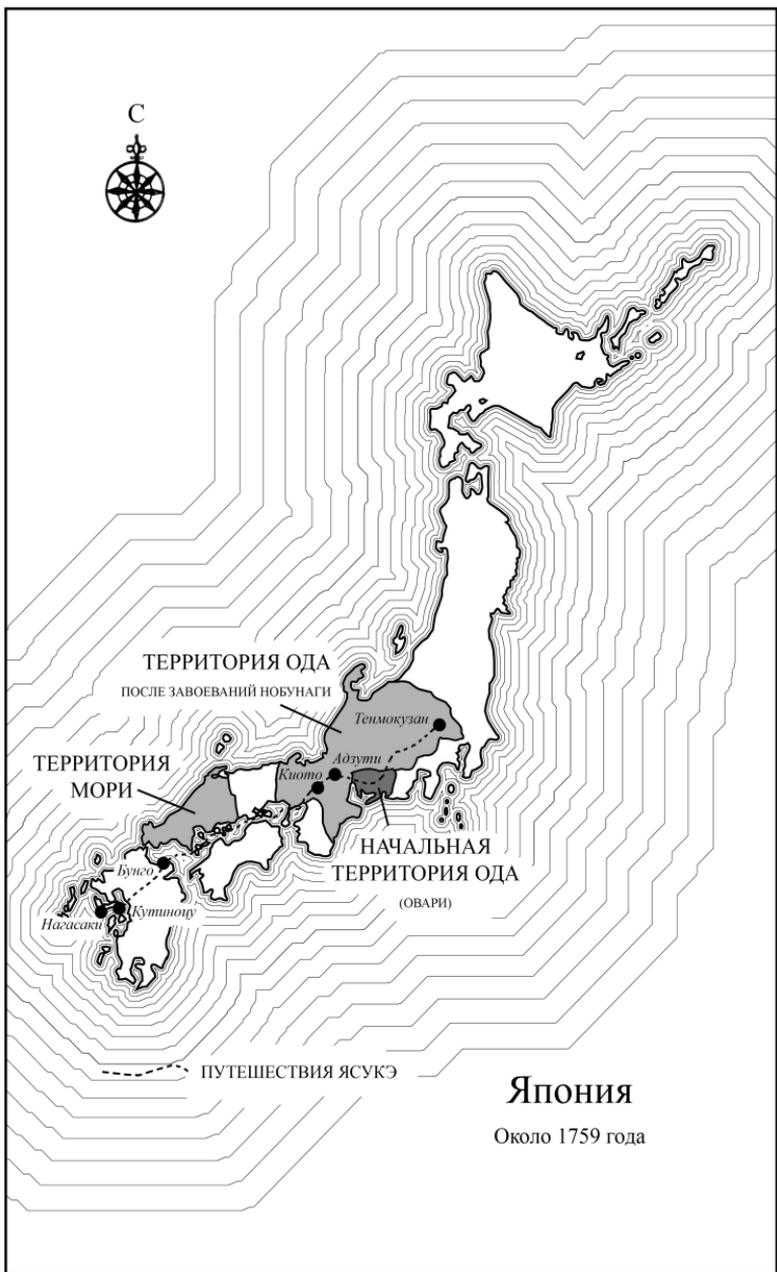
Главный герой романа Ясукэ, похищенный в детстве и об-
ращенный в рабство африканец, — реальный исторический
персонаж конца XVI века. Слуга и телохранитель Алессандро
Валиньяно, главы ордена иезуитов в Азии, он путешествует по
Индии и Китаю, изучая разные языки, а в 1579 году прибывает
в Киото, что вызывает бурную реакцию — в Японии еще никогда
не видели чернокожих. Необычный иноземец привлекает вни-
мание главы могущественного клана Оды Нобунаги, который
делает Ясукэ самураем при своем дворе. Ясукэ становится ма-
стером японских боевых искусств и принимает участие в битвах,
определяющих дальнейший ход истории страны.

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)-44

© П. А. Смирнов, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-26159-4

*Посвящается Райану Суэйзи,
которому наверняка понравилась бы история,
лежащая в основе этой книги*

Япония

Около 1759 года

Действующие лица

Примечание, касающееся имен: некоторые из основных действующих лиц этого повествования на протяжении жизни не раз меняли имена. Для простоты я предпочел использовать те их имена, которые оставили наибольший след в истории, даже если они не пользовались этими именами в период, когда происходили описываемые события.

Африканский самурай

Ясукэ: уроженец Восточной Африки, попавший в рабство еще ребенком. Его настоящее имя неизвестно. Доподлинно не известно и место его рождения, хотя предполагают, что он был из народа макуа, живущего в Мозамбике.

Первый великий объединитель Японии

Ода Нобунага: даймё (феодалный правитель), которого историки считают первым из трех великих объединителей Японии. Изначально Нобунага был даймё провинции Овари, а затем распространил свою власть на бóльшую часть территории Центральной Японии.

Иезуиты

Алессандро Валиньяно: итальянский священник и миссионер-иезуит, назначенный визитатором

миссий в Индии, что сделало его на всей территории Индии и Азии вторым человеком в церковной иерархии после папы римского.

Брат Амброзиу: миссионер-иезуит в Нагасаки и прилегающих землях.

Брат Органтино: миссионер-иезуит, долгие годы проведший в Японии и один из немногих священников, кому позволили остаться в стране впоследствии, когда весь орден был из нее изгнан.

Полководцы

Акэти Мицухидэ: до службы у Оды Нобунаги сначала был самураем клана Сайто, затем — телохранителем «странствующего сёгуна» Асикаги Ёсиаки.

Токугава Иэясу: даймё провинции Микава и самый верный союзник Нобунаги.

Тоётоми Хидэёси: родился в крестьянской семье, но добился высокого положения при Оде Нобунаге.

Самураи — телохранители Оды Нобунаги

Дзингоро: брат Огуры.

Огура: брат Дзингоро.

Ранмару: молодой самурай и паж Нобунаги.

На службе Оды Нобунаги

Хидэмицу: зять и ближайший помощник Акэти Мицухидэ.

Масахидэ: самурай, верно служивший отцу Оды Нобунаги. Масахидэ совершил сэппуку в попытке наставить Нобунагу на путь истинный. В его честь Нобунага воздвиг храм в Адзути.

Томико: служанка в доме Оды Нобунаги.

Даймё

Арима Харунобу: даймё, в осажденном замке которого Валиньяно гостил после прибытия в Кутиноцу.

Хатано Хидэхару: глава клана Хатано и владелец замка Яками.

Такэда Кацуёри: даймё клана Такэда после смерти Такэды Сингэна.

Такэда Сингэн: легендарный «Тигр Каи», знаменитый полководец и давний соперник Нобунаги.

Омура Сумитада: первый даймё, принявший христианство.

Кланы

Мори: могущественный клан, правящий значительной частью Западной Японии.

Ода: прежде незначительный клан, который приобрел известность после серии побед молодого Нобунаги и стал самым могущественным в Японии.

Такэда: клан, с давних времен враждовавший с кланом Ода. Когда-то могущественный, он утратил позиции после смерти легендарного полководца Такэды Сингэна.

Прочие действующие лица

Икко-икки: разрозненные группы последователей одной из буддистских сект, действовавшие по всей стране. Они представляли экономическую, политическую и военную угрозу для Нобунаги и других даймё.

Мураками: род пиратов (или «повелителей морей»), контролировавший Внутреннее Японское море в период Сэнгоку¹, которого побаивались многие даймё.

Все перечисленные выше действующие лица — реальные люди, за исключением Томико. Персонажи, не упомянутые выше, являются вымышленными.

---

¹ «Эпоха воюющих провинций» — период междоусобицы в Японии со второй половины XV до начала XVII века. — Здесь и далее прим. пер.

Ода

Акэти

Токугава

Тоётоми

Часть I

РАБ И ДАЙМЁ

Сделайте чашку вкусного чая, положите уголь, чтобы он нагревал воду, разложите цветы, как они растут в поле, летом ищите прохладу, зимой — тепло, делайте все заблаговременно, подготовьтесь на случай дождя и уделите внимание тем, в чьей компании находитесь. Другого секрета нет.

*Сэн-но Рикю,
мастер чайной церемонии*

Глава 1

Дом для меня — забытое место. Скорее сон, чем воспоминание.

Даже те обрывки, которые остались в памяти, кажутся чужими и далекими, словно все это происходило в другой жизни. В жизни человека, которого не увезли чужаки, который не был оторван от собственных корней. И все же иногда воспоминания приходят так отчетливо, что становится больно.

В детстве мы с семьей и некоторыми соплеменниками проделали долгий путь от деревни, спрятанной в тени горы Намули, до берега моря. Год подходил к концу, и настало время черепахам откладывать яйца. Мы разбили лагерь на краю пляжа и смотрели, как ночью из моря выползали полчища черепах с твердыми темными панцирями и мягкими пятнистыми животами. Казалось, они двигались независимо друг от друга, но в то же время согласованно. Плавниками они выкапывали в песке углубление и устраивались над ним. Мы запомнили эти места и пошли спать.

Утром, когда черепахи ушли, мы выкопали яйца, взяв ровно столько, сколько нам было нужно. На

обратном пути в деревню мы осторожно несли яйца в корзинах. Месяца через два мы снова отправились в дальний поход к пляжу. Лагерь разбили на том же месте на краю пляжа. В свете полной луны песок вдруг пошел рябью, зашевелился. Сначала на поверхности появился один крошечный носик, потом — еще десяток, сотня. Орава маленьких черепашек устремилась прямо в бескрайние просторы зеленоватой пены, влекомая силой, которую мы не могли постичь. Мне хотелось верить, что они ползли в море, чтобы отыскать своих матерей, воссоединиться с ними.

Первый поход на море был для сбора пищи. Второй — для того чтобы знать, почему мы оставляем все, что можно, и забираем только то, что необходимо.

Я помню голос матери, хотя никак не могу вспомнить ее лица. Отцовского лица я тоже не помню. Иногда всплывают отрывочные воспоминания о том, как меня учили грамоте и письму в тени мангового дерева. О том, как мы с другими мальчишками работали в рудниках, добывая руду из стен пещеры, бегали с ними по полям, играли в манкалу¹ маленькими камешками прямо в пыли посреди улицы. О праздниках с барабанами, масками и яркими одеяниями, трепете при виде иноземцев и товаров, которые они привозили. А еще

---

¹ Семейство игр на двух игроков, в которых используются мелкие предметы.

я помню черепах, выбирающихся из песка и пробирающихся к морю.

Тогда я в последний раз был свободен.

— Тебе нет нужды стоять у меня над душой. На корабле нет никого, кроме наших людей.

Отец Валиньяно говорил, не отрываясь от работы. Тонкие лучи солнечного света, пробивавшиеся сквозь иллюминатор, старили иезуита, отбрасывая тени, подчеркивавшие очертания щек и лба и углублявшие глазницы. Покачивавшаяся голова то скрывалась в сумраке, то снова оказывалась на солнце, освещавшем короткие седые волосы. Такая же седая борода, узкая и аккуратно подстриженная, почти касалась листа бумаги, на котором он писал. Однако рука священника уверенно макала перо в чернила и быстро, но бережно водила им по странице, а в голосе его звучала обычная уверенность человека, привыкшего отдавать распоряжения.

— Моя работа — защищать вас от любых людей. Не только чужаков, — ответил я.

— Неужели ты настолько не доверяешь нашим спутникам?

— Доверчивый телохранитель часто терпит неудачу в своем деле.

— А теперь, будь добр, по-японски.

Валиньяно по-прежнему не поднимал головы. Я задумался, подыскивая слова. Язык и историю Японии я изучал уже много месяцев, пока

готовился к этому путешествию, и долгими днями на борту корабля, но мне всегда было трудно переключаться с португальского. Промедлив немного, я повторил свою фразу на японском. Валиньяно удовлетворенно кивнул и поправил пару мелких ошибок, а потом продолжил уже на этом языке, новом для нас обоих.

— Почему бы тебе не подняться на палубу, подышать воздухом? — предложил Валиньяно, отсылая меня.

— Вы же знаете мою нелюбовь к морю, — ответил я.

— Да. Для такого здоровяка ты боишься очень многого.

— Человеку, не знающему страха, недостает осторожности.

— Человеку, боящемуся слишком многого, недостает веры. Ты должен довериться Богу, сын мой. Тот, кто силен в вере, в этом мире не знает преград. Не знает страха.

Я молча принял упрек. У иезуитов я научился многому. Я знал наизусть большие отрывки из их Библии на португальском и на латыни, и всё бóльшие — на японском. Я восхищался верой священников, считал ее искренней, но в глубине души противился тому, чтобы полностью принять ее. Мне казалось, что человек, взывающий к Богу в своих битвах, быстро забывает, как сражаться самому. Вера казалась роскошью, которую могут позволить себе люди, живущие в безопасности, в уюте.

Но для собственной защиты я всегда предпочел бы меч, а не крест.

Хоть отец Валиньяно и никогда не сказал бы ничего подобного вслух, подозреваю, он согласился бы со мной.

Священник поднял голову и смерил меня стальным взглядом. Его небогатые запасы терпения иссякли.

— Мы скоро придем в порт, и у тебя появится куча возможностей торчать у меня за спиной с хмурым видом.

Услышав это, я нахмурился, а потом улыбнулся, сообразив, что именно это сейчас и делаю. Поклонившись, я пригнулся и вышел из каюты.

На этом корабле, плывущем в Японию, я встретил свой двадцать четвертый день рождения. Прошло двенадцать лет с тех пор, как в последний раз мне довелось увидеть родную деревню, и я уже давно оставил всякую надежду увидеть ее снова. Вдали от нее прошло уже столько же лет, сколько было прожито в ней. Двенадцать лет свободы в Африке; двенадцать лет рабства в Индии, Португалии, Китае, где меня продавали наемникам, армии, церкви. Половину жизни я прожил среди родных, половину — среди чужаков. Половину жизни я был ребенком, половину — воином.

Я терпеть не мог подниматься на палубу, но все равно это сделал. Внимательно наблюдая за капитаном, я получил общее представление о приборах и расчетах, но все равно не мог понять, как люди

могут находить дорогу в море, если со всех сторон не видно ничего, кроме воды. Я пытался ориентироваться по звездам, как это делал иногда капитан, но к этому у меня не было никаких способностей. Это очень огорчало. Всему остальному — от оружия и стратегии наемников до книг и языков священников — я учился быстро, но морское дело так и оставалось загадкой.

Стоя у поручней с подветренной стороны, я избегал смотреть на море, наблюдая вместо этого за трепетом парусов. Горстка матросов управлялась со снастями и узлами, еще несколько отскребали налет соли с носовой части палубы. Палубы, мачты и весь корабль были просмолены дочерна, и поблескивающее белое пятно от морской воды показывало, как далеко захлестывали вчерашние волны.

Большинство матросов отдыхали на нижних палубах, и, хотя пару раз приглашали меня присоединиться к ним, доверяли мне еще меньше, чем я им. Я слушал их рассказы, проиграл несколько монет в кости, но долг обязывал меня всегда сохранять бдительность, и поэтому я с ними не пил, а это вызвало подозрение. К тому же в своем путешествии мы достигли той точки, когда для кровопролития достаточно уже малейшей ссоры, самого невинного проступка. На пути в Японию Валиньяно делал остановки в Индии и Китае, и, хотя по дороге мы меняли корабли и экипажи, этот экипаж провел в плавании уже почти месяц. У меня не было ни желания играть роль миротворца, ни терпения

выслушивать жалобы матросов. Их тесные кубрики и подпорченные продукты были просто райскими условиями по сравнению с тем, что довелось пережить на кораблях мне самому.

Один из матросов, бородатый и, похоже, в доску пьяный, бранил другого, стоя возле треснувшего при погрузке ящика. По вычищенной от соли палубе у их ног рассыпались выпавшие яркие китайские шелка.

В трюмах у нас под ногами лежало невероятное множество ящиков с Библиями, крестами, европейскими кружевами, украшениями и другими изящными изделиями. Но в основном там было оружие. Полные ящики фитильных пистолетов и аркебуз и главное сокровище Валиньяно — три мощных новых пушки, способных разнести крепостную стену или выкосить целую шеренгу кавалеристов.

Оружие собирались предложить японцам, если они окажутся достаточно благочестивыми. Если позволят иезуитам строить церкви. Если разрешат учить своей религии их японских сыновей и дочерей. Если они примут христианство сами и прикажут другим членам своих кланов поступить так же, то получат мощное европейское оружие для борьбы с соперниками, а Валиньяно получит опору в Азии. Ружья в обмен на души.

В религии иезуитов оставались моменты, которые по-прежнему были мне неясны, но торговлю я понимал прекрасно. Меня подарили иезуитам.

В их школах я учился читать и писать, узнавал историю белых людей, религию белых людей.

Угрюмый священник-иезуит, к которому меня привели, пощелкал языком, услышав мое имя, и дал мне вместо него другое, христианское. Меня назвали в честь сына Авраама. Мне рассказали о том, как Бог потребовал от Авраама доказать силу своей веры, убив своего единственного сына, как Авраам сделал алтарь, привязал к нему сына и наточил нож, но Бог приказал ему остановиться. Бог был доволен.

Португальцы дали мне хорошее имя. Исаак. Тот, кого должны принести в жертву. Тот, кого должны поднести в дар.

— Бросьте якорь здесь, капитан, — тихо приказал он. — И приготовьтесь принять на борт гостя.

Капитан выкрикнул распоряжения. Среди матросов прокатился тихий ропот, но все тут же бросились выполнять команду.

Валиньяно смотрел на приближающуюся лодку так, словно только сила его взгляда и была способна привлечь ее к кораблю. Священнику, которого она привезла, помогли подняться на борт. Он сложил ладони на груди и склонил голову.

— Брат Амброзиу.

— Отец Валиньяно, какое счастье, что вы благополучно прибыли! Для нас большая честь принимать столь высокого гостя из Рима.

— Такая большая, что вы предпочитаете встретить меня здесь, а не на берегу?

Плечи священника дрогнули, словно от удара, но он стоял молча, не поднимая головы. Валиньяно вздохнул. Он закрыл глаза и на секунду потерял переносицу и, даже не пытаясь скрыть нетерпения, произнес:

— Что ж, хорошо. Капитан, нам понадобится ваша каюта.

В каюте капитана брат Амброзиу позволил себе на секунду задержать взгляд на мне. К этому я привык. Моя кожа была чернее, чем даже у большинства африканцев. Такая черная, что казалась блестящей. Волосы мои, когда-то сбритые, за время путешествия отросли и, сплетенные

в узловатые косички, свисали почти до ворота. Я был на голову выше большинства европейцев, а упражнения сделали меня широкоплечим и мускулистым, что было заметно, даже несмотря на широкие шаровары и свободную ситцевую блузу, в которые я был одет. Дополнял этот внушительный облик висевший на бедре меч, клинок и ножны которого были выкрашены в черный цвет для защиты от брызг морской воды во время долгого океанского путешествия и чтобы избежать предательского блеска стали, если придется обнажить оружие в темноте.

Новый священник держался на ногах нетвердо, его ноги не были привычны даже к легкой качке на этом мелководье, но он неплохо скрывал неловкость. Его темные выющиеся волосы прикрывали уши, но были аккуратно пострижены, а короткая борода еле скрывала подозрительного вида шрам с левой стороны челюсти.

Большинство священников, которых мне доводилось встречать, делились на две категории: розовокожие, мягкотелые, круглолицые книжники, подготовленные к своему труду долгими годами обучения, и жилистые, загорелые мужчины с острым взглядом, прошедшие через горнило жизни, прежде чем найти применение своему честолюбию в делах церковных. Этот человек был из последних. Как и Валиньяно. Поговаривали, что в юности Валиньяно заколол насмерть человека в поединке на улицах Венеции, и, хотя подтвердить истинность

подобных слухов было невозможно, я не исключал, что они были правдивы. Одни люди рождены для веры, другие приходят к ней куда более кривыми путями.

Вместо того чтобы по обыкновению встать, сложив руки на животе и сунув ладони в рукава, этот священник стоял, опустив руки и чуть разведя их в стороны, чтобы ладони были ясно видны. Валиньяно не предложил гостю ни питья, ни еды, когда мы оказались в капитанской каюте, и священник оказался достаточно догадлив, чтобы понять намек.

— Ваш путь был долг, ваше преподобие. Не стану задерживать вас привычными любезностями. Я пришел просить вас продлить путешествие еще на один день.

— В городе возникли какие-то сложности?

— Никаких сложностей, ваше преподобие. Во всяком случае, серьезных.

Валиньяно повернулся к решетке, которой было забрано окно позади капитанского стола, и посмотрел на тихо плещущие волны. Брат Амброзиу продолжал:

— Повелитель этих мест, человек по имени Омура Сумитада... Он не чинил нам препятствий, но, думаю, мог бы проявить больше... дружелюбия к церкви. Наша миссия в Кутиноцу сообщает, что тамошний властитель более сговорчив.

Я наблюдал за отцом Валиньяно, ожидая увидеть хоть какой-то знак, но не увидел ничего. Он

первым из высокопоставленных сановников ордена иезуитов посетил берега Японии. Титул визитатора Индии давал ему полную власть во всех церковных вопросах в Индии и Азии. Если учесть, что понадобится год, чтобы доставить отсюда весточку в Рим, и еще год, чтобы получить ответ, фактически он был папой римским этих мест. Легко представить, какое значение и вес приобретет любой феодал, которому выпадет его принимать. Священник оказался достаточно умен, чтобы не пытаться сыграть на самолюбии Валиньяно, объясняя ему эти детали. Валиньяно и в самом деле был чудовищно самолюбив, но за те месяцы, что я его знал, он ни разу не поставил себя выше интересов церкви. Он был всецело предан той миссии, которая стояла перед ним, и я успел достаточно хорошо его узнать, чтобы понимать, какие вопросы он собирается задать.

— А этот Сумитада... Как он воспримет подобный поступок?

— Уверен, для него это будет оскорблением. Но он не станет выступать против нас. Запрет на торговлю между Китаем и Японией остается в силе, и это по-прежнему нам выгодно. Каждые два месяца один из наших кораблей приходит с товарами из Китая, забирает японские товары и везет их в Макао, а оттуда — на китайские рынки. Сумитада не станет рисковать этой торговлей, чтобы отомстить нам.

— А равновесие между Нагасаки и Кутиноцу?

— Почти не изменится. Уж точно не настолько, чтобы привести к новой... напряженности.

— Значит, Япония остается разделенной.

— Да, но уже в меньшей степени, чем в последнем донесении, которое вы получили.

— Говорите.

Смена темы разговора означала, что решение принято. Как и я, матросы будут не рады, что придется еще один день провести в море, но Валиньяно был не из тех, кто советуется с другими, принимая решение, и не из тех, кто сворачивает с выбранного пути. Матросы уже мечтали о твердой земле, удобных постелях и свежей пище, но для Валиньяно эти мечты не значили ничего.

Он перестал глазеть в окно и жестом указал на грубо нарисованную карту Японии, разложенную на столе капитана. Амброзиу откашлялся и подошел к столу.

— Ода Нобунага остается самым видным даймё и распространил свою власть на Центральную Японию. Он разбил конницу Такэды при Нагасино, и, хотя Такэда Кацуёри предпочел отступить, но не сдался, его клан слишком ослаблен, чтобы играть важную роль в этих местах. Нобунага продолжает осаду Исияма Хонган-дзи, но воинствующие монахи долго не продержатся...

Рассказывая, брат Амброзиу водил пальцем по карте, и мне не терпелось расспросить о тактике, численности, вооружении, но я понимал, что Валиньяно не потерпит моего вмешательства. Имя

Нобунаги было мне знакомо. Он возглавлял клан Ода, который одержал победу над сёгунатом лет двадцать назад, чем возвестил остальным даймё — феодальным владыкам расколото́й Японии — о своем намерении править ими всеми. После почти столетия раздробленности Японии, когда каждый местный феодал каждую весну заново вступал в противоборство с соседями, чтобы защитить свою территорию или расширить ее, Нобунага собирался снова объединить Японию под властью одного вождя, каких бы усилий это ни потребовало. Вековые союзы распадались, и создавались новые. Мелкие феодалы искали защиты в союзе с более могущественными, а могущественные владыки жаждали объединить Японию под своими знаменами. Я оставил вопросы при себе и слушал, стараясь впитать максимум информации.

— В провинции Ига растет сопротивление. Старики говорят, что Ига никогда не покорялась завоевателям и не покорится никогда, но скоро Нобунага направит свои усилия и сюда. Его сын Нобутада потерпел поражение, несмотря на численное превосходство, и Нобунага не оставит подобное унижение без ответа, — пояснил брат Амброзиу. — Такэда, хоть и очень ослаблены, по-прежнему удерживают район горы Фудзи, а Нобунага не может допустить, чтобы Фудзи оставалась под чужим контролем, если собирается править Японией.

Валиньяно ткнул пальцем в мою сторону, и Амброзиу ошеломленно умолк.

— Говори, — распорядился Валиньяно.

— Я ничего не говорил, — неуверенно возразил я.

— Вот именно. Мы достаточно долго путешествовали вместе, чтобы я видел, когда у тебя чешется язык, и пытаться не обращать на это внимания слишком утомительно. Говори.

— Брат Амброзиу, — начал я, не обращая внимания, как он чуть поморщился от отвращения, когда Валиньяно позволил мне обратиться к нему. — В чем ценность горы Фудзи? Ее положение не кажется стратегически важным.

Амброзиу скрипнул зубами, но ответил:

— Гора Фудзи не имеет стратегического значения, но очень важна с культурной точки зрения. Она важна для местных жителей как символ.

— Значит, он не просто стремится к завоеванию, — задумался я. — Он хочет, чтобы люди приняли его власть по своей воле.

Брат Амброзиу отмахнулся от моих слов и продолжил:

— Нобунага близок к своей цели объединить Японию. Он уже занял важнейшие города Киото и Сакаи. В ближайшие месяцы он, скорее всего, выступит против Ига и, если добьется там успеха, постарается добить клан Такэда.

Он замолчал и оторвался от карты, махнув рукой с таким видом, словно изучать ее бесполезно, потому что она меняется слишком часто.

— Единственная сила, действительно способная оказать сопротивление, это клан Мори на западе. Другие не обладают ни силами, ни сплоченностью, ни средствами, чтобы организовать успешную оборону. Война между Ода и Мори неизбежна. После победы в ней ничто не помешает Нобунаге объединить Японию.

Отец Валиньяно спокойно разглядывал карту, никак не реагируя на рассказ, но я видел, что он внимательно слушает, оценивает ландшафт и просчитывает возможности для церкви.

— Каково его отношение к нашей миссии?

Священник покосился на меня, словно надеясь, что меня отошлют.

— Мне кажется, дела церковные следует обсуждать...

— Дела церковные мы будем обсуждать там и тогда, когда у меня возникнут вопросы, касающиеся их, — спокойно произнес Валиньяно, даже не подняв головы, чтобы посмотреть на Амброзиу.

Я еле сдерживал улыбку. Священник стал еще осторожнее.

— Я бы сказал, что он... относится терпимо. Он отказался принять христианство или креститься. Но... Мы ведь писали вам о том синтоистском священнике, Нитидзё?

— Да. Он продолжает досаждать?

— Больше нет. Он убедил императора запретить христианство, но вмешался Нобунага. Он распорядился, чтобы Нитидзё вступил в диспут

с нашим отцом Фроишем по богословским вопросам. Увы, я не смог присутствовать, но, говорят, отец Фроиш проявил себя великолепно. Нобунага оспорил указ императора, а Нитидзэ... покарали. Также следует отметить, что Нобунага был особенно суров с буддистскими монахами, которые оказывают ему сопротивление. Он сжег их храм на горе Хиэй и перебил всех до единого.

— Я не стану проливать слезы из-за гибели неверных.

Священник откашлялся.

— Разумеется, ваше преподобие. Я не знаю отношения Нобунаги к церкви, но он очень высоко ценит иноземные яства и украшения, а также и другие наши подношения.

На этот раз священник не покосился в мою сторону, да в этом и не было нужды. Я подумал о ящиках с ружьями и пушках у нас под ногами. Вполне достаточно, чтобы убедить воителя принять какую угодно религию.

Священник снова склонился над картой. Корабль слегка покачивался, и он стоял на ногах не очень твердо. Лицо слегка побледнело, и он слишком крепко вцепился в края стола.

— С вами все хорошо, брат Амброзиу? — осведомился я.

Увидев его гневный взгляд, я еле сдержал ухмылку. Валиньяно склонил голову набок, давая мне понять: «Это я еще позволю, но не более». Я отсту-

пил на шаг назад, чтобы показать Валиньяно, что понял его, и он продолжил расспросы.

— Значит, император больше не против нас?

— Официально — нет. Император предпочитает старые обычаи...

— Такое, несомненно, часто случается со слабыми владыками.

Перебитый Амброзиу замолчал. Я понятия не имел, как долго священник прожил в Японии, но ничуть не сомневался, что он привык, чтобы об императоре говорили с осторожным почтением. Этим простым замечанием Валиньяно дал понять, что не уступит никому, и я был уверен, что именно ради этого и прозвучали его слова.

Амброзиу взял себя в руки и сбивчиво продолжил доклад:

— Император по-прежнему поддерживает синтоистов и буддистов, но если Нобунага примет нас, император подчинится его желаниям.

— И его армии. Какие связи у нас есть с этим Нобунагой?

— Отец Фроиш встречался с ним несколько раз, а брат Органтино пользуется его расположением. Церковь в Киото регулярно обращается к нему. Сейчас Нобунага в столице. Скоро он будет в храме Хонно-дзи на самой окраине Киото. Он организовал праздник в честь императора, чтобы выразить благодарность за помощь императора в решении проблемы икко-икки.

— Так называемых воинствующих монахов? — насмешливо спросил Валиньяно. — Значит, они больше не будут мешать Нобунаге?

— Наверняка этого сказать нельзя. Но все идет к тому, что императорский двор посоветует икко-икки сложить оружие и что они подчинятся. На самом деле у императора нет выбора, и визит Нобунаги в столицу почти гарантирует, что император вынесет решение в его пользу. После этого Нобунага, скорее всего, вернется в свой новый замок Адзути, чтобы спланировать весеннюю кампанию.

— Значит, Господь по обыкновению благословил мое прибытие сюда. Как далеко отсюда до Киото?

Амброзиу потер шрам на подбородке и посмотрел на карту.

— Зависит от того, насколько вы готовы рисковать. Если путешествие пройдет спокойно, быстрее всего будет переправиться через Внутреннее море, а оттуда по суше доехать до Киото. Это займет около двух недель, если выехать из Кутиноцу. Но спокойно проехать будет сложно. В тамошних водах правят пираты. Даже наши корабли до сих пор не решались там проходить.

Валиньяно свернул карту, не слишком тонко намекая, что разговор окончен. Он улыбнулся — это случалось настолько редко, что обычно скорее вселяло страх, чем успокаивало.

— Я сообщу капитану о новой цели путешествия. Завтра мы пристанем в Кутиноцу, а когда закончим свои дела там, я отправлюсь в Киото. Ничто не должно стоять на пути нашей миссии. Мы донесем слово Христа до каждого уголка. И пираты меня не остановят. К тому же у меня есть защита.

Он похлопал меня по плечу и, повернувшись к выходу, бросил через плечо:

— И у меня есть Бог.

Глава 3

Моряки и впрямь не обрадовались новому пункту назначения, и в первую очередь капитан. Он знал карты района вокруг Нагасаки, но новый порт был ему незнаком. В гавань Кутиноцу мы входили с минимумом парусов, и матросы на носу постоянно бросали лот, громко выкрикивая глубины. Когда капитан решил, что мы продвинулись к берегу настолько близко, насколько могли без опасения сесть на мель, он приказал бросить якорь и спустить паруса. Огромный корабль чернел в водах залива, и суматоха, которую он вызвал на берегу, была заметна издалека.

На пристани уже собралась небольшая толпа, а люди все стекались в порт, пробираясь по узким неровным улицам и проталкиваясь мимо торговцев со всяческими товарами. Торговые корабли, о которых говорил священник в Нагасаки, наверняка заходили и в эту бухту, но, наверное, не так часто, и уж точно эти корабли были поменьше. Пожалуй, европейцы здесь все еще в диковинку. А людей вроде меня местные жители и вовсе никогда не видели.

В воду сбросили первую шлюпку. Я спустился в нее по качающейся веревочной лестнице, за

мной — отец Валиньяно, отказавшийся от помощи моряков, за ним — брат Амброзиу с небольшой свитой священников рангом пониже. Мы присоединились к полудюжине гребцов, которые спустились в шлюпку раньше и теперь сидели по трое у каждого борта. Потом должна была начаться разгрузка, а моряки сойдут на берег в последнюю очередь. Скорее всего, не раньше вечера, а то и следующего утра.

Священники, несмотря на жару, были в длинных черных одеяниях. На шеях у них висели четки и распятия. Отец Валиньяно занял свое место, встав на носу, и гребцы взялись за работу. Я стоял чуть позади. Свободные шаровары шелестели на ветру, рукава рубашки не скрывали моих мускулов, а белый тюрбан прибавлял мне еще больше роста. На поясе у меня висел длинный черный меч, а в правой руке я держал внушительного вида копье с длинным и чуть изогнутым клинком на конце. Самый верный способ победить в схватке — отбить охоту в нее ввязываться, и, хотя я не ожидал никаких неприятностей на берегу, мне хотелось заставить любого, кто замышляет недоброе, крепко призадуматься. Когда мы подплыли ближе к берегу, монахи ритмично запели гимн на португальском. Каждый из нас старался произвести впечатление по-своему.

На берегу нас ждал молодой правитель земель, окружавших Кутиноцу. Возле причала были разбиты шатры, возле которых в землю были воткнуты

флаги с изображением, по-видимому, эмблемы семейства Арима. Арима Харунобу и его свита были одеты в легкие кимоно, у каждого за пояс было заткнуто по два меча в ножнах.

— Им известно, что они не должны иметь оружия при встрече с вами?

Валиньяно отмахнулся от вопроса легким движением руки, даже не потрудившись обернуться ко мне, чтобы ответить.

— Мы должны уважать местные обычаи.

Сам Арима, еще подросток, вошел в воду, чтобы встретить лодку. Это был знак уважения. Отец Валиньяно протянул руку, и Арима послушно поцеловал кольцо на его пальце. Валиньяно начал благословлять всех собравшихся на берегу, пока остальные священники стояли позади, с торжественным видом склонив головы. Тишину нарушали лишь глухие шепотки торговцев, которые тыкали в мою сторону пальцами и жестами делились друг с другом удивлением по поводу моих размеров. Валиньяно на голову возвышался над любым из людей на берегу. А я был выше еще на полторы головы.

Я оглядывал толпу и, не увидев никаких признаков угрозы, обратил внимание на людей, выстроившихся за спиной Аримы. Мне было известно, что только самураям дозволено носить за поясом два меча — длинную катану и короткий вакидзаси.

Как телохранитель Валиньяно, я уделял особое внимание тому, что рассказывали о самураях —

отборных воинах, обученных владеть не только мечом, но также луком, копьем и прочим оружием. Мужчины, а иногда и женщины, принесшие клятву верности и готовые без колебаний умереть ради своих хозяев. При сёгунате они фактически были в Японии правящим классом. Все простолюдины должны были кланяться в их присутствии. Любого, кто не поклонился или как-то иначе выразил неуважение, самурай по закону мог зарубить совершенно безнаказанно.

Самураи, стоявшие позади Аримы, были невысокие и на вид весили не больше пары-тройки пушечных ядер, но даже в простейших движениях была заметна их собранность. Справиться с ними в бою было бы непросто, а я прекрасно понимал, как мало нас пока на берегу.

Пока отец Валиньяно и даймё Арима обменивались любезностями, я разглядывал городишко: всего несколько десятков домиков, крытых тростником, храм — тоже деревянный, но крытый черепицей и украшенный к приезду Валиньяно, грязные немощеные улочки, вьющиеся среди жмущихся друг к другу домов, и горстка уличных торговцев, перегораживавших их своими повозками, хотя большинство торговцев были здесь, на причале.

Нас повели в храм для официального приема, и вблизи дома оказались еще менее прочными, чем я предполагал. Деревянные стены были такими тонкими, что достаточно сильный человек мог бы

пробить их голыми руками, а окна и двери были прикрыты простой бумагой, подвешенной на рамах.

Извилистая дорога из города, поднимавшаяся по склону холма, тоже была грунтовой, потом переходила в щебенку и дальше — в камень. Где-то в конце этой дороги — может, в нескольких часах, а может, и в нескольких днях пути — стоял замок Арима, но я уже понимал, что в здешних местах честолюбию Валиньяно попросту негде было развернуться. Надолго мы здесь не задержимся, и брату Амброзиу придется пожалеть, что он направил нас сюда из Нагасаки. Одного из младших священников оставят здесь исполнять указания Валиньяно, а мы пустимся в дорогу так скоро, как позволит вежливость.

Дорога к замку даймё Аримы была перехвачена его врагами. Чтобы добраться до порта и встретить Валиньяно, ему со своими людьми пришлось спускаться по склону горы через джунгли по заросшей тропинке, а потом под покровом ночи сплавляться по реке на плотках. У нас не было иного выбора, как проделать тот же путь в обратном направлении. Бóльшая часть иезуитов отправилась вперед в портовый город в провинции Бунго — выпад, который Арима не мог не заметить, чего, скорее всего, и добивался Валиньяно.

Мы поднимались по реке на плотках почти в полной темноте. Люди Аримы, стоявшие на носу каж-

дого из плотов, осторожно отталкивались шестами, ориентируясь по памяти.

— Путь безопасен? — спросил я одного из них.

— Для небольших групп — да. Это все еще наша земля, и мы знаем ее лучше пришлых. Мы можем доставить в замок или из замка в обход вражеских заслонов несколько человек, но не сколько-нибудь значительные припасы.

Шум окружающих джунглей казался какофонией для наших непривычных ушей, но люди Аримы прислушивались, не покажется ли какой-нибудь звук чужеродным, и всякий раз, когда они реагировали, я старался определить, какой именно звук заставил их это сделать.

Когда выдалась возможность, мы поспали прямо на плотках, но отдых получился коротким и прерывистым, а проснулись мы с мокрыми спинами из-за воды, просачивавшейся сквозь настил плота или перехлестывавшей через его края. Утром жара охватила нас и крепко сжала в своих объятиях. Тяжелые шерстяные одеяния немногочисленных священников, сопровождавших Валиньяно, липли к телу, а стоило кому-нибудь из них подтянуть рукава или подвернуть нижний край рясы, чтобы хоть как-то бороться с духотой, как на него тут же набрасывались насекомые.

Священники молча чесались. Один из них покраснел и упал в обморок, обливаясь потом. Мне, одетому в тонкую рубаху и шаровары, было не так жарко, но все мы с завистью посматривали на

легкие шелковые кимоно японцев и гадали, почему насекомые не атакуют их с тем же пылом.

Всю дорогу Валиньяно сохранял спокойствие, стоически вынося бесконечные извинения Аримы и в то же время отбивая любые попытки начать переговоры о торговле до того, как мы доберемся до места назначения.

— Осада была долгая, — со скорбным видом произнес Арима, когда мы прибыли в замок. — Боюсь, мы мало что можем предложить.

— Мы здесь не ради еды и питья, — заверил его Валиньяно, хотя другие наши спутники могли с ним и не согласиться, судя по их изможденному виду.

Замок Аримы во многом походил на дороги в его землях — если когда-то он и был в хорошем состоянии, то теперь это было не так. Кладка потрескалась, в стенах недоставало огромных кусков камня, и все вокруг густо заросло вьющимися растениями. Внутри бесконечно что-то капало и протекало, и в дождливые дни нам приходилось лежать на татами прямо на мокром полу или кутаться в мокрую одежду, если ветер вдруг холодал. Ели мы умеренно, спали плохо, а враги по ту сторону стен всю ночь били в барабаны, не давая отдыха страже Аримы.

К счастью для всех, кроме самого Аримы, переговоры прошли быстро. Всем было ясно, что ему недолго осталось удерживать эти места без столь нужного португальского оружия, и он сдался сразу.

Его наложницу — на вид еще совсем девочку — увели в слезах. Буддистские и синтоистские святые обвязали канатами и повалили, а Арима, одетый в белые одежды, нелепо сиявшие среди серости и грязи, которыми была полна его цитадель, принял крещение в небольшом пруду во дворе замка. Мы пустились в путь через несколько дней, но прежде двое воинов Аримы привели потного, еле живого священника, которого они доставили по реке и через джунгли.

Отец Валиньяно принял отдувающегося и едва передвигающего ноги священника у ворот замка.

— Послание, — тяжело выдохнул тот. — От Омурь Сумитады.

Я стоял рядом с Валиньяно, одним глазом приглядывая за страдающим священником, а другим оглядывая деревья за его спиной и прислушиваясь, не появятся ли враги Аримы. Я позволил себе лишь короткий взгляд на Валиньяно, ожидая, что он предложит священнику выпить воды и отдохнуть, но не услышал ни того, ни другого.

— Продолжай.

— Господин Сумитада рад известию о вашем прибытии в Японию, — жадно хватая ртом, воздух заговорил священник. — Он очень сожалеет, что не получил возможности поприветствовать вас лично, и надеется, что высокочтимому визитатору Индии известно, что ему и его братьям-иезуитам всегда рады во владениях господина Сумитады. В знак неизменной дружбы господин Сумитада предлагает

ордену иезуитов порт Нагасаки в вечное пользование по собственному усмотрению.

Доставив послание, священник рухнул на колени, тяжело опираясь на поддерживавшего его воина Аримы. Это был потрясающий подарок. Владение портом означало не только полный контроль над торговлей, но и право взимать налоги со всех проходящих через него товаров. Это даже не опорный пункт — это настоящее золотое дно и явное свидетельство влияния иезуитов.

Валиньяно, стоявший рядом со мной, улыбнулся. Двое местных владык — Арима и Сумитада — подчинились его воле, и он получил важнейший торговый порт. Начало его миссии в Японию выдалось очень успешным.

Глава 4

В Бунго наш маленький отряд встретил румяный священник в шерстяной рубаше и штанах. Он сообщил Валиньяно, что договорился насчет корабля с человеком по имени Мураками, потом поклонился и вышел из шатра. Я выждал несколько секунд, чтобы убедиться, что никто не подслушивает у входа — увы, среди священников такое случалось.

Убедившись, что мы одни, я обернулся к Валиньяно.

— Мне трудно охранять вас, если вы все время держите меня в неведении относительно планов путешествия.

Валиньяно на секунду задержал взгляд на мне, решая, поддержать этот разговор или просто приказать мне подчиниться. Он вздохнул.

— Наш план из таких, которым ты обычно противишься.

— То есть опасный.

— Нет такой опасности, от которой Господь не может нас защитить.

— И все же для защиты вы берете с собой меня.

— Осторожнее.

Валиньяно ткнул пальцем в мою сторону, и я кивнул. Иногда он позволял мне быть откровенным, но не терпел проявлений безверия. Зачерпнув две кружки воды из чаши в углу шатра, он протянул одну из них мне.

— Мураками обеспечит нам безопасный путь до Сакаи.

— Значит, он — пират?

— Да, но, похоже, умный. Он понимает, что за ту же плату ему проще доставить нас, чем ограбить, особенно если это может принести выгоду в будущем.

— В Кутиноцу были моряки, вооруженные люди, опытные бойцы. Здесь только я. Люди Мураками быстро поймут, что из всех нас вооружен только один.

— Что ж, тебе просто придется выглядеть исключительно устрашающе. Ты ведь сумеешь?

Валиньяно скрылся во мраке дальней части шатра, потом появился вновь с зажженной свечой, которую поставил на стол рядом с чашей воды. Он начал рыться в вещах в поисках бумаги и пера. Разговор был окончен.

На следующий день мы взошли на корабль Мураками. Всего нас было тридцать человек. Те немногие, кто побывал в замке Арима вместе с Валиньяно и со мной, были рады прохладному морскому воздуху, счастливы оказаться подальше от сырости и насекомых.

Люди Мураками были босы и одеты в короткие кимоно. На них были пояса для кинжалов и прочего мелкого оружия, а лбы они повязывали толстыми полосками кожи. Остерегаясь носить тяжелые кожаные и металлические доспехи и причудливые шлемы самураев на случай, если вдруг окажутся в воде, они предпочитали риск в бою опасности утонуть под тяжестью доспехов.

Они вальяжно стояли на палубе, пока иезуиты грузили свое имущество, и даже не пытались предложить помощь. Когда я взошел на борт, они обернулись и уставились на меня. Мураками, проверявший канаты на носу корабля, присвистнул и подошел ко мне, безоружный, голый до пояса и одетый лишь в дорогие на вид кожаные штаны.

— Не хотел бы я ввязаться с таким в драку, — шутливо бросил он своим людям.

— Тогда не давай для нее причины, — ответил я.

Мой японский ошеломил пиратов. Мураками не отступил, но уставился на меня с открытым ртом, потом хохотнул и хлопнул меня по руке. Матросы тоже рассмеялись, и Мураками начал громко распорядиться о подготовке к отплытию. Отец Валиньяно чуть заметно улыбнулся мне, потом отступил под сень одного из навесов, которые пираты поставили на палубе, чтобы защитить нас от солнца.

Следуя мимо островов, мы должны были прибыть в Сакаи через три дня. Был более короткий путь, вдоль побережья, но он проходил через воды, контролируемые кланом Мори — последним

кланом, представлявшим угрозу для власти Нобунаги. Нобунага уже успешно применил португальское оружие против клана Такэда в сражении при Нагасино, и Мори были бы не прочь воспользоваться возможностью помешать укреплению связей между иезуитами и их врагом. Лучше было идти через острова, чем вдоль северного побережья, где хозяйничали Мори.

Мы шли под парусом весь первый день и заночевали на берегу. Отец Валиньяно в основном оставался под палубой на корабле или сидел в шатре на берегу. Я заглядывал к нему, когда мне казалось, что он готов будет меня потерпеть, но всякий раз он взмахом руки отсылал меня прочь. Он не ел, почти не спал. Валиньяно был не из тех, кто оставляет детали на откуп другим, и каждая мелочь следующего этапа нашего путешествия требовала идеальной подготовки. Мы направлялись в Киото без приглашения, чтобы навестить даймё Оду Нобунагу. Валиньяно нужно было найти способ получить приглашение и подготовиться к встрече. Если Япония объединится под властью одного человека и если этот человек открыто примет христианство, у Валиньяно появится возможность обратить всю страну одним махом.

Пока Валиньяно работал, остальные ранним вечером собрались у костра и ели рыбу с рисом, а пираты пили sake. Постепенно их лица покраснелись. Я открыл ящик и выставил им несколько бутылок португальского красного вина. Они

предназначались в подарок для японских феодалов и сановников, но пара бутылок роли не сыграет, а у меня на руках была целая орава иезуитов, которую нужно было охранять. Довольные пираты казались мне более спокойной компанией, чем недовольные. Пираты пустили бутылки по кругу, пили, морщились, потом прикладывались снова. Они предлагали выпить и мне, но я воздержался. Я всегда был на посту, и мне это нравилось.

Пираты кричали и делились историями до поздней ночи, а когда они, наконец, умолкли, на смену пришел хор цикад. Я спал у входа в шатер Валиньяно на татами, на котором, как ни старался, никак не мог уместить ноги.

Утром пираты двигались медлительно, все еще одурманенные выпивкой, но к полудню пришли в себя. Я позволил себе расслабиться. Хотя люди Мураками пользовались славой отчаянных бойцов, было очевидно, что приказам Мураками они следуют беспрекословно, а Мураками вовсе не хотел проблем. Он легко мог бы изменить курс чуть к северу и продать нас всех Мори за кругленькую сумму.

Когда я спросил у него, почему он так не поступил, он пожал плечами и ответил:

— Никогда не следует помогать стороне, обреченной на поражение.

— Значит, клан Ода победит Мори? — спросил я.

Он кивнул.

— Никто не знает, что будет дальше. Эти воды... — он широким жестом обвел море. — Сегодня они принадлежат одному владыке, завтра — другому. Сегодня этот даймё сражается плечом к плечу с другим даймё, а завтра они уже воюют друг с другом. На памяти ныне живущих так было всегда. Но, возможно, скоро этому придет конец. Возможно, скоро мы все будем принадлежать одному человеку. Знаю только одно — я не хочу быть тем, кто навлечет на себя его гнев.

— Но разве сейчас все не принадлежит одному императору? — спросил я.

Мураками ответил неопределенным жестом.

— Мы относимся к императору с величайшим почтением, но власть императору дает небо. Нобунаге власть дает меч. Даже самые благочестивые люди второго боятся куда сильнее, чем первого, когда этот меч приставлен к горлу.

Мураками улыбнулся и пошел проверить своих людей, вывешивавших за борт ловушки, чтобы поймать еду на ужин. Я посмотрел в сторону берега. Острова были почти безлюдны, и их немногочисленные обитатели переселились вглубь, подальше от берега, видимо, опасаясь Мураками и ему подобных. Время от времени попадались хижины из дерева, посеревшего под действием моря и ветра, нередко покосившиеся, но в основном были видны лишь поля, поросшие травой и цветами, пологие холмы и горы вдали. Люди Мураками не проявляли по отношению к нам

никакой агрессии, и я просто стоял у поручня, наслаждаясь видом.

Мне все еще казалось волшебством видеть новое место, вдыхать новый воздух, слышать новые звуки. Сразу после захвата рабовладельцы привезли меня в Индию. Несмотря на ужас и истощение, я был очарован запахом, когда меня вели из порта, поражен гулом голосов в городе. Всю свою жизнь до этого я провел в тихой деревне и никогда не ожидал, что увижу что-то кроме нее, никогда не верил в существование других мест и не тратил время на размышления о них.

Отец побывал во многих городах и деревнях, и мне нравилось слушать его рассказы о местах, которые он повидал, о людях, с которыми он торговал, но они никогда не пробуждали во мне желания повидать эти места самому. Это моя мать всегда слушала его как зачарованная.

Воспоминания о доме редко посещали меня, и теперь, когда это случилось, я постарался поскорее их прекратить. Было время, когда я пытался вспоминать. Каждое новое место пробуждало во мне стремление описать его словами моего отца, попытаться рассказать о нем матери, но я уже давно утратил это желание. Я больше не мог общаться с предками. Наверное, я уехал слишком далеко от дома.

На скалистом уступе с подветренной стороны корабля на солнце лежала женщина. На ней не было ничего, кроме куска ткани, обернутого вокруг

бедер. У нее были стройные и мускулистые ноги и плоский живот, а капли воды на коже переливались то голубым, то зеленым, то желтым. Рядом лежала кучка из полудюжины раковин, несколько кусочков коралла и одинокая морская звезда. Она приподнялась, чтобы посмотреть в нашу сторону, и я увидел ее неровные зубы, выкрошившиеся из-за необходимости поднимать раковины со дна моря, и глаза, налитые кровью от сосудов, лопнувших под давлением на глубине.

Пираты, ловившие рыбу у поручня, тут же отвернулись, и я последовал их примеру. За время, проведенное в море, я научился узнавать моряцкие суеверия и понимать, на какие крайности они готовы, чтобы избавиться от того, кто, как им кажется, приносит несчастье. Я услышал тихий плеск и, обернувшись, увидел расходящиеся круги там, где женщина нырнула в воду. Я не сводил глаз с этого места, пока корабль не ушел за изгиб берега, но так и не увидел, всплыла ли она.

Глава 5

Едва мы сошли на берег в порту Сакаи, как Валиньяно начал раздавать распоряжения. Он решил совершить семидневный переход из Сакаи в Осаку, потом остановиться на целую ночь перед последним переходом из Осаки в Киото. Это был не самый быстрый способ передвижения, но он должен был вызвать самую большую шумиху. Возможно, слухи дойдут до ушей Нобунаги и пробудят в нем достаточный интерес, чтобы он сам захотел с нами встретиться.

Валиньяно муштровал процессию священников с методичностью военного. Он ехал верхом впереди в торжественном черном одеянии с украшенным драгоценностями распятием на шее и вез шкатулку с частицей креста Господня. Я следовал за ним с копьем, отполированным до зеркального блеска, и пешком был почти одного роста с Валиньяно, сидевшим на лошади.

За нами шли остальные священники в более скромных коричневых рясах и сандалиях, которые едва ли были способны пережить этот путь. Священникам было поручено держать перед собой книги, но я знал, что лишь немногие из них умеют чи-

тать. Остальные должны были прилежно смотреть на страницу и петь гимны по памяти. Некоторые несли колокольчики на веревках, которыми должны были помахивать из стороны в сторону в унисон. Эту группу возглавляла троица священников, которым выпала незавидная участь держать резной деревянный крест размером больше любого из них, прекрасно понимая, как взбешен будет Валиньяно, если их ноша хоть немного наклонится в сторону. Замыкали процессию носильщики, нанятые через Мураками, которым было строго-настрого приказано не привлекать к себе внимания.

Тщательно спланированная отцом Валиньяно помпезность произвела в точности тот эффект, на который он рассчитывал. Звон колокольчиков заставлял горожан выходить на улицу, и они стояли толпами вдоль дорог, по которым мы проходили, показывая пальцами, хлопая в ладоши и оживленно переговариваясь. Иногда мне удавалось различить слова вроде «гигант», «быки» или «чернила», и я понимал, что чаще всего пальцы были направлены на меня.

Первый день прошел гладко, но с приближением к Осаке начались проблемы. Жители портовых городов встречали африканцев, которые загружали и разгружали корабли в порту, а иногда и выходили в город, когда иностранным морякам доводилось провести ночь на берегу, но в городах, удаленных от побережья, многие никогда прежде не видели чернокожих.

Люди толкались на улице, тянули ко мне руки, сравнивая размер и цвет ладоней, иногда подпрыгивали, чтобы посмотреть, смогут ли сравняться со мной ростом, а потом подбивали товарищей делать то же самое. Когда удавалось оттеснить их в сторону, они пристраивались к процессии, как и многие мужчины и женщины из мелких городишек. Наш эскорт разросся с нескольких десятков до нескольких сотен. В Осаку мы пришли на целых полдня позднее, чем рассчитывали. Здесь нас приветствовали ученики семинарии из Киото, которые пожелали присоединиться к нам на пути в столицу. Они принесли новые сандалии для священников, которые с благодарностью надели их на грязные и распухшие ноги.

Утром толпа, ожидавшая нас у ворот, оказалась намного больше той, что мы собрали по пути. За ночь вести разлетелись по всей округе, и местные жители хотели хоть одним глазком взглянуть на странно одетых европейцев и чернокожего гиганта.

— Слишком опасно, — сказал я Валиньяно. — Мы должны разделиться. Мы отправимся в Киото небольшими группами, стараясь избегать толпы, и встретимся там.

— Чушь. Мы войдем в Киото в полном сиянии славы матери-церкви, и чем больше японских душ последует за нами, тем лучше.

Валиньяно распорядился открыть ворота и отправить полдюжины лошадей, чтобы расчистить дорогу через толпу. В Киото мы отправились тем

же порядком. Семинаристы выстроились позади священников, изображая кающихся грешников. Они спустили рясы до пояса и шли, склонив головы, распевая и нахлестывая себя по спинам и плечам до крови короткими узловатыми веревками и плотно связанными пучками камышей.

Толпа напирала, но позволила нам пройти. Ко второй половине дня мы достигли окраины города, и окружавшие нас люди стали вести себя более шумно. Процессия стала напоминать праздник. Мужчины пили sake из кожаных фляжек и пускались в дикие судорожные пляски. Распутные женщины распахивали кимоно, обнажая грудь, а иногда и больше, чтобы привлечь возможных клиентов. Людское море волновалось и теснило нас. Люди цеплялись за мою одежду, подпрыгивали и пытались удержаться на моих плечах, словно дети.

Толпа преградила путь носильщикам, и они остановились. У кающихся грешников отобрали плети, и теперь мужчины в толпе с громким смехом и криками охаживали ими друг друга. Крест повалили на землю, а хор оставил всякие попытки петь. Валиньяно вертелся в седле, оглядываясь по сторонам, и впервые за все время нашего знакомства утратил уверенность.

Волнение толпы толкало одних вперед, других — назад, все больше отделяя нас друг от друга. Под напором тел кто-то упал, и его затоптали. Толпу распирало во все стороны, словно огромные

меха. На землю посыпались прилавки с едой. Немногочисленные богатые горожане, которых несли в паланкинах, оказались в полной беспомощности прижаты к стенам домов. Нищие, аптекари, художники, купцы — все побросали свои места в поисках убежища. Слышался хруст бьющихся горшков, треск рвущихся холстов. Из покореженных клеток на волю вырвались животные, внося свою нотку в общее смятение. В толпе то и дело вспыхивали потасовки, раздавался треск дерева — кем-то проломили стену.

Передо мной лошадь Валиньяно в испуге встала на дыбы, и ему с трудом удалось успокоить скакуна. Он указал в сторону церкви и выкрикнул что-то неразборчивое, крепко натянув поводья. Церковь, стоявшая всего в нескольких кварталах от нас, была построена в том же стиле пагод, что и другие окружавшие ее здания, чтобы новообращенные японцы чувствовали себя уютнее, но, к счастью, была достаточной высоты, чтобы ее было отчетливо видно из-за домов.

Слова Валиньяно утонули в общем шуме, но его жест был ясен — каждый сам за себя.

Древком копыя я расчистил себе узкую дорожку и побежал, расталкивая мужчин и женщин. Пьяные гуляки бросились в погоню, и по улицам за мной устремилась извивающаяся змея. Я старался бежать по направлению к видневшейся крыше церкви, но временами приходилось сворачивать. На узких улочках и в еще более узких переулках

я то упустил ее из виду, то находил снова. Толпу охватил охотничий азарт, они радостно кричали и возбужденно звали остальных. С меня с треском сорвали рубаху, и счастливый обладатель трофея вскинул его над головой, но его тут же поглотила толпа соотечественников.

Чувствуя, как горят легкие и ноги, я бежал что было сил, стараясь приблизиться к цели при любой возможности. В квартале от церкви я свернул за угол и уперся в тупик. Дорогу преграждал деревянный забор. Я повернул обратно, но было поздно. Вход в переулок уже заполнялся самыми расторопными из преследователей.

Я навалился на забор, надеясь, что он поддастся, и, к собственной радости, услышал треск. Занозы глубоко впивались в руки, а за моей спиной бесновалась толпа, радуясь такой демонстрации силы. По рукам и пальцам струилась кровь, но теперь ворота церкви были прямо передо мной. Двое лысеющих мужчин в монашеских одеяниях жестами зазывали меня войти. Я без сил повалился на землю, и они закрыли за мной ворота на толстый засов.

— Идем.

Священники подхватили меня под руки и повели внутрь. Валиньяно с горсткой других священников был уже там.

— А остальные? — спросил я.

— Еще за воротами, но с ними все должно быть в порядке. Большая часть толпы побежала за тобой.

Словно чтобы подчеркнуть слова Валиньяно, из-за стен послышались напевные требования вывести за ворота черного гиганта. Деревянные столбы закрипели под напором толпы. Валиньяно выглянул наружу.

— Ворота выдержат?

— Мы не рассчитывали, что понадобится крепость.

Ответивший священник походил на человека, который провел в библиотеках больше времени, чем на кораблях. Под свободной рясой он казался почти толстым, но лицо будто состояло из одних углов — скулы едва ли не просвечивали сквозь кожу, нос напоминал изогнутую острую стрелу. Лицо его было чисто выбрито, а бледно-зеленые глаза мерцали удивительным спокойствием. Он поцеловал руку отца Валиньяно.

— Я — брат Органтино. Жаль, что мы не встретились в более спокойной обстановке, но мы рады, что вы в безопасности. — Он обернулся ко мне. — Нужно заняться твоими ранами.

Я посмотрел на свои руки, грязные и кровоточащие, с занозами, торчащими из порезов. Органтино взмахнул рукой, и вынесли таз с водой. Я морщился, пока молодой священник промывал раны.

Валиньяно стал выяснять, что с остальными. Камень, брошенный из-за забора, громко стукнул по черепице крыши. За ним — другой. Выкрики толпы из просто пьяных стали оскорбительными.

Над воротами показалось несколько голов — люди карабкались друг на друга, чтобы посмотреть, что происходит внутри. Ворота прогнулись внутрь.

Тон криков снова изменился, головы развернулись в другую сторону и скрылись из вида. Послышался стук копыт и звук не то палки, не то посоха, ломающего кости. Крики, паника, хаотичный топот ног, и через несколько мгновений — тишина.

— Откройте ворота.

Органтино бросил взгляд на отца Валиньяно, потом размашистым шагом вышел во двор, снял засов и открыл ворота. Въехала дюжина всадников, одетых в черные доспехи и вооруженных длинными посохами, которыми разгоняли толпу, и двумя мечами на поясе. Сзади на седлах были укреплены флаги с одинаковой эмблемой: четыре лепестка, черные с золотом.

Всадник, ехавший во главе, спешился.

— Господин Нобунага хочет видеть человека, ответственного за эти волнения.

Брат Органтино чуть поклонился.

— Мы рады исполнить волю господина Нобунаги, но просим передать вашему господину, что волнения устроили не мы.

Мужчина оттеснил Органтино плечом и поднялся по ступенькам церкви. Царивший всего несколько мгновений назад хаос сменился тишиной, нарушаемой лишь позвякиванием доспехов воина и храпом одной из лошадей за его спиной. При виде меня его глаза расширились. Рука сдвинулась

ближе к рукояти меча, и он чуть присел, словно изготовившись к бою.

Рядом со мной стоял Валиньяно, поправляя свое одеяние.

— Я — отец Алессандро Валиньяно, визитатор Индии и представитель Его Святейшества Папы Римского. Я прибыл из Португалии через Рим. Теперь я отвечаю за эту миссию, и мы были бы весьма рады встретиться с вашим высокочтимым господином.

Если воин и потерял самообладание, то очень быстро взял себя в руки. Он выпрямился и убрал руку от меча.

— Господин Ода Нобунага послал за чернокожим человеком и больше ни за кем. И мой господин желает видеть его немедленно.

Глава 6

Мне дали время переодеться, и только. Брат Органтино нашептывал мне на ухо советы, помогая надеть чистую рубашку и дублет.

— Он может быть... непредсказуем. Но редко поступает неразумно. Если он встретит тебя тепло, не расслабляйся. Если он будет зол, не паникуй. Он не ожидает, что ты знаешь их обычаи, поэтому, возможно, будет терпим к ошибкам, но не слишком. Главное — он любопытен. Если ты сможешь рассказать ему то, чего он не знает, он это оценит.

Я пытался понять слова Органтино, но он шептал так тревожно, что это вызывало у меня только лишнюю неловкость. Меня учили иметь дело с опасностью, а не заниматься политикой. Я много раз был свидетелем гладкой и вкрадчивой дипломатии Валиньяно, но во всех этих случаях моя роль сводилась к тому, чтобы стоять тихо, выглядеть внушительно и высматривать опасность. Это он должен был предстать перед Нобунагой, а не я.

Отец Валиньяно еле сдерживал гнев, поняв, что ему придется остаться. В какой-то момент мне показалось, что он набросится на солдат Оды и потребует приглашения. После того как он с таким

тщанием подготовился, чтобы привлечь внимание Нобунаги и добиться у него аудиенции, к японскому военачальнику предстояло отправиться мне, а Валиньяно остался не у дел. Честно говоря, мне отчаянно хотелось, чтобы вместо меня говорил священник. Вместо этого я должен был предстать перед Нобунагой после того, как вызвал беспорядки в его столице. Каждая пуговица, которую застегивал брат Органтино, казалась слишком тугой, каждый его совет — слишком сложным.

Валиньяно томился в углу, непривычный к ситуации, которую не мог полностью контролировать. Он наблюдал, как мы перешептываемся. Ему хотелось подойти к нам, чтобы самому дать мне указания, но строгие взгляды ожидавших солдат заставили его сдержаться. От него помощи не будет.

За воротами церкви еще оставались немногочисленные гуляки, но они жались к стенам и прятались в переулках, чтобы очистить дорогу всадникам клана Ода. Я следовал за ними пешком. Меня до сих пор не связали. Я надеялся, что это хороший знак, но, вероятнее всего, шагал навстречу собственной казни.

Храм Хонно-дзи представлял собой обнесенный стеной буддистский комплекс всего в нескольких кварталах от иезуитской церкви. Ни Нобунага, ни любой из тех, кто там находился, никак не мог пропустить переполох, царивший меньше часа назад. Я вдруг ощутил усталость. Впечатления этого дня давили на меня, но нужно было постараться. От этого

зависела не только моя жизнь. Теперь я стал первым посланником миссии отца Валиньяно, и, хотя брату Органтино и удалось установить относительно дружественные отношения с Нобунагой, от этой встречи могло зависеть будущее церкви в Японии.

Слухи о том, что странного чужеземца вызвали ко двору, разлетелись по Хонно-дзи, и за воротами собралась небольшая толпа, чтобы посмотреть на меня. Эта толпа была куда спокойнее буйной оравы на улицах города. Люди держались на почтительном расстоянии и разглядывали меня с любопытством, но в остальном не показывали ничего. Их лица оставались безразличными, я не мог прочесть в них ни дружелюбия, ни вражды. Меня повели во внутренний двор и дальше, мимо приземистых, скромно украшенных домиков.

Полагаясь на свою подготовку, я изучал окружающую меня обстановку. Бросалось в глаза отсутствие в буддистском храме любых изображений Будды. Я вспомнил, как брат Амброзиу рассказывал о сожжении храма на горе Хиэй и недавней осаде икко-икки, воинствующих монахов, с чьим влиянием на дела в Японии пытался бороться Нобунага. Статуи, конечно же, убрали, да и сам факт, что Нобунага использовал храм в качестве временной резиденции, скорее всего, был не столь уж и тонким намеком для остальных буддистских монахов. С политикой придется быть осторожнее. Валиньяно хорошо обучил всех нас, но все равно я еще слишком многого не знал.

Мы поднялись по ступеням большого здания чуть в стороне от основного святилища. В приемной толпились самураи, купцы, мелкие феодалы и прочие видные люди, каждый с необычными и изысканными дарами. Я вдруг отчетливо понял, что вот-вот встречу одного из самых видных людей Японии с пустыми руками, но с этим уже ничего нельзя было поделать.

А еще я впервые за последнее время был безоружен. Даже во время сна я всегда держал копье под рукой. Теперь стоять без оружия мне было так же неловко, как большинству было бы неловко стоять голым. Как бы спокойно ни обращались со мной конные самураи, не было никаких сомнений: я здесь пленник, а не гость. По приемной пронесся шепоток. Моя макушка касалась низкого потолка, и все взгляды были устремлены на меня, хотя большинство присутствовавших и проявило достаточно уважения, чтобы притвориться, что это не так.

Старший из всадников тихо проскользнул в главный зал и вернулся спустя несколько мгновений. С ним был юноша с нежной бледной кожей и угольно-черными глазами. Он был одет в замысловатое оранжевое кимоно, зеленые узоры на котором подчеркивали небольшие серебристые пятнышки. Один из ожидавших феодалов приветствовал его по имени — Ранмару. Но тот в ответ лишь вежливо кивнул.

Ранмару жестом подозвал меня, и взгляды некоторых просителей тут же стали враждебными, потому что меня вызвали раньше них.

Меня остановили у самого входа. Юноша, которого звали Ранмару, представил меня как «черного монаха», но было не время исправлять его. Я пригнул голову в дверях и вошел в зал. Войдя, я тут же бросился ниц, коснувшись лбом пола и оставшись в этой позе. Валиньяно сделал все, чтобы подготовить своих спутников. Он обучал меня обычаям японского двора, и, по крайней мере, в этом случае я нехотя признал, что благодарен Валиньяно за внимание к деталям. Когда меня похлопали по плечу, я снова встал в полный рост.

Главный зал оказался огромным помещением с высоким сводчатым потолком. Деревянные балки, пересекавшие потолок, были раскрашены в яркие цвета, и на некоторых были нанесены изображения из буддистских легенд. Чем бы ни было продиктовано решение убрать статуи во дворе, здесь решили ничего не менять. Если в этом была какая-то уступка, значит, Ода Нобунага соглашался с тем, что его власти есть предел. Но лучше было не делать таких предположений, не разузнав побольше.

Ставни на окнах вдоль стены были усыпаны золотыми листьями, но в остальном стены были совершенно голыми. Вдоль них на татами сидели мужчины в ярких кимоно, украшенных цветами или рыбами. Большинство сохраняли неподвижность, но некоторые искоса бросали взгляды в ту сторону, где стояли мы с Ранмару.

В дальнем конце помещения на помосте в несколько ярусов были расставлены изящные шел-

ковые ширмы. На нижнем уровне помоста боком ко входу сидели трое мужчин, а за ними, на самом высоком уровне — Ода Нобунага.

У него была короткая треугольная борода цвета воронова крыла и аккуратно подстриженные усы. Волосы были зачесаны назад и забраны в тугой пучок на затылке. В отличие от мужчин, сидевших рядами вдоль стен, на Нобунаге было простое кимоно цвета лесной зелени, но ткань явно была более высокого качества и слегка переливалась в свете фонарей. Нобунага поднял руку и жестом подозвал нас.

Двери зала закрылись за нами, и я позволил Ранмару отвести меня к помосту. Там я снова опустился на колени и поклонился, коснувшись лбом холодного пола.

Я услышал шорох. Ранмару опять коснулся моего плеча, и я, подняв голову, увидел перед собой Нобунагу, стоявшего сложив руки за спиной. Нобунага чуть склонил голову набок, изучая меня. Потом жестом приказал мне встать. Поглядев снизу вверх на возвышавшегося над ним чернокожего человека, он еле заметно улыбнулся. Он протянул руку и коснулся моей шеи, слегка сжав кожу между пальцами, потом посмотрел на их кончики, посмотрел на место, где он потер мою шею, чтобы убедиться, что кожа не посветлела. Я не знал, дозволяется ли мне говорить, но решил рискнуть.

— Если моему господину угодно, я немного говорю по-японски. Надеюсь, достаточно хорошо, чтобы не вызвать неудовольствия моего господина.

Было слышно, как ошеломленно открыли рты мужчины, сидевшие вдоль стен. Потом донеслось приглушенное бормотание. Даже мужчины на нижнем ярусе помоста, до сих пор сохранявшие полную неподвижность, подняли головы. Более разную троицу было трудно себе представить. Первый был маленький, худой и уродливый, с плотно сжатыми губами и близко посаженными глазами. Второй был толстый и румяный, черты его лица словно перетекали в складки кожи под подбородком. А третий был старше, почти совсем лысый, только на висках торчали клочками седые волосы.

В глазах Нобунаги тоже промелькнуло удивление, но улыбка не сходила с его лица, словно он пытался разгадать подвох.

— Снимешь рубашку? — спросил он.

Я подчинился, расстегнув сначала дублет, потом стянув надетую под него блузу. Нобунага взмахнул рукой и приказал принести умывальный таз. Появились три служанки. Две несли деревянную кадку с водой, а третья — щетку. Они опустили на колени и скрыли лица, подняв принесенные предметы над головами.

Нобунага снова улыбнулся мне, окунул щетку в воду и начал скрести мою кожу сначала на груди, потом на руках, потом обошел меня и потер спину. На мгновение я вспомнил унижение, когда в меня тыкали пальцами грубые белые люди, осматривавшие нас перед погрузкой в трюм корабля, следовавшего в далекие края.

Любопытство Нобунаги выразалось куда более уважительно.

Я старался стоять неподвижно, прижав подбородок к груди и обернув запястья рукавами рубашки, словно цепью. Прикосновения щетки отдавались болью, особенно там, где я сегодня поранил руки, пробиваясь через забор, и в местах старых ран на спине и груди, оставивших на коже морщинистые рельефные следы. Нобунага бросил щетку в кадку, и служанки бочком, словно крабы, отодвинулись в сторону, не поворачиваясь спиной и не поднимая головы.

Он снова осмотрел мою кожу, ущипнул меня, посмотрел, не останутся ли следы на пальцах, и удивился, увидев, что цвет не изменился.

— Как тебя зовут?

Я назвал Нобунаге имя, которое дали мне португальцы. Нобунага с видимым трудом попытался повторить его.

— Ясукэ.

Я кивнул, не желая ему перечить.

— Эта кожа. Как такое возможно?

— Я родом из дальних земель, господин. Это цвет моего народа.

— И они все такие же высокие?

— Да, господин. Хотя и не все такие сильные. А таких красавцев и вовсе больше нет.

Шутка была рискованная, но она себя оправдала. Нобунага хлопнул меня по плечу и громко рассмеялся. Люди вдоль стен поняли намек

и присоединились к нему, и эхо разнесло хохот по залу.

— Иди, садись! Сегодня ты будешь моим гостем. Мне не терпится узнать еще что-нибудь.

Я застегнул рубаху и дублет. Нобунага приказал принести еду и питье, и все вокруг закипело. По правую руку от Нобунаги постелили татами, и меня усадили на него. Ранмару занял место за моей спиной. Слуги приходили и уходили. Их было так много и двигались они так быстро, что уследить за всеми было невозможно. Перед мужчинами на подносе поставили длинные плоские доски, потом такие же доски поставили перед мужчинами вдоль стен зала, потом принесли чашки и множество тарелочек с едой. Здесь были рисовые хлебцы, рыба, дичь, которая могла быть как фазаном, так и перепелкой или диким гусем. К ним подавали редис, бобы, мелкую японскую картошку, тофу, орехи, ямс, абрикосы, персики, яблоки, апельсины и кислые сливы.

Вынесли кувшин sake, и Нобунага собственноручно налил мне первую чашку. Я понял, что это великая честь. Бóльшую часть путешествия я избегал спиртного — лишь несколько рюмок с корабельными офицерами и ни капли с того момента, как мы ступили на землю. Долг телохранителя Валиньяно требовал от меня всегда оставаться настороже, но в этот вечер я был свободен от этой обязанности.

Предположив, что отказаться от sake, предложенного Нобунагой, будет великим оскорблением,

я поднял чашку обеими руками, чувствуя Нобунагу, и выпил. В сравнении с мягким португальским вином, которое мне иногда доводилось пить, я словно проглотил огонь и, поморщившись, закашлялся, но Нобунага лишь рассмеялся.

Я внимательно наблюдал за тем, как ели хозяйка, и изо всех сил старался подражать им, неуклюже орудуя палочками.

— Ты хорошо справляешься, Ясукэ, — прошептал мне на ухо Ранмару. — Если нужно, можешь брать еду пальцами, просто старайся делать это незаметно.

Мысленно поблагодарив его за совет, я принялся быстро есть, пытаюсь скрыть недостаток умения. Вкусы изящно сочетались, и после месяцев корабельной еды, скудного питания, которое мог предложить нам господин Арима в осажденном замке, подгорелой и пахнущей дымом еды на берегу с пиратами и безвкусных подношений во время нашего благочестивого похода в Киото, я наслаждался каждым кусочком.

Нобунага повернулся ко мне и взволнованно щелкнул пальцами.

— Сможешь поднять эту девчонку? — спросил он, указав на одну из служанок.

Та только что взяла в руки поднос Нобунаги, чтобы заменить его новым, и теперь замерла на месте. Подняв голову, она посмотрела сначала на своего господина, потом на меня, явно испытывая неловкость оттого, что ее заметили.

Я встал и улыбнулся ей, как я надеялся, ободряюще. Мой взгляд задержался на ней достаточно долго, чтобы подметить детали: карие глаза, подведенные черным и усыпанные яркими оранжевыми точками; узкий подбородок был чуть асимметричен, словно она привыкла прикусывать губу; от ее волос исходил слабый цитрусовый запах. Потом я отбросил эти мысли и сосредоточился на улыбке на собственном лице. Мне редко доводилось бывать рядом с женщинами, а всякий раз, когда это случалось, мне нужно было сдерживать эмоции — чувства, испытывать которые я не мог себе позволить.

— Тебе нечего бояться, — сказал я и тут же почувствовал себя глупо.

Я жестом попросил ее сцепить ладони, и она, поставив поднос, выполнила мою просьбу. Я подхватил ее под сцепленные руки, казавшиеся маленькими и мягкими рядом с моей рукой, и легко поднял ее в воздух. Повернувшись, я подозревал еще одну служанку и поднял ее другой рукой.

Мужчины хлопали и радостно кричали, а я стоял на помосте и держал обеих девушек над собой. Нобунага радостно вскинул руки. У меня в голове не укладывалось, что именно об этом дружелюбном человеке мне говорили, рассказывая, как он жег храмы и приказывал убивать женщин и детей. Но я повидал достаточно войн, чтобы знать, что у некоторых людей могут быть две души.

— Покажи, откуда ты родом!

Нобунага дал отрывистую команду. Девушка с оранжевыми искорками в глазах скользнула в сторону, не поднимая головы, прежде чем я успел сказать ей еще хоть слово. К Нобунаге поспешил слуга с тряпичным свитком в руках.

— Ваш монах Органтино поднес этот дар, — произнес Нобунага, с гордостью разворачивая свиток.

Это оказалась прекрасно нарисованная карта мира, настолько подробная, насколько позволяли знания португальских моряков. Он выжидающе посмотрел на меня. В его глазах я заметил жажду новых знаний, любопытство, о котором говорил Органтино.

Я неуверенно посмотрел на него, не желая разочаровывать. В каюте капитана я часто видел карты, но это были карты морей, а не земель. Я попытался представить себе, как те карты соотносятся с той, что сейчас развернулась передо мной. Я ткнул пальцем туда, где, как мне казалось, находилась Африка, и Нобунага своими пальцами отмерил расстояние оттуда до Японии.

Если он был поражен, как велико это расстояние, то меня удивило, насколько оно мало. Труд моряков мало меня интересовал, но моих знаний хватало, чтобы судить о расстоянии по карте, и если мне казалось, что я нахожусь на другом конце света от того места, где меня захватили в рабство, то Нобунаге хватило размаха пальцев, чтобы покрыть все расстояние.

— Я бы хотел однажды увидеть это чудесное место!

Я был рад его веселости, но помнил совет брата Органтино. Настроение Нобунаги могло измениться в мгновение. Времени на раздумья не было. Все началось неплохо, но до безопасности было еще далеко.

Принесли еще sake, еще еды. Мужчины перед помостом смеялись и шутили, но сохраняли достоинство, ни на миг не забывая о присутствии Нобунаги. Только трое мужчин, сидевших на помосте ниже Нобунаги, хранили молчание.

Я пригляделся к ним: старший — седовласый и лысеющий, второй — более дородный с густой черной бородой и усами, третий — жилистый, с уродливым лицом и пронизательными глазами. Все трое были одеты в шелковые кимоно, но поверх них были украшенные изящным шитьем накидки, широкие в плечах и сужающиеся к поясу. Они сидели, привычно подвернув пятки под себя. В основном они сидели неподвижно, но когда совершали хоть малейшее движение, оно приобретало церемониальную торжественность. Я отметил, что в этом зале только им было дозволено носить мечи, тогда как мужчины, сидевшие вдоль стен зала, были безоружны.

Мне хотелось спросить, кто они такие, но я решил этого не делать. Когда Нобунага наелся, он снова хлопнул в ладоши.

— Приведите сказителя. Пусть поведает нам о «Божественном ветре»!

Ранмару склонился ко мне и прошептал на ухо:

— Нобунага оказывает тебе честь. Эта история — одна из его любимых.

Вскоре двери в дальней стене снова раздвинулись, и в центр зала вышли трое мужчин. На первый взгляд они были с ног до головы облачены примерно в такие же доспехи, какие носили воины, что привезли меня из иезуитской церкви. Приглядевшись, я увидел, что, в отличие от тех всадников, в доспехах этой троицы не было металла, если не считать шлемов. Доспех полностью состоял из толстой кожи и казался немного более громоздким и стеснявшим движения. Он походил на более старую версию доспехов конных самураев, и, если это действительно был какой-то костюм, у этих мужчин не было времени так быстро его надеть. Единственная возможность заключалась в том, что в доме целая армия слуг была готова в любой момент исполнить любую прихоть Нобунаги.

Трое мужчин поклонились, опустившись на колени, потом вскочили на ноги с таким изяществом, словно на них не были надеты тяжелые костюмы. Зал затих, и первый из троицы заговорил громким и четким голосом.

— Три столетия назад монголы послали к нашим берегам свои корабли. Тиран Хубилай-хан покорил Китайскую империю и задумался о новых завоеваниях. Япония еще была неведома Хубилаю,

но до его слуха дошли рассказы о набегах наших пиратов на прибрежные деревни Китая и Кореи, и так он узнал о нас. В день, когда монгольские паруса впервые показались у наших берегов, случился пожар в святилище Хатимана, божества войны. Это знамение не предвещало ничего хорошего.

Казалось, всем присутствовавшим в зале эта история была хорошо знакома, но все слушали увлеченно, и в первую очередь Нобунага. Я рискнул подольше задержать взгляд на его профиле. Его волосы были туго стянуты в низкий пучок на затылке. Трепещущий свет ламп подчеркивал тенями линии его скул и подбородка. Он не просто наблюдал за актерами, он пожирал их взглядом, словно ему самому хотелось принять участие в повествовании. Троица актеров выстроилась в оборонительный порядок, положив ладони на мечи.

— Первый удар монгольские корабли нанесли по Цусиме, и мы оказались не готовы к их варварской тактике. Никогда прежде чужеземная армия не ступала на наши земли, и монголы пронеслись по ней, истребляя нас.

Пока ведущий актер продолжал повествование, двое товарищей за его спиной живописно падали на пол, вставали и падали снова.

— Славный самурай Сукэсада взял в руки меч и сразил двадцать пять захватчиков в рукопашной, но монголов было слишком много, и они победили.

Актеры вытащили из ножен деревянные мечи и стали принимать воинственные позы.

— Они высадились на остров Ики и встретили столь же бесстрашное сопротивление, но с тем же результатом. Прежде чем войти в залив Хаката, они прибили тела японских воинов гвоздями к носам своих кораблей и развесили их на мачтах, обагрив паруса благородной кровью наших соплеменников. Японское войско собралось на берегу, ожидая восхода солнца и начала высадки, но ночью поднялся ветер. Он налетел с такой силой, что под его напором падали вековые деревья на опушке леса. Порывы срывали черепицу с крыш храмов и швыряли ее во вражеские корабли. Вода сердито бурлила и вставала стеной, чтобы обрушиться на борта. Паруса надувались и лопались, и монголам приходилось кричать, чтобы стоящие рядом могли их услышать. Корабли унесло в море, и, когда наступило утро и ветер утих, монголы сбежали к более безопасным берегам.

Мужчины оперлись на мечи, изображая усталость, и вознесли благодарственную молитву тайфуну, спасшему их. Ведущий актер поднял голову.

— Семь лет минуло, прежде чем монголы вернулись. Вторая война походила на первую. Цусима, потом — Ики, за ним — залив Хаката. Они сели в лодки и устремились к берегу, словно блохи. Наши стрелы осыпали их волна за волной, но монголы продолжали грести к берегу. Каждый сраженный монгол служил товарищу щитом. Враги швыряли тела своих погибших в нас и атаковали, укрываясь за ними. Монголы нахлынули, словно

море, и живых было бы не отличить от мертвых, если бы в глазах одних не бушевала ярость, уже угасшая в глазах других. Когда они подошли слишком близко для наших стрел, мы взялись за мечи и принялись рубить эту ужасную орду, но оказались не в силах сдержать напор. Мы падали, нас стаскивали с коней и убивали. Строй нарушился, бойцы отступили под прикрытие леса, оставив берег. Пляж был усыпан телами убитых с обеих сторон. Но когда уже казалось, что все пропало, небо вновь затянули тучи. Море потемнело, поднялись волны с гребешками пены. Когда ударила первая молния, корабли монголов уже раскачивались, сначала опасно кренясь на один борт, потом едва не опрокидываясь на другой. Капитан одного из кораблей совершил ошибку и развернулся поперек волны. С опушки леса мы видели, как корма судна взмыла вверх и опрокинулась вперед. Толстая главная мачта треснула от удара о воду, и палуба разлетелась в щепки. Из разорванного днища дюжина монголов с криками посыпалась в бурлящее море, бесславно уйдя из нашего мира в мир иной. Еще один корабль опрокинулся и целиком ушел под воду с тихим шумом, похожим на биение сердца умирающего. Остальные капитаны действовали решительнее, быстро подняв якоря и позволив ветру отнести их в более спокойные воды открытого моря. Монголов на берегу охватила паника. Несколько десятков опрометчиво устремились к кораблям, бросаясь в бурные воды. Проплыв совсем

немного, они уходили под воду и тонули. Другие рассеялись вдоль берега в обе стороны. Но большинство стояли на месте до тех пор, пока мы не подняли луки и не успокоили лошадей. Следующие несколько дней мы рубили монголов на берегу и в лесах. Выследили их всех до единого и прикончили. Никогда более их корабли не возвращались к нашим берегам. Вновь «Божественный ветер» выступил на стороне Японии и смел наших врагов.

Весь зал встал с радостными криками. Актеры сняли шлемы и низко поклонились сначала стоявшим на помосте, потом в обе стороны, потом снова помосту и, пятась, вышли той же дорогой, которой и пришли. Нобунага горделиво вскинул подбородок, словно описанную только что победу одержал он сам. Один из мужчин в зале поднял свою чашку в сторону Нобунаги и прокричал: «Тенка фубу!»

Крик подхватили другие, и вскоре все собравшиеся в зале уже стояли, поднимая чашки в честь Нобунаги с криками:

— Тенка фубу! Тенка фубу!

Я не сразу понял, что это значит.

Тенка фубу.

Земля под властью одного меча.

Глава 7

Когда я вернулся в иезуитскую церковь в сопровождении четырех воинов Нобунаги, время уже было позднее. После повествования о «Божественном ветре» собравшиеся ненадолго притихли, но вскоре атмосфера кутежа воцарилась вновь. Один из мужчин, сидевших вдоль стены, смело потребовал от чужеземца украсить вечер своим рассказом, и я, по настоянию Нобунаги, согласился.

Я уразумел, что в зале, к моему облегчению, были в основном воины. Политики всегда вызывали у меня неловкость, но в компании солдат я чувствовал себя спокойно. Я принялся рассказывать о том, как победил султана с парой телохранителей. Все они были верхом на верблюдах. Если в японском языке и было слово «верблюд», то я его не знал, поэтому описал огромных лошадей, на полторы головы выше японских скакунов, с короткой лохматой шерстью и горбами на спине, в которых они хранили запасы воды, позволявшие целыми днями ходить по пустыне и не пить. По залу понеслись удивленные шепотки, когда я описывал высоких коней с горбами, несущих правителей

и воинов, подробно рассказывал о пышных одеяниях и искривленных клинках моих врагов.

Я попытался воспроизводить драматические жесты актеров, рассказывая об этом бое, и, когда я снова сел на татами рядом с Нобунагой, собравшиеся радостными криками приветствовали мою победу. Особенно громко они кричали, когда я описал, как выбил султана из седла, ударив его верблюда по морде голой рукой. Когда Нобунага обернулся ко мне и тихо спросил, сколько правды в моем рассказе, я ответил: «Ни единого слова, мой господин», на что Нобунага широко улыбнулся и снова наполнил чашку.

Когда под конец пира меня отпустили, я попятился к выходу из зала, кланяясь своим хозяевам, но глубже всего Нобунаге. В дверях я громко ударился затылком о притолоку, чем рассмешил напоследок собравшихся, и ушел.

Теперь, стоя у ворот церкви, я глубоко вдыхал ночной воздух и собирался с мыслями. Я был не слишком пьян, но сильно устал еще до начала пира, и глаза слипались, а мысли в голове еле шевелились. Воин постучал в дверь, и во дворе послышались шаги ног, обутой в сандалии. Меня ждали.

Ворота открылись, и по другую сторону я увидел брата Органтино. Сначала он посмотрел на меня с облегчением, потом — с любопытством. Он чуть поклонился воинам, которые развернулись и ушли, не проронив ни слова.

Органтино коснулся моего рукава.

— Ты пил?

— Мне показалось, что отказаться будет неучтиво.

— Отец Валиньяно будет недоволен. Идем. — Органтино вздохнул, но мне показалось, что на его губах играет слабая улыбка.

Ворота захлопнулись за мной, и мы вошли в здание. По знаку Органтино нам принесли чай, и чашка с горячим напитком почти полностью скрылась в моих толстых пальцах. Валиньяно и впрямь был недоволен, и лицо его выражало презрение. Однако за время, проведенное среди моряков, он научился быть менее требовательным к добродетельности других. Во всяком случае, если эти другие были ему полезны.

— Судя по всему, тебя приняли хорошо.

Я кивнул. Больше всего мне хотелось лечь на циновку и уснуть, но этому желанию не суждено было исполниться. Я пил чай, наслаждаясь его теплом.

— Там было много народу, они несли дары, стремились засвидетельствовать почтение. Но впустили немногих. В зале было где-то две дюжины мужчин, которые сидели на полу, еще трое — на помосте, и над ними — сам Нобунага.

— Что тебе удалось узнать о нем?

Я умолк, пытаясь обобщить свои наблюдения и понять, что из этого могло быть полезным. И понял, что, по правде говоря, Нобунага не выдал почти ничего.

— Он был дружелюбен. Вел себя скромно, хотя по тому, как смотрят на него остальные, ясно, что его боятся. Он поддерживал пьющих, но сам пил мало. Как и говорил брат Амброзиу, ему нравятся иноземные дары. Он очень гордится картой, которую подарил ему брат Органтино.

Органтино благодарно кивнул.

— Жестокий или милосердный? Мудрый или глупый? Наблюдательный или наивный? — нетерпеливо спросил Валиньяно.

— Я слишком мало видел, чтобы что-то утверждать.

Валиньяно фыркнул.

— А те трое, что сидели на помосте перед ним?

Я как сумел описал всю троицу и увидел, что Органтино кивает. Когда я закончил, он дополнил мой рассказ.

— Полководцы Нобунаги. Коротышка с морщинистым лицом — Тоётоми Хидэёси. Пользуется репутацией прекрасного стратега, да и в политике разбирается неплохо. Когда войско Нобунаги осадило замок Инабаяма, Хидэёси подружился с местным крестьянином и узнал от того о козьей тропе, ведущей к задней стене замка. Хидэёси с небольшим отрядом прошел по этой тропе, ночью взобрался на стену, поджег склады, чтобы отвлечь внимание гарнизона, и открыл главные ворота, в которые вошла армия Нобунаги. Так осада, которая должна была тянуться многие месяцы, завершилась в один день. Толстяк, которого ты

видел, — это Токугава Иэясу. Он сам — тоже даймё, правитель провинции Микава, но присягнул на верность Нобунаге и до сих пор эту присягу не нарушал. Он смел, иногда даже слишком, но также терпелив и исключительно предан. Однажды он удерживал замок против войска клана Такэда всего с пятью самураями. Он приказал открыть ворота, зажечь все светильники, а одного из своих людей поставил бить в барабаны. Такэда могли одержать легкую победу, просто войдя в ворота, но решили, что это ловушка. Войско Такэда разбило лагерь под стенами замка, вместо того чтобы захватить его, и это дало осажденным возможность дожидаться подкреплений. Третий полководец, старший из трех, это Акэти Мицухидэ. Этот человек питает бóльшую склонность к искусству и философии, нежели к войне, но тем не менее по-своему опасен. Он сыграл важнейшую политическую роль, организовав поддержку свержения Нобунагой сёгуната Асикага. До этого он несколько лет был ронином, самураем без хозяина. Он долгие годы служил клану Сайто и не сразу примкнул к Нобунаге после их поражения, поэтому не был связан клятвой ни с одним из даймё. Мы не знаем, что заставило его передумать, но, говорят, он еле сводил концы с концами. Это обычное дело для ронинов — потеря хозяина означает и потерю земельных владений, после чего они довольно быстро скатываются в бедность. Многие, чтобы выжить, становятся бандитами, но Акэти, говорят, не пал

столь низко. Мне как-то рассказывали, что однажды, когда он устроил небольшой ужин для друзей, его жена продала свои волосы, чтобы оплатить его. Когда он об этом узнал, то был так поражен, что поклялся никогда не брать наложницу, какого бы высокого положения ни добился.

— Хм... По крайней мере, человек чести.

Я вспомнил, как сурово Валиньяно смотрел, когда уводили разрыдавшуюся наложницу Аримы. Хотя священники и не могли жениться, ходили слухи, что некоторые частенько посещают бордели, и у Валиньяно всегда вызывало отвращение даже упоминание о подобных слухах. Неверность была для него тем грехом, которого он не терпел.

Валиньяно потерял глаза — это означало, что он устал не меньше меня. Я снова сделал глоток чая в предвкушении скорого завершения беседы и возможности поспать.

— Нам не следует подходить к их понятиям чести с нашими мерками, отец Валиньяно.

— Напротив, брат Органтино. Именно это мы и должны делать. Мы можем украшать свои церкви так, чтобы они походили на местные храмы, изучать их язык и их обычаи, но мы не должны жертвовать своими моральными принципами. Мы должны привести их ближе к Богу, брат, а не позволить им оттолкнуть нас от Него.

— Разумеется, — склонил голову Органтино в знак извинения. — Я сейчас же приступлю к организации аудиенции для вас, отец.

Чашка выскользнула у меня из руки и со стуком упала на пол. Сквозь смежающиеся веки я увидел, как на меня, сидящего в углу комнаты, укоризненно смотрят оба священника.

— Кажется, мне пора спать, — сказал я.

Брат Органтино сдержал слово, и спустя два дня я снова стоял перед Нобунагой.

Накануне войско господина Нобунаги прошло величественным маршем по улицам Киото. Отец Валиньяно снова расспрашивал меня о приеме в Хонно-дзи, и я описывал произошедшее во всех подробностях, которые только мог припомнить, — как он тер меня, как неправильно произнес мое имя, как выступали актеры, а заодно рассказал о своих наблюдениях за людьми в зале, за тремя полководцами и за самим Нобунагой.

Пока я говорил, по улице у наших ног текла торжественная процессия. Сначала — кавалерия. Воины в легких доспехах на лоснящихся лошадях. На седлах укреплены флаги с эмблемой клана Ода, лениво покачивавшиеся на ветру, пока воины вели коней легкой рысью. За ними шли асигару — пешие воины в кожаных шлемах и свободной одежде, с металлическими наплечниками и кирасами, состоявшими из рядов кожаных пластинок, закрывавших грудь, словно чешуя. Они маршировали за знаменами Ода и несли нагинаты — оружие, напоминавшее мое собственное копье, но с более тонким древком и более длинным, изогнутым

наконечником, вероятно, в большей степени рассчитанное на то, чтобы цеплять и рубить противника, чем мое оружие, предназначенное для колющих ударов и, если нужно, метания.

Самураи Нобунаги в этом параде не участвовали. Они ожидали во внутреннем дворе императорского дворца вместе с тремя полководцами: пожилым философом Акэти Мицухидэ, суровым и верным Токугавой Иэясу и жилистым стратегом Тоётоми Хидэёси. Здесь же были император и сам Нобунага.

Мы стояли на втором этаже иезуитской церкви, наблюдая за процессией, шедшей по улицам Киото в сторону императорского дворца. Я наблюдал глазом военного — изучал, как воины двигаются, чем вооружены, какое расстояние между людьми в строю, насколько слаженно они действуют. Валиньяно и стоявший рядом с ним Органтино наблюдали глазами политиков.

— Зачем такая демонстрация силы? — спросил Валиньяно.

— Император по-прежнему остается божественным правителем Японии, — пояснил Органтино, и я заметил, как дернулась бровь Валиньяно при слове «божественным». — Однако он не обладает военной мощью. В делах обороны император всегда полагается на сёгуна. Со временем сёгуны подменили собой императоров в качестве фактических правителей Японии и в каждую провинцию назначают своего сюго — губернатора. Но власть

сёгуната тоже пошатнулась, и провинциальные сюго стали своевольничать. Начали оставлять себе собранные налоги, вместо того чтобы отправлять их в столицу, и воевать с соседними провинциями, пытаясь расширить свою территорию. Сюго, назначенные управлять провинциями от имени сёгуна, стали независимыми даймё или военачальниками, что привело к расколу Японии и войне, которая продолжается уже сто лет.

— Но теперь Нобунага окончательно сверг сёгуна и вновь объединяет провинции. Императору приходится полагаться только на него.

— Вот именно. Здешняя политика — сложное равновесие между традициями и реальностью. Император никогда не должен терять лицо. Нобунага воздает ему почести этим парадом, в то же время давая императору понять, что теперь он — главная военная сила в Японии. При этом он показывает остальным даймё, что контролирует императора, то есть за ним и главная политическая сила в Японии.

— Тот, кто имеет власть над короной, сильнее того, кто эту корону носит.

Органтино кивнул, и Валиньяно продолжил наблюдение за парадом, по обыкновению что-то обдумывая.

Когда нас ввели в ворота, храм Хонно-дзи представлял собой настоящее море человеческих тел. Мужчины и женщины повсюду снимали

украшения, собирали еду, одежду и оружие, грузили телеги, кормили, поили и подковывали лошадей. Завершив представление для императора, Нобунага явно спешил покинуть Киото.

Когда нас вызвали, Валиньяно взял собственную свиту — кроме брата Органтино и меня его сопровождали еще с десятков священников рангом пониже, которые тащили тележки и ящики. Один из стражей у ворот начал было досмотр, но другой быстро его остановил. Похоже, Нобунага отдал приказ относиться к нам с уважением. Тем не менее копье и меч у меня отобрали, и в приемную я снова вошел без оружия.

Без двух дюжин людей, рассаженных вдоль стен, главный зал казался намного больше. Нобунага сидел на верхнем ярусе помоста с поистине императорским достоинством. Троих генералов, которые сидели на помосте перед ним двумя днями ранее, сегодня не было. Только изнеженный темноглазый юноша по имени Ранмару, который ввел нас в зал и занял место рядом с Нобунагой.

Органтино начал переговоры.

— Господин Нобунага, я, как всегда, очень рад вас видеть, и ваш прием оказывает нам великую честь. Также для меня большая честь представить вам очень уважаемого и высокопоставленного представителя нашей церкви, который провел много месяцев в море ради возможности увидеть вас. Представляю вам отца Алессандро Валиньяно, визитатора миссий в Индии.

Валиньяно поклонился, но не столь низко, как того требовали обстоятельства, и это наверняка было сделано намеренно. Нобунага кивнул Валиньяно, решив не обращать внимания на оплошность. От непринужденности и простоты нашей прошлой встречи не осталось и следа. Нобунага еще даже не посмотрел в мою сторону и никак не выдал знакомства со мной. Я стоял за плечом Валиньяно в нескольких шагах позади. Он шагнул вперед.

— Как сказал брат Органтино, я и в самом деле проделал дальний путь, мой господин. Я привез вам приветствие от самого папы, который выражает свою благодарность за то, что вы позволили нам нести слово Божье вашему народу. Надеюсь, наш Господь благословит труды ваши, а вы позволите нам продолжать наше дело.

Валиньяно взмахнул рукой, и вперед вынесли ящики.

— Надеюсь, господин окажет нам честь, приняв эти скромные дары.

Ящики открылись, давая возможность разглядеть подарки. Тонкие хрустальные кубки и бутылки с лучшим португальским вином, бархатные одеяния, меха и тонкой работы золотые ожерелья. Нобунага тщательно разглядывал каждую вещь, поднимал бокалы, чтобы рассмотреть их в солнечном свете, перебирал пальцами ткани, но больше не последовало почти никакой реакции, пока Ранмару не собрал подарки и не вызвал слуг, чтобы их унести. Нобунага так и не сказал ни слова.

Отец Валиньяно стоял ко мне спиной. Я не видел его лица, поэтому не могу сказать, были ли его следующие слова плодом тщательной подготовки или искусной импровизации. Но ни в том случае, ни в другом потрясение, вызванное его словами, не было бы меньшим.

— Я предлагаю последний дар, подобных которому не существует в Японии. Если церкви будет позволено продолжать работу в этих землях, мы будем трудиться под защитой господина Нобунаги. Это значит, что собственная охрана мне не нужна.

Возникло такое чувство, будто у меня сжимается кожа. Других ящиков в зале не было, больше нечего было вынести. Я уперся взглядом в затылок Валиньяно, словно тем самым мог помешать ему говорить. Остальные в зале еще не поняли, что происходит.

— Я предлагаю вам одного из лучших воинов, которые встречались мне во всех землях, где мне довелось побывать, — продолжал Валиньяно.

Присутствующие в зале начали осознавать, к чему он клонит, и понимание прокатилось по залу волной, которую я ощутил физически. У стоявшего рядом Органтино дернулась рука.

— Обученный с юных лет и прошедший с оружием половину жизни, это молодой мужчина, но старый солдат. Он обучен владеть мечом, копьем, кинжалом, луком, палицей и аркебузой и сведущ в тактике. Я предлагаю вам моего слугу, которого вы зовете Ясукэ.

Волна рассыпалась, окатив всех присутствующих. Валиньяно и Нобунага, не мигая, смотрели друг на друга. Хотя как-то отреагировал только Органтино. Он посмотрел на меня с оторопью, показывавшей, что понятия не имел о том, что должно произойти. Нобунага улыбнулся, но лишь слегка, словно это была уступка, которой он ждал, и мне показалось, что детали этой встречи были обговорены заранее. Отправить посланцев, чтобы втихаря разузнать, какие дары вызовут наилучший отклик, было вполне в духе Валиньяно, но ему хватало и умения читать людей на месте, чтобы предложить то, что их больше всего заинтересует.

У меня сдавило грудь, словно воздух в легких вдруг сменился льдом. На мгновение мне захотелось что-нибудь сказать, но я не знал что. Что я мог сказать? В этом зале я был единственным, кто не обладал никакой властью. За мной не стояли ни церковь, как за Валиньяно и Органтино, ни сильный клан, как за Нобунагой и Ранмару. Меня угнали из деревни, от моего народа, разлучили с теми, кто мог мне помочь, и заставили рассчитывать лишь на благоволение и богатство тех, кто при первой же возможности был готов обменять меня на что-нибудь более ценное.

Как бы зол я ни был на Валиньяно, еще больше я злился на себя за то, что так глупо просчитался, определяя свое место в жизни. Я служил Валиньяно и церкви долго и усердно, а они взамен хорошо обращались со мной, но я так и не стал одним

из них. Собственность — только и всего. Все, что было мне близко, осталось на улицах африканской деревни или в доках Индии.

Я стоял твердо, сохраняя непроницаемое выражение лица. Что-то говорить или делать не имело смысла. Всего лишь нескольких слов оказалось достаточно, чтобы продать меня снова.

Часть II

ЗАМОК АДЗУТИ

Кому не ведомо, что плотью жертвуют, чтобы воздать за доброту, а жизнью — ради дружбы и моральных обязательств?

Из пьесы театра но «Томоз»

Глава 8

Когда работорговцы напали на нашу деревню, моего отца не было дома.

Ребенком я проводил большую часть дня в непроглядной темноте пещер, выламывая куски камня из стен и складывая их в разложенные у моих ног мешки. Пыль разъедала легкие, и о том, что рядом трудятся и другие мальчишки, мне напоминал только их кашель. Парни постарше вытаскивали камни из пещеры и раскалывали на части в поисках прожилок железа, а пару раз в день они спускались обратно и приносили лепешки и жидкую похлебку, есть которые нам приходилось на ощупь.

Я был сильнее многих старших мальчишек, хотя еще не достиг возраста обрезания. После многоочасовой работы мы поднимались вверх, разминая негнущиеся и кровоточащие пальцы, и подставляли лица солнцу, пока не переставали шуриться. Если добыча была богатой, взрослые разводили посреди деревни огромный костер, плавил железо в печи, потом давали ему остыть и ковали разные вещи — инструменты, украшения, оружие. Все это мы отдавали заезжим арабам или индийцам

в обмен на одежду и зерно, а иногда мужчины набивали столько мешков, сколько могли увезти их мулы и лошади, и уезжали на несколько дней торговать с другими племенами, жившими по соседству, а иногда и дальше.

Мой отец был одним из таких торговцев и часто привозил из поездок невероятные рассказы о городах с высокими глинобитными башнями, о рынках, ломящихся от чужеземных товаров, о царях и царицах, владевших несметными богатствами, носивших золотые цепочки от уха до носа и украшавших свои пальцы рубинами и изумрудами размером с жука. Он рассказывал о библиотеках с бесконечными рядами книг, написанных на пергаменте и коже, о зверях, носившихся по равнинам, висевших высоко на деревьях или празднично нежившихся на берегах ручьев и озер, и о людях, которые мазились золой, чтобы походить на призраков, или покрывали свою кожу узорами из шрамов.

Однажды мать спросила меня, чем я буду заниматься, когда стану мужчиной. Не пойду ли я по стопам отца?

Я едва нагнал мать на пыльной дороге, когда она возвращалась с поля, которое возделывали все жители нашей деревни. Вместе с тремя другими женщинами она несла корзины с ямсом и просом. Увидев меня, она вздрогнула от удивления.

— Ты уже ростом почти с отца! — воскликнула она, словно упрекая меня. — Когда и успел? Когда мой сын успел так вымахать?

И верно — я, привыкший смотреть на мать снизу вверх, теперь смотрел ей прямо в глаза, и это вдруг удивило меня ничуть не меньше, чем в шутку удивилась она. Склонив голову, я зашагал рядом.

— Вырастет настоящим великаном, — сказала одна из женщин. — Пожалуй, я своего сына буду на ночь закрывать в корзину, чтобы он не вырос таким большим.

Остальные женщины рассмеялись, но мать, казалось, ощутила неловкость.

— Мой сын скоро станет мужчиной, — объявила она и добавила, обернувшись ко мне: — Тебе нужно будет выбирать. Не сейчас, но уже скоро. Ты продолжишь работать в копиях? Или станешь странствовать, как твой отец?

Последнее она пыталась произнести в шутливом тоне, но безуспешно.

— Отец — слишком хороший рассказчик, — заверил я ее. — Он описывает земли, которые повидал, так подробно, что мне нет нужды видеть их самому. Я останусь здесь.

— А наша деревня для тебя не слишком мала? — спросила она.

— Нет. Как и моя мать. И неважно, насколько еще я вырасту.

Ее лицо расцвело в улыбке, и показалось, что в моей груди восходит солнце.

— Если собираешься стать мужчиной, тебе придется научиться самому важному — как помогать женщине.

Она передала мне свою корзину, а потом остальные три женщины по очереди подошли и поставили сверху свои корзины. Рассмеявшись, они подобрали юбки и бросились бегом по дороге к деревне, словно дети.

Я пытался удержать корзины в равновесии, но они покачнулись в моих дрожащих руках, и верхняя корзина опрокинулась прежде, чем я успел сделать хоть один шаг. Ямс полетел во все стороны. Я поставил корзины на землю и бросился собирать рассыпавшиеся клубни. Ветер все еще доносил до меня смех матери.

Когда отец не путешествовал, он занимался резьбой по дереву: делал мебель для других жителей деревни или маленьких идолов на продажу, но чаще всего — маски.

В один из последних дней, которые мы провели вместе, я застал его сидящим на бревне во дворе, склоняясь с инструментами в руках над очередной поделкой, лежавшей на столике перед ним.

— Можно посмотреть? — спросил я.

— Ты же знаешь, что нельзя.

Он накрыл работу тряпицей.

— Даже одним глазком?

Отец рассмеялся. Он казался старше своих лет, морщинистый и обветренный от частых путешествий, но улыбка молодила его, а в темных глазах разгорался живой огонек. Его кожа была светлее, чем мамина или моя, потому что много

лет назад, чтобы жениться на маме, он переехал из другой деревни. Он был широкоплечий, но худой, и, чтобы обеспечить себя, а теперь еще и нас, больше полагался на силу обаяния, чем на силу мускулов.

— Ты каждый год просишь и всегда знаешь, что я отвечу. Увидишь маску, когда начнется праздник, но не раньше. И тебе придется угадывать, под какой маской буду я.

— Я всегда знаю, под какой маской ты, — ответил я.

— А откуда ты это знаешь?

Ответ я оставил при себе. Не хотелось говорить ему, что он всегда смотрит через маску прямо на меня, потому что я испугался, что тогда он перестанет это делать.

Деревенский праздник был моим любимым временем в году. Все жители деревни, мужчины и женщины, придумывали себе костюмы, готовили песни. Женщины раскрашивали лица и танцевали, притопывая и распевая песни под ритмичные хлопки по туго натянутой коже барабанов, а потом по очереди выходили танцевать мужчины в покрытых искусной резьбой масках. Они танцевали на ходулях, украсив руки перьями и бусами и обтянув ноги и ходули яркими узорчатыми тканями.

Всю жизнь я с нетерпением ждал того дня, когда вырасту достаточно для того, чтобы стать одним из них. Я изучал их движения — как они встряхивали

запястьями, чтобы застучали бусы, как упирались ходулями, а потом резким движением бедер взмывали вверх и поворачивали лодыжки так, чтобы их тела трепетали под одеяниями, словно тростник на ветру. Чем больше я смотрел на них, тем медленнее казались движения, каждый жест становился отдельным событием, и я понимал цель каждого рывка или толчка, откладывая их в памяти и мечтах, приберегая знания для того дня, когда смогу сам повторить выступление.

— Иди сюда.

Я сел на бревно рядом с отцом. Он положил ладонь мне на плечо.

— Тебе уже двенадцатый год. Скоро ты отправишься в хижину М'Мверы вместе с ровесниками. Для тебя это будет началом пути к тому, чтобы стать мужчиной. Там старейшины будут обучать тебя обычаям и законам твоего народа.

Чуть подумав, он сунул руку под тряпицу, которой накрыл свою работу, и вытащил маленькое тесло, которым пользовался для резьбы: заостренную металлическую полосу на короткой деревянной рукоятке. Он озорно улыбнулся.

— Но это не значит, что нельзя начать занятия раньше. Возьми. Теперь оно твое.

Он протянул мне тесло.

— Но пусть это будет нашей тайной. Принеси какую-нибудь деревяшку.

Я сбегал к поленнице возле хижины, и отец начал учить меня резьбе.

Несколько дней спустя мать приготовила на ужин острую рыбную похлебку, которую любил отец. Я понял, что наутро он снова уедет в дальние места торговать с чужеземцами.

Я проснулся рано, надеясь еще застать его дома. Отцовская тележка была уже нагружена, и он стоял рядом с мамой в слабом свете зари, прижавшись лбом к ее лбу. Глядя на их силуэты, слившиеся на фоне восхода, я решил им не мешать.

Когда отец скрылся из виду, мама вернулась к крыльцу. Я сидел рядом с ней перед хижинкой, глядя на проходящих людей, и время от времени махал кому-нибудь рукой или обменивался короткими приветствиями.

Мать была полной противоположностью отца — черная, гладкокожая и сильная. Руки у нее были мускулистые от работы в поле, а ладони шириной и силой не уступали мужским, но двигалась она с изяществом, скрадывавшим крепость ее сложения.

— Скоро ты уйдешь в хижину. Я буду по тебе скучать, — сказала она.

— До этого еще несколько дней.

— А я останусь совсем одна.

Она потеряла глаза, притворяясь, что вот-вот заплачет. Я легонько толкнул ее плечом, и мы оба рассмеялись. Мама наклонилась ко мне и удивленно приподняла бровь.

— Твой отец говорит, что у него пропали некоторые инструменты для резьбы. У нас завелись

воры? Или, может быть, духам стало скучно и они решили найти себе занятие? Других объяснений я не вижу.

— Я... да... я тут...

— Ступай, — перебила она. — Покажи, что ты задумал.

Я сходил в дом и вернулся с маской, работе над которой посвящал все время, когда отец и мать были заняты.

— И что это?! — воскликнула она.

— Это носорог, — ответил я. — То есть я думаю, что это он. Как его описывал отец.

Она провела пальцем по дереву, коснулась кончика рога, перевернула маску, чтобы рассмотреть внутреннюю сторону.

— Не знаю, на что похож носорог. Спросим твоего отца, когда он вернется. Но работа хорошая. У тебя дар.

Я радостно улыбнулся материнской похвале.

— Когда я стану участвовать в празднике, ты будешь играть для меня на барабанах, пока я танцую?

Она вернула маску и поцеловала меня в лоб.

— Я буду играть для тебя, пока на барабанах не лопнет кожа. Посмотрим, что устанет раньше — мои руки или твои ноги.

В день, когда меня угнали в рабство, я вылез из пещеры, где мы вместе с мальчишками моего возраста выламывали камни в поисках руды. Мы были

усталые и голодные, потому что время, к которому должны были принести еду, уже давно миновало.

Мы продолжали работать, слой за слоем обдирая каменную кожу пещеры, пока пол в пещере не оказался весь заставлен мешками с камнями, а в животах у нас не начало урчать от голода. Мы выползли из пещеры, поднимаясь по веревкам, натянутым вдоль стен. Я вышел на обжигающее солнце, склонив голову и моргая, и не видел ничего, кроме собственных следов, оставшихся в пыли у входа в пещеру, пока глаза не привыкли к свету. И тут я заметил что-то неладное, но сначала не мог понять, что именно.

Я стоял вместе с другими ребятами и смотрел в сторону деревни. Поначалу мы видели только дома и печь, в которой плавил руду, деревья вдали, а за ними — начало склона, который спускался на равнины. Потом, моргнув несколько раз, я разглядел и остальное.

По всей деревне валялись тела взрослых и большей части старших мальчиков. Немногочисленные уцелевшие парни и все девочки помоложе со связанными за спиной руками стояли на коленях возле печи. Я попытался разглядеть мать, но сразу понял, что не пощадили никого. Чтобы не видеть мертвых, я тут же закрыл глаза и потом, когда открыл их снова, смотрел только на живых, не отрывая взгляда от тех, кто стоял связанным у печи, и не позволяя себе ни смотреть на убитых, ни думать о них. Только тут я заметил чужаков.

От отца я слышал рассказы о белых людях — отец встречал их в городах, где они торговали лекарствами и инструментами, — но та дюжина, что возникла перед нами, была первыми белыми, кого я увидел в своей жизни. У них были заросшие лица, глубоко посаженные глаза и странного кроя одежда. Крепкие мышцы молодых, но морщинистые лица стариков. Чужаки что-то кричали нам на языке, которого мы не понимали. Короткие и резкие слова яростно срывались с их губ.

— Злые духи! — вскрикнул один из мальчишек.

В ужасе он подпрыгнул на месте, зацепился ногой и свалился в пещеру. Удар его тела о дно пещеры вырвал нас из оцепенения.

Мы бросились врассыпную. Кто-то побежал домой, кто-то обратно в пещеру, но уже осторожно, с помощью веревок. Один из ребят добежал до края деревни и попытался взобраться по стволу огромного дерева. Я побежал мимо чужаков в сторону печи. Мальчишки и девчонки, стоявшие на коленях, испуганно смотрели на меня, но перерезать веревки было нечем. Я попытался развязать узлы, но даже не смог их ослабить и просто сел в онемении перед ними, стараясь их успокоить.

— Я не дам им забрать вас, — раз за разом повторял я.

Это обещание я был не в силах исполнить. Чужаки увели нас почти без сопротивления. Несколько дней они гнали нас, босых, через земли, которые я никогда прежде не видел. Когда мы пришли

к большой воде, они стали по одному выталкивать нас навстречу другим белым. Новые чужаки хватали нас за мошонку, грубо трясли за плечи, совали пальцы в рот, ощупывая зубы. Они заталкивали нас в чрево кораблей, обратно в темноту.

Ложем нам служили две доски, прикрепленные к борту, настолько узкие, что было едва возможно лежать на спокойной воде, но не за что ухватиться, если на море поднималась волна. В углу стояло одно-единственное ведро, которое переполнилось уже через час после отплытия, и никто его так и не поменял. Поэтому мы, дрожа, лежали на досках и ходили под себя прямо на этих узких койках. От качки многих из нас тошнило, и мы катались в собственной рвоте, натываясь друг на друга. Время от времени дверь на камбуз распахивалась, и прямо на покрытый коркой грязи пол выливали несколько ведер вязкой каши, за которую нам приходилось драться. Мальчишки стучали ногами по доскам борта, пытались окровавленными пальцами оторвать их и бессвязно кричали и плакали, что хотят домой.

Двенадцать раз я видел новый рассвет сквозь щели над головой, прежде чем корабли остановились. Выведшие нас на свежий воздух мужчины прикрывали рты и носы и били нас, если мы подходили слишком близко. Ноги еле держали, отвыкнув от неподвижности твердой земли. Лохмотья, оставшиеся от нашей одежды, сорвали и сожгли, а нас принялись окатывать из ведер. Потоки воды

у наших ног, бурые и серые, полные комочков грязи, скатывались с причала в море. Тут же на причале лежали тела тех, кто не пережил плавания. Потом я узнал, что их порубили на куски и продали фермерам на корм для свиней и собак.

Дни, проведенные без еды и отдыха, морская болезнь, обезвоживание и понос совершенно опустошили нас. Я старался сберечь те силы, что еще оставались, и загнал поглубже все мысли о прошлом и будущем. Я жил от вдоха до вдоха, не заглядывая вперед и не оборачиваясь назад. Осмотр в порту, грубая помывка и сортировка — все это пролетело словно в тумане. Каждая толика внимания, которую мы только могли найти, уходила на попытки разобраться в происходящем, понять, где мы находимся, сколько времени прошло и что мы потеряли. Кто из нас выжил, а кто — нет.

Я понятия не имел, где нахожусь, но знал, что где-то далеко от дома. Так далеко, что даже отцу будет не по силам меня отыскать. Я подумал, как он вернется домой. Заметит ли он следы нападения издали или въедет в деревню в ожидании, что все идет как обычно? Будет ли он улыбаться, предвкушая встречу с нами, как это бывало после каждой поездки? Каково это — готовиться поцеловать жену, но найти лишь ее тело, стремиться обнять сына, но узнать, что он пропал? При мысли о его горе, его утрате у меня сжалось сердце. Его боль я ощущал даже острее, чем собственную.

Глава 9

Я уже успел позабыть ощущение стыда, которое возникает, когда тебя продают. С тех пор как это случилось в последний раз, прошло уже немало времени, и я начал считать себя скорее слугой, а иногда и доверенным лицом Валиньяно. Это Валиньяно первым купил мне одежду, которую до меня никто не носил. После того как меня угнали в рабство, он был первым, кого интересовало мое мнение по разным вопросам и кто слушал меня. Он учил меня, но не по книгам, которыми пользовались священники-иезуиты, дававшие мне образование. Он учил меня на собственном опыте, как это делал бы настоящий отец. Временами он позволял мне бросать ему вызов, задавать вопросы, а изредка даже спрашивал моего совета по каким-нибудь мелким вопросам. Но одним импульсивным поступком он напомнил о моем положении. Показал, что мою судьбу решать не мне. Что я слишком возомнил о себе, решив, будто представляю ценность скорее как человек, нежели как имущество. Напомнил мне, что я раб в чужой стране вдали от дома и что так было всегда, с самого детства.

Однажды я пытался сбежать.

С того самого момента, когда мы вылезли из пещеры в день пленения, я понимал, что жизнь изменилась, и принял это изменение. Думаю, это и помогло мне выжить. Пока нас гнали по суше, мы все были в оцепенении, но даже тогда некоторые ребята начали перешептываться, планируя сбежать или одолеть наших похитителей. Но уже тогда я понял, что эта затея несбыточна. Умудренные опытом бдительные бородачи с пергаментной кожей, облаченные в потрепанную стихиями одежду, знали свое дело. Они истребили всю нашу деревню за несколько часов, а то и меньше. Взрослых и старших мальчиков они убили именно затем, чтобы не допустить бунта. Они оставили только тех, кто был мал и послушен, тех, кто наберется сил лишь позже. А еще они оставили девочек.

За девочек я тревожился больше всего, видя, как мужчины с бумажно-белой кожей глазели на них. Хоть я и не понимал их языка, понять значение этих смешков, шуток и ухмылок не составляло труда. И все же девочек не трогали. Только когда мы оказались в Индии и я увидел, как их осматривают, мне стала понятна причина сдержанности белых. Девочки имели ценность лишь тогда, когда можно было доказать их девственность.

Вместо этого объектом их внимания стал один из мальчиков, на два года младше меня и хлипковатый, про которого работоторговцы сразу решили, что

он, скорее всего, не перенесет пути, а если и выживет, то хорошей цены за него не дадут. Агнец на заклятие. Не один год понадобился мне, чтобы выкинуть из головы кряхтение насильников, его пустой взгляд, когда он вернулся в палатку, пятна крови на мешковине, в которую он был одет. Нам всем было его жаль, но когда старший из нас наконец смиловился и задушил его во сне, каждого стал трясти страх при мысли о том, что именно его могут выбрать на замену.

И все же мысли о побеге были тщетны. Во время дневных переходов мы были надежно связаны одной веревкой, а перед сном узлы затягивали еще крепче. Нам пришлось бы всем вместе молча пробираться мимо похитителей, ускользнуть незамеченными достаточно далеко, чтобы найти способ избавиться от веревки, а потом понять, где мы находимся и куда идти. Оставалось только ждать.

К тому времени, когда путь по суше подошел к концу и нас погрузили в скрипучие деревянные чрева кораблей, потрясение уже отступило. Теперь парни серьезно поговаривали о том, чтобы наброситься на человека, который иногда открывал дверь, чтобы разлить по полу кашу, а потом подняться наверх и захватить корабль. Но для этого мы уже были слишком слабы. Мальчишки кричали, плакали, строили планы, но так и не решились действовать. Они царапали доски борта и лихорадочно шептали, что готовы хоть вплавь

добраться до безопасного места, но не пошевелили и пальцем, чтобы оказать сопротивление работорговцам.

Новая перемена в моем положении произошла так же стремительно, как это всегда случалось в прошлом. Когда Валиньяно предложил меня Нобунаге, казалось, никто не знал, как поступить дальше. Я должен был разозлиться, но вместо этого ощутил глубочайшее смущение, словно был какой-то обузой, которую один человек передавал другому. Склонив голову, я шагнул вперед.

Ранмару, молодой помощник Нобунаги, понял намек. Он коснулся моего локтя, кивнул мне, словно пытаюсь ободрить, и вывел из зала. Брат Органтино проводил меня страдальческим взглядом. На лице его не осталось и следа мягкой приветливой улыбки. Валиньяно не потрудился даже взглянуть на нас, не сводя глаз с Нобунаги.

Когда мы вышли в приемную, Ранмару повернул голову и открыл рот, чтобы что-то сказать, но промолчал. Я был благодарен за это молчание. Поступок Валиньяно казался предательством, и внутри меня все кипело от гнева, но я уже давно научился скрывать свои чувства.

Мы с Ранмару пересекли открытый дворик Хонно-дзи. Рядом с конюшнями было несколько простых квадратных комнатушек, поднятых над землей на невысоких сваях. Я вошел в одну из них. Он в замешательстве остался на пороге.

— Мне выставить стражу?

— Я теперь служу господину Нобунаге, — ответил я, покачав головой.

Ранмару поклонился и вышел. Вскоре мне принесли миску супа и кувшин с водой, оставив их на пороге. Я сел посреди комнаты, скрестив ноги, и принялся смотреть прямо перед собой, изо всех сил стараясь не думать ни о чем. Начал стирать из своей памяти отца Валиньяно и иезуитов, как когда-то стер из памяти свою семью. Уже не в первый раз моя жизнь резко менялась в одно мгновение. Чтобы приспособиться к новым обстоятельствам, нужно было избавиться от любых связей с прошлым.

Ко мне никто не приходил, но я сам мог выходить по собственному желанию. Пригибаясь под косяками, я выходил во дворик Хонно-дзи, ел руками, пока остальные ловко орудовали палочками, а ночью спал на татами, длины которого хватало мне только от макушки до колен — все это каждый раз напоминало, что этот мир никогда не предназначался для меня.

В этой маленькой пустой комнате в Хонно-дзи, куда меня отвел Ранмару, я принял решение делать то же, что и всегда. Выживать. Найти какой-нибудь способ приносить пользу. Я буду служить этому Нобунаге так же верно, как и предыдущим хозяевам. Буду исполнять любые его распоряжения, отвечать на любые вопросы, на которые он захочет услышать ответ, советовать ему, если он об этом попросит, молчать, если нет. Но я больше никогда не забуду, кто я есть на самом деле.

Показать свою ценность было одним из условий моего выживания. Другим была готовность узнать как можно больше о моем новом окружении.

Кортеж Нобунаги выехал из храма Хонно-дзи и потянулся по улицам Киото без той пышности, которой были наполнены предыдущие дни. В конце первого дня пути я проснулся в темноте и отправился бродить по лагерю. У меня давно вошло в привычку изучать окружающую обстановку днем и ночью, и несколько раз это приносило пользу, а может быть, и спасало мне жизнь.

Лагерь был огорожен полотнищами ткани, привязанными к широким деревянным рамам. Яростно трепеща на ветру, они защищали шатры. На каждом полотнище была нанесена эмблема клана Ода. Один из пеших воинов рассказал мне, что она представляла собой стилизованный цветок айвы — терпкого, ароматного, похожего на грушу фрукта, который рос в горных районах. Я ненадолго вышел за ограждение, чтобы ощутить всю силу ветра, всю густоту темноты.

По обе стороны полотнищ стояла стража. Многие костры, к моему удивлению, еще горели. Асигару — пешие воины — сидели небольшими группами и разговаривали или слонялись по лагерю, сменив доспехи на толстую и грубую на вид шерстяную одежду.

С отрядом ехали несколько проституток. Увидев, как я иду по лагерю, они выходили из своих шатров и касались моей кожи, запускали ладони под

рубашку, чтобы погладить руки и спину, и полушепотом говорили между собой о том, каким странным было ощущение. Или каким знакомым — тут их мнения расходились. Я вспомнил мягкость ладоней молодой служанки в моих руках, когда я поднял ее по приказу Нобунаги, оранжевые отблески в глазах, ее испуг. Никак не отреагировав на прикосновения проституток, я отстранил их и продолжил прогулку.

Другие тоже меня изучали. Простые воины не присутствовали на моей первой аудиенции у Нобунаги. Большинство даже не видело меня, пока мы не выехали из Хонно-дзи, а многие не видели и до сих пор. Некоторые отшатывались при виде огромного черного демона, расхаживающего в темноте по лагерю. Один даже схватился за меч и закричал, чтобы поднять тревогу, пока другой воин не успокоил его и не объяснил, кто я такой.

Суматоха привлекла внимание людей, сидевших вокруг ближайшего костра. Их было трое, и один взмахом руки подозвал меня.

— Я видел тебя в зале несколько дней назад. Вблизи ты даже больше, чем мне тогда показалось. Иди сюда, дай тебя как следует разглядеть.

Это был мужчина средних лет с черными как вороново крыло волосами и обветренной кожей, но лицо его было изуродовано свернутым на правую сторону носом с белевшей над ним переносицей. Говорил он низким и хриплым голосом.

— Похоже, клан Ода заполучил очередную европейскую безделушку, — произнес он.

Двое других рассмеялись. Их эмблемы не подошли на айву клана Ода. Это был цветок с пятью лепестками и чем-то похожим на солнце в центре.

— Я — не европеец. Я — африканец.

— Аф-ри-ка-нец.

Он произнес это слово медленно, будто пробуя на вкус. Размеренным шагом обойдя меня кругом, он остановился передо мной, сцепив руки за спиной.

— Африканцы и европейцы действуют заодно?

— Нет, — ответил я. — Не совсем.

— Но сюда вы приехали вместе. Ты и священник.

— Да.

— Африканец и европеец.

— Да. Но мы — разные люди, мы не...

— Вы приехали сюда, чтобы изменить нас.

Двое мужчин, по-прежнему сидевших у костра, неловко заерзали, и один из них предложил товарищу вернуться к костру.

— Иди сюда, Хидэмицу, присядь. Оставь его в покое. Он не причинил тебе бесчестья.

— И я не намерен никому причинять бесчестия, — я склонил голову перед ломоносым Хидэмицу. — Прошу прощения, если чем-то оскорбил вас.

— Ты меня не оскорблял. И я тебя тоже, — сурово ответил он. — Я просто спросил, зачем ты здесь, так далеко от дома.

— Я никого не собираюсь менять. Научившись некоторым вашим обычаям, я хочу узнать еще больше.

— Африканец надеется узнать обычаи японцев.

Хидэмицу хохотнул и обернулся к остальным, рассчитывая, что они присоединятся, но те поспешили уставиться на огонь. Я заговорил, но Хидэмицу перебил:

— А европейец? Священник? Он тоже приехал учиться у нас? По мне, так что африканцы, что европейцы. Вы приезжаете со своими безделушками и изобретениями, потом заменяете наше оружие своим, нашу одежду своей, наши истории своими. Сегодня вы просите нас молиться вашему богу, завтра потребуете склониться перед вашим королем или есть из ваших рук.

— У меня нет короля, — не поднимая головы, ответил я. — У меня нет земли, нет дома. Я здесь, чтобы служить, и больше ничего.

Хидэмицу сплюнул, потом жестом приказал мне уйти, буркнув на прощание:

— Я хотел взглянуть на тебя поближе. Теперь увидел.

Утром все наспех позавтракали, потом свернули циновки и навьючили лошадей. Костров не было, если не считать небольшого огонька у шатра господина Нобунаги, где горстка слуг готовила горячую еду и чай. Я узнал одну из служанок — ту самую робкую девушку с россыпью оранжевых пятнышек в глазах, которую поднимал в Хонно-дзи. На мгновение мне захотелось подойти к ней и извиниться, но я вспомнил растерянное выражение ее лица,

когда Нобунага указал на нее в зале, и решил, что она не обрадуется вниманию.

Возле костра сидел Ранмару, молодой самурай, похоже, бывший правой рукой Нобунаги. По бокам от него стояли двое. Ранмару заметил меня, встал, и все трое подошли ко мне.

— Наш господин приказывает, чтобы сегодня ты ехал с ним.

Двоих его спутников звали Огура и Дзингоро. Они были братьями и очень походили друг на друга. У Огуры была чуть более широкая челюсть, но в основном я различал их по прическе: у Огуры волосы были стянуты в строгий пучок, а у Дзингоро свободно распушены по плечам. Оба были гибкими и двигались изящно и бесшумно. У них был вид людей, повидавших войну, в то время как Ранмару, гладкокожий, с угольно-черными глазами и утонченными чертами лица, совсем не производил такого впечатления, хоть я и знал по опыту, что недооценивать нельзя никого.

Троица молодых самураев расположилась вокруг Нобунаги, охраняя его. Ранмару ехал между мной и даймё, а Огура и Дзингоро следовали вплотную позади. Они заняли свои места так слаженно, что было ясно — у них был большой опыт телохраниителей.

Нобунага ударил коня пятками, и, ни слова не говоря, тронулся в путь. На ночевку мы остановились в долине и начали день с пути вверх по извилистой дорожке к гребню поросшего травой холма.

— Ты уже не первый день в Японии, Ясукэ.

Я чуть помедлил, не сразу вспомнив, что теперь мое имя звучит именно так.

— Три месяца. Почти четыре, — ответил я, спеша исправить оплошность; пока было трудно сказать, как много можно рассказывать о нашем путешествии, но моя жизнь теперь была в руках этого человека, а не иезуитов. — Мы приплыли в Кутиноцу. Отца Валиньяно принял господин Арима, и оттуда мы отправились в Киото.

— Хм... Скажи, что ты думаешь о нашей стране?

— Я пока еще недостаточно видел, чтобы говорить об этом, господин. Но народ здесь кажется добрым и любознательным, и обходился с нами хорошо.

— Кроме того случая, когда они пытались догнать тебя и разорвали на тебе одежду, — улыбнулся Нобунага.

— Я так и не извинился за то беспокойство, которое вызвал. Надеюсь, господин простит меня.

— Тебе не за что просить прощения. Ты не сделал ничего — просто был самим собой. Виноваты те, кто не смог удержать себя в руках. Не извиняйся за поступки других.

— Да, господин. Спасибо.

Мы ехали молча, пока не добрались до гребня холма. Дорога перед нами вела в рощицу невысоких лиственных деревьев, блестящих изумрудной листвой в лучах утреннего солнца.

— Ваша страна очень красива, мой господин.

— А... Это ты еще ничего и не видел. Цветение вишни, бамбуковые леса, величественная снежная шапка горы Фудзи. — Нобунага жестом подозвал свою маленькую свиту. — Но нам всем это знакомо. Расскажи нам о том, чего мы не знаем, Ясукэ. Расскажи нам о своей стране.

— Меня угнали в довольно юном возрасте, мой господин. Страна, о которой вы говорите, уже давно перестала быть мне домом.

— Ерунда. Место, где человек родился, имеет значение. Откуда он, имеет значение. Кто был его предки, имеет значение.

Я кивнул, вспомнив слова брата Органтино, когда меня вызвали в Хонно-дзи: «Если ты сможешь рассказать ему то, чего он не знает, он это оценит». Подумав о том, что он хотел бы услышать, я вспомнил все, что смог, и неуверенно начал рассказ.

— Я родился в деревне, где добывают руду и делают из железа разные вещи на продажу. Мы жили у подножья холмов и работали в пещерах. На равнине мы сажали бобы и косили траву для коров и коз. Но моя родина обширна, и люди там живут разные. Кто-то живет у моря, кто-то — в лесной чаще. Одни выживают в пустыне, а другие учатся в великих городах с большими глинобитными зданиями, библиотеками и шумными рынками. Мы держим скот, а в других частях страны живут дикие звери.

Я попытался вспомнить рассказы отца, не вспоминая его самого. Не думая о том, как он блуждал

по долинам и холмам из деревни в деревню в поисках моих следов, не думая о его сердечной боли, его отчаянии или, что, возможно, хуже, его нежелании отказаться от надежды. Я исключил рассказчика, позволив себе повторять лишь детали из его рассказов.

Я начал описывать им полоски зебры, витые рога газели, ярость льва, ловкость пятнистого леопарда, перемахивающего с ветки на ветку. Грациозность высоченных жирафов, огромную пасть гиппопотама с похожими на пеньки зубами и грозную атаку бронированного носорога, которому все прочие звери безропотно уступают дорогу. Окружившие меня путники слушали с благоговейным трепетом.

— Значит, там не только люди имеют гигантские размеры, — пошутил Огура, и все рассмеялись.

Я вспомнил вырезанную когда-то маску носорога, как пальцы матери касались гладкой поверхности дерева, какое тепло исходило от нее, когда она сидела рядом. С удивлением я осознал, что уже давно не думал о ней. Но я подавил в себе эти мысли и продолжил рассказ.

Нобунага заинтересовался еще сильнее, когда я рассказал ему о слонах, об их огромных размерах, о том, как яростно они топтали врагов ногами и беспощадно расшвыривали их бивнями. Как в древние времена Ганнибал использовал их в войне, а потом индийцы стали ставить небольшие

башенки на их спинах и ходить на них в бой. Нобунага выпитывал все, но, похоже, больше всего его интересовала военная тема.

— Ты был воином?

— Да, — ответил я. — Меня обучали после того, как захватили, — «и заставляли сражаться», едва не сорвалось с языка, но я успел сдержаться. — Я воевал.

— Расскажи, что ты видел.

— Где бы я ни бывал, люди сражались по одним и тем же причинам — из-за земель или из-за веры.

Похоже, ответ разочаровал Нобунагу. Я вспомнил другой совет брата Органтино, когда мне впервые предстояло встретиться с Нобунагой, — не расслабляться. Утренняя поездка выдалась долгой, и я слишком легко ввязался в разговор. Пришлось подумать, какой еще ответ я мог дать.

— Местность очень важна, — заговорил я, оглаживая гряды холмов и узкие дороги. — В Европе и Индии сражения проходят в основном на равнинах. Для штурма вражеских укреплений там используют пушки и другие большие машины. Здесь, среди гор, возить такие орудия будет трудно. Ваша земля сама по себе делает это оружие неэффективным.

Нобунага принялся поглаживать подбородок, и мгновенная хмурость слетела с его лица, поэтому я продолжил. Мне было трудно описать по-японски требушет, и ответом мне стали недоуменные взгляды. Я перешел к рассказу о фалангах, в которых

воины шли единым строем, укрываясь большими щитами, что вызвало спор между Огурой и Дзингоро о том, что лучше — иметь щит или оставить обе руки свободными для боя.

Около полудня Нобунага скомандовал привал. Слуга принес табурет для Нобунаги, а остальные стали спешно готовить пищу. Остальные сели на землю полукругом лицом к нему. Принесли и раздали дощечки с едой. Я быстро съел свою порцию, и Нобунага жестом распорядился принести еще.

— Кто правит твоей страной? — спросил он.

— В Африке нет правителя. У каждого племени свой вождь.

Он удовлетворенно кивнул.

— Значит, все как у нас. Но так было не всегда. Ты знаком с нашей историей?

— Немного, господин. Отец Валиньяно постарался, чтобы мы до приезда узнали все что можно.

— Рассказывай.

Я поерзал, устраиваясь поудобнее. Остальные, сложив ноги под собой и вытянув стопы вдоль земли, сидели на собственных пятках совершенно свободно, но их этому учили с детства. Непривычному человеку было больно сидеть неподвижно в таком положении, но пока они терпели мое неумение. Я чуть приподнялся на больших пальцах, стараясь как можно незаметнее ослабить давление на щиколотки, потом уселся снова.

— Сотни лет назад власть императора была абсолютной. Но благородные семейства соперничали

за его благосклонность и положение в обществе, в конце концов подорвав силы самого императора. Власть захватил клан Минамото, установивший сёгунат, в котором формально правил император, но по-настоящему страной и военными делами полностью управлял сёгун. На смену сёгунату Минамото пришел сёгунат Асикага, который продержался больше двух веков, пока мой господин не низложил последнего сёгуна из клана Асикага.

Ранмару коротко кивнул мне, словно признавая, что я намеренно многое опустил, и подсказывая, что мой ответ не приведет к осложнениям. Нобунага заговорил сам, дополняя мой рассказ теми деталями, которые нравились ему самому.

— Да, я низложил сёгуна, но не я уничтожил сёгунат. Это сделала их собственная беспечность. Они назначили наместников в каждую провинцию, поручив им поддерживать мир, собирать налоги и содержать силы, готовые к войне по первому призыву сёгуна. Но с каждым поколением сёгуны становились слабее, больше интересуясь культурой и искусством столицы, чем трудностями провинций. Наместники начали оставлять себе собранные налоги и использовать свои силы для расширения собственных территорий. Некогда единая Япония стала землей воюющих государств, и сёгун был не в силах это прекратить.

Нобунага уже не обращался ко мне или к кому-то еще. Он смотрел в пространство над полем. Остальные люди, сидевшие полукругом, склонили

головы, и я понимал, что должен поступить так же, но был слишком зачарован этой речью. Лицо Нобунаги пылало страстью, которой я не видел прежде, и только в этот момент я впервые смог сопоставить этого человека с тем образом, который создал брат Амброзиу. С образом человека, обуюнного честолюбием и готового преступить любые границы.

— Больше ста лет мы постоянно сражаемся. И даже не с врагом, а между собой. Японцы против японцев. Мы проливаем кровь друг друга, отбираем земли друг друга, выжигаем поля друг друга и разрушаем замки друг друга. Семьи бьются против тех, кто раньше предлагал им убежище, бок о бок с теми, кто прежде убивал их предков. Клан сражается против клана лишь ради чести семьи. Мы — дом разделенный.

— Но вы объедините нас и сделаете единым народом, — тихо произнес Ранмару.

Нобунага, казалось, вышел из транса. Он окинул взглядом людей, сидевших перед ним со склоненными головами, кроме Ранмару и меня.

— Мы сейчас едем сражаться с врагом? — спросил я.

— Нет. Разве тебе никто не сказал, куда мы направляемся?

— Мне не нужно было это знать.

Теперь и остальные подняли головы. Пара слуг проскользнули внутрь круга, чтобы собрать миски, доски и чашки. Никто не обратил на них внимания.

— Мы едем в мой родной замок, Адзути. Там мы займемся приготовлениями. Встреча с врагом случится очень скоро. Тебе вернули оружие?

Копье и меч мне пока не вернули, и я уже начал подумывать, что этого не произойдет никогда. Но, услышав простой вопрос Нобунаги, Ранмару поклонился и поспешил покинуть круг, видимо, чтобы найти слугу, который принесет мои вещи.

— Мой господин, позвольте вопрос?

Нобунага кивнул.

— Когда меня впервые позвали к вам, вы попросили рассказать вам историю. Я очень благодарен за возможность ее услышать, но, наверное, неправильно ее истолковал. Не содержалось ли в ней какого-нибудь послания?

Нобунага встал и дал слуге сигнал унести табурет.

— Пора ехать, — сказал он. — Если не задержимся в пути днем, то к утру будем уже в Адзути.

Остальные встали, и я последовал их примеру и на затекших ногах похромал к лошади, радуясь возможности наконец-то подняться с колен.

Глава 10

Утром мы ехали навстречу солнцу, и в его слепящем свете я разглядел замок Адзути только тогда, когда мы оказались совсем рядом. Нобунага удачно выбрал место — к северо-востоку от Киото, достаточно близко, чтобы в случае нужды добраться до столицы за один день скачки, но при этом с возможностью наблюдать за большими участками важнейшей дороги, соединявшей владения клана Уэсуги на севере, клана Такэда на востоке и клана Мори на западе.

Опасность попытки завоевания Японии из центра была очевидна — поначалу враги были со всех сторон и приходилось воевать сразу на нескольких направлениях. Однако, добившись в этом успеха, Нобунага теперь пожинал плоды правления из центра — контроль над всеми сообщениями и перевозками между его разрозненными врагами, не позволявший им объединить силы или согласовывать действия, направленные против него. Все дороги вели к клану Ода.

Когда мы выехали из-за холмов, первым, что мы увидели, стала золоченая крыша замка, блиставшая в лучах раннего солнца, словно опустившаяся

на землю звезда. Нобунага чуть обернулся, чтобы увидеть мое первое впечатление, и ему, похоже, понравилось то, что он увидел.

— Замок прекрасен, — произнес я.

— Это еще только верхушка.

— Наверное, с самой верхушки можно видеть очень далеко.

— Я могу видеть оттуда все, что мне нужно, — улыбнулся Нобунага.

По другую сторону дороги поля в долине были усыпаны первыми зелеными ростками риса. За равниной виднелись дома крестьян и мелких вассалов, дальше — широкий мост и внешний ров замка. За мостом высились ворота в стене, окружавшей подножье горы. Слева дорога поменьше огибала стену в направлении окраины города, но главная дорога упиралась в ворота.

За воротами тоже стояли дома, и мы поехали мимо них, начиная подъем к вершине холма. Путь от ворот до замка был долгий, крутой и узкий, чтобы не позволить атакующим быстро перебрасывать большое количество воинов. По обе стороны тянулись белые стены с темной черепицей по верху, а ближе к вершине холма дорога сделала несколько крутых поворотов, создавая неизбежные узости в пределах досягаемости для лучников из замка.

На подъеме были укрепления, которые любому атакующему пришлось бы по пути расчистить или уничтожить, частоколы, которые защищали бы пе-

ших воинов Нобунаги, пока они осыпают дорогу огнем из аркебуз, и дополнительные ворота, которые сейчас были открыты, но в закрытом виде могли бы задержать продвижение врага.

Лишь немногие вышли поприветствовать свиту Нобунаги поклонами и взмахами рук, но по большей части его возвращение прошло тихо. В какой-то момент во время подъема я заметил, что колонна мужчин и женщин, поднимавшихся за нами, поредела.

— Нобунага распустил всех у нижних ворот, — пояснил ехавший рядом со мной Ранмару. — Теперь они едут только до своих домов. Слуги, пешие воины и прочие свитские рангом пониже живут у подножья холма, в городе. Более высокопоставленная свита и самые важные слуги живут выше, ближе к главной башне замка.

— Где поселят меня?

— Ты будешь жить вместе со стражей, пока тебе не назначат обязанности. Комнаты для тебя будут маловаты, но там удобно и обычно тихо. Надеюсь, они тебя устроят.

— Уверяю, куда бы меня ни поселили, я видал жильё и хуже.

Ранмару оценивающе посмотрел на меня.

— В этом я не сомневаюсь. Надеюсь, португальцы не были к тебе жестоки.

Я на мгновение задумался над ответом.

— Отец Валиньяно не был ко мне жесток. Но до него были другие, и их отношение бывало разным.

Ранмару кивнул.

— Ты верен им? Я имею в виду иезуитов.

— Надеюсь, что я хорошо послужил отцу Валиньяно. Я бы без колебаний отдал свою жизнь, потому что это была моя работа. Но больше я ему не принадлежу. Теперь я принадлежу господину Оде Нобунаге. Вы беспокоитесь, что я могу оказаться шпионом?

— Мне не хотелось бы бросать тень подозрения на тебя или на отца Валиньяно, но он очень изворотлив и довольно легко отдал тебя.

Я посмотрел на Нобунагу, ехавшего достаточно близко, чтобы слышать наш разговор. Хоть он и не показывал вида, что слушает, но я не сомневался, что устами Ранмару сам Нобунага задавал мне вопросы, которые считал ниже своего достоинства задавать лично.

— Я понимаю ваши подозрения, Ранмару. Я бы и сам подозревал на вашем месте. Но, хоть я и польщен возможностью служить нашему господину Нобунаге, я был не меньше, а может, и больше других удивлен, что он отдал меня.

— Думаю, я тебе верю. Нет ничего дурного в том, что у человека есть хозяин, но дурно лишать человека возможности выбрать себе хозяина. Надеюсь, служба нашему господину доставит тебе больше удовольствия, чем прежние... неприятности, которые тебе пришлось пережить. Оставайся в фаворе у нашего господина. Это вознаграждается.

Ранмару казался дружелюбным и искренним и за время этого путешествия успел немного завоевать мое расположение, но, услышав последнюю фразу, я мысленно фыркнул. Мне хотелось сказать ему, что тому, кто считает себя свободным выбирать хозяина, никогда не приходилось менять его против собственной воли. Что я оказался здесь именно потому, что никак не мог решать, кому служить. Настроение мое мгновенно испортилось, хоть я и понимал, что он вовсе не имел в виду ничего плохого. Просто я был не расположен слушать рассуждения о свободе от того, кто не знал, каково бывает ее лишиться.

Ранмару, не подозревая об этом, остановил лошадь.

— Стража живет здесь.

Молча кивнув, я возблагодарил судьбу за то, что путешествие подошло к концу. Мы выехали на ровную площадку у вершины холма. Громада замка возвышалась над нами на семь этажей на основании из плотно уложенных валунов. Вверх тянулись чуть наклонные стены с несметным множеством башенок и бойниц, увенчанные золоченой крышей.

В сравнении с относительной скромностью грязного и обветшалого лесного замка Аримы размер и величие придавали замку Нобунаги внушительный вид. Каждый из семи ярусов был опоясан балконами, но их ширина была разная, чтобы с балкона любого уровня можно было стрелять по большей части балкона уровнем ниже. Пять

нижних уровней были выкрашены в белый цвет и блистали безупречной чистотой. Казалось, в конструкции замка была учтена каждая мелочь, важная как для обороны, так и для внешнего вида.

Жилье стражи, на которое теперь указывал Ранмару, было всего в нескольких метрах от ворот, ведущих во внутренний дворик замка.

— Устраивайся. Отдыхай, если хочешь. Тебя потом вызовут. Ах да... Еще кое-что.

Он подозвал жестом слугу со свертком в руках. Ранмару взял сверток у слуги и передал мне, потом откинул ткань в сторону. Внутри оказались мой меч и копье.

— Добро пожаловать в Адзути. Уверен, ты сможешь быть полезен.

Жилище стражи оказалось всего лишь большой пустой комнатой с девятью татами, расстеленными в ряды по три. Пригнув голову, я вошел, и шестеро мужчин, которые были внутри, вздрогнули при виде огромной фигуры, едва не скребущей макушкой по потолку, а кожа моя против солнца, должно быть, казалась чернее ночи. Впрочем, они быстро опомнились и рассмеялись, оживленно переговариваясь между собой.

— Ты — африканец, — произнес один из них, не в силах скрыть улыбку. — Занимай любое свободное ложе, — добавил он, жестом обведя комнату.

Я выбрал место в углу. Попытался поговорить с остальными, но им хотелось отдохнуть. Принесли

еду — горький зеленый чай, вареное яйцо, плававшее в жидкой похлебке, и миску риса. Пока остальные спали, я молча поел.

В Индии из порта меня отвели на рынок, потом в школу, которую держали наемники. Каждую ночь я бодрствовал в ожидании опасности, которая могла исходить от других мальчишек, и время от времени замечал, что они поступают точно так же. Прошли дни, прежде чем общая усталость вынудила нас заключить негласное перемирие, но как только мы смогли проспять всю ночь и проснулись невредимыми, желание бодрствовать по ночам тут же отпало. Некоторые все равно спали плохо: кто-то стонал из-за ран, полученных днем во время обучения, кто-то вскрикивал из-за мучающих кошмаров. Но я научился не обращать внимания и легко засыпал. Сейчас мне было немного стыдно, что тогда мне и в голову не пришло предложить помощь или утешение, но каждый из нас по-своему осознавал, что мы одиноки.

Здесь не чувствовалось того первого страха, но, вновь оказавшись в новом месте среди незнакомцев, я снова ощутил одиночество. Эти люди спали мирным сном, не тревожась из-за появления среди них новичка. Свернувшись калачиком в углу, я постарался отдохнуть.

Через несколько часов мои соседи проснулись и вышли, а вскоре вошли другие шесть человек и улеглись спать. Меня не вызвали ни в тот день, ни на следующий, но от Ранмару мне передали, что

я могу свободно ходить по замку. Я передал в ответ, что готов участвовать в дежурствах стражи, но не получил ответа. Раз больше делать было нечего, я решил осмотреться.

Меня выпустили за верхние ворота, и по петляющей по склону дороге я отправился в город. У вершины горы раскинулись поместья и безупречно ухоженные сады. Ниже по склону дома были скромнее, в некоторых дворах можно было увидеть небольшие пруды. У подножья холма, возле порта, начинался настоящий город.

В городе Адзути не было и намека на планировку. Простые дома стояли вперемежку с лавками и рыночными лотками, а некоторые, похоже, торговали прямо из дома, демонстрируя еду, веера, керамику, чай через двери, широко распахнутые на пыльную улицу.

Некоторые глазели на меня или толкали соседей в бок и тыкали в мою сторону пальцем. Вскоре за мной по улицам уже следовала небольшая процессия, но, в отличие от Киото, держась на почтительном расстоянии. Я старался не обращать внимания на любопытные взгляды, хоть и никак не мог избавиться от необычного ощущения, возвышаясь над толпой, глядя сверху на притолоки дверей и время от времени пригибаясь, чтобы не зацепить головой флаг или вывеску.

На другой стороне улицы я заметил женщину, и ее движения показались мне знакомыми. Раздвигая плечом толпу, я направился за ней, пытаюсь

нагнать. Казалось, что толпа расступается перед ней и тут же смыкается передо мной. Она шагала легко, а мне с трудом удавалось поспевать за ней. Я дотронулся до ее плеча. Она обернулась, посмотрела на меня снизу вверх широко открытыми карими глазами, в которых плясали оранжевые точки.

Я на мгновение замер, потом склонил голову.

— Я... Меня зовут Ясукэ.

Она огляделась нерешительно, заметив с десяток человек, следовавших за мной, которые теперь смотрели и на нее.

— Я — Томико, — робко ответила она.

— Томико... Красивое имя.

Она начала отворачиваться, и мне пришлось говорить очень быстро.

— Я хотел извиниться перед вами. Мне показалось, что в Хонно-дзи вы почувствовали себя неловко, когда я поднял вас. Если я как-то обидел или расстроил вас, прошу прощения. Я сам не знал, как поступить.

— Нет, вы все сделали правильно. Вы выполнили просьбу господина Нобунаги. Это я прошу прощения за свою реакцию. Нам, слугам, обычно лучше держаться так, чтобы нас не замечали.

— Понимаю.

Она вздохнула и чуть расслабила плечи.

— Вы здесь гость. Прошу прощения за свое поведение. Я слышала, теперь вы останетесь с нами?

— Да, — ответил я. — Хотя еще и неясно, в каком качестве. Пока я живу со стражниками, но никаких обязанностей мне не назначили.

Услышав это, она тихо рассмеялась, и я понял, что ждал ее смеха. Или хотя бы улыбки.

— Вам найдут применение, не сомневаюсь, — сказала она.

Улыбка на ее лице погасла. Девушка чуть склонила голову набок, глядя на меня так, словно видит впервые.

— Вам это все в новинку.

Я оглядел улицу. Какие-то люди в широких соломенных шляпах осторожно пробирались сквозь толпу. На ногах у них были прямоугольные сандалии, к подошвам которых были прибиты деревянные бруски, чтобы стопы не касались грязи. Тут же были рыбаки, несшие корзины с уловом на длинных шестах, перекинутых через плечо. От чанов, где готовили тофу, разило киснущей соей.

— Все кажется очень чужим, — ответил я.

— Нет, — мягко ответила она. — Просто вы смотрите на все глазами чужака.

Правдивость ее слов ошеломила меня, и я вдруг понял, что иностранные работоторговцы и священники тоже могли считать мой народ дикарями, не понимая наших обычаев, оценивая наши традиции и нашу жизнь по собственным меркам, по собственному опыту. И тут же решил не повторять их ошибки.

— Помогите мне, — произнес я с чуть большей страстью, чем следовало. — Помогите мне увидеть все как следует.

Она отступила на шаг, и лицо ее вдруг утратило открытость.

— Была рада вас видеть, — произнесла она с нарочитой сухостью. — Мне пора.

Я смотрел ей вслед несколько мгновений, пока она не скрылась в толпе, а потом начал долгое восхождение обратно к домику стражи.

Глава 11

В невольничьем доме в Индии мы спали по двадцать мальчишек в одной комнате. Там было тесно, но удобно. Временами беспокойно, но также и невероятно одиноко.

Когда меня высадили с корабля в порту, я еле держался на ногах — так они ослабели за время долгого плавания. После того как нас помыли, один из встречавших нас людей похлопал меня по плечу, потом по груди. Обернувшись к другим, он поднял руку вверх, показывая мой рост. Из сумки он достал охапку какой-то бурой ткани и протянул мне.

— Есть, — сказал я. — Мы очень голодны.

Он бессмысленно посмотрел на меня, не поняв ни слова. Я боялся его разозлить, но казалось, что я больше не в силах сделать и шага. Ноги подкашивались, а солнце, которое прежде не тревожило меня даже в самое жаркое время, казалось сущим наказанием. В глазах мутилось, во рту пересохло, а мысли были разреженными, словно воздух.

— Есть, пожалуйста, — повторил я и поднес руку ко рту, чтобы показать жестом.

Если этот человек и понял, то не подал виду. Он продолжал смотреть на меня безразличным взглядом, протягивая одежду, будто я и не говорил.

Приняв у него одежду, я натянул ее на себя. Он отделил меня от остальных и махнул рукой остальным белым продолжать свое дело. Я обернулся, чтобы взглянуть на лица мальчиков и девочек. Это было все, что осталось от моей деревни. Белые разделили их на группы, и теперь они бродили по причалу, усталые, потерянные и испуганные. Они не отважились даже посмотреть, как меня уводят. Я попытался докричаться до них, но горло слишком пересохло и голос оказался слишком слабым. Белый толкнул меня вперед.

По людным улицам он привел меня на чужеземный рынок. Мы шли мимо корзин с разноцветными пряностями, ковров, украшенных узорами тонкой работы, и других товаров, которые были мне совершенно не знакомы. Ближе к концу рынка аромат пряностей сменился вонью скота. Там козы жевали сено, а немногочисленные тощие коровы взмахами хвостов отгоняли жужжащих мух.

Он принялся торговаться с покупателем на языке, которого я не понимал. Схватив меня за плечо, он поднял мою руку и похлопал меня по груди. Покупатель подумал, кивнул и протянул ему два мешочка с солью. Сопровождавший меня мужчина взял оба мешочка и толкнул меня вперед.

— Я хочу есть, — снова попытался подать голос я, повторяя руками тот же жест.

Покупатель помахал рукой вслед тому, что продал меня, и отрывистым голосом задал вопрос. Они обменялись несколькими сердитыми фразами, после чего продавец пожал плечами и ушел. Покупатель выругался ему вслед, потом порылся на столе у себя за спиной и протянул мне пригоршню фиников. Я запихал их в рот, пережевал в сладкую клейкую массу, еле набрав слюны, чтобы все это проглотить. Из-за того что я слишком поторопился их съесть, живот у меня свело еще раньше, чем я перестал ощущать их вкус, но эта боль была приятнее боли от голода.

Покупатель схватил меня за руку и повел прочь. У него была загорелая дочерна кожа, и одет он был в широкие свободные штаны, сужавшиеся у щиколоток. У себя в деревне я однажды видел индийских торговцев и сразу понял, что, должно быть, нахожусь в их стране. Мне дали простую кровать, но и она была вдвое шире той, что была у меня на корабле. Дали подушку и, впервые за много недель, накормили горячей едой. Мне дали новое имя. Произнести его или хотя бы запомнить мне было слишком трудно, но я все равно научился на него откликаться. Как меня звали на самом деле, никто и не спрашивал.

В этом новом доме я был одним из множества рабов, и в следующие несколько месяцев мы научились владеть самым разным оружием — копьем, щитом, топором, палицей и мечами с широкими кривыми клинками. Мне даже показали, как

работает кремневый замок и небольшой пистолет, но пользоваться ни тем ни другим так и не разрешили.

Во дворе поместья нашего хозяина мы учились каждый день от рассвета до заката, а иногда и дольше, прерываясь только на то, чтобы быстро перекусить, поспешно зашить рану или вправить сустав. Хозяин иногда наблюдал за нами с веранды, облокотившись о перила или сидя под навесом рядом с подносом разнообразных фруктов. Его темная кожа резко контрастировала со светлой одеждой, которую он всегда носил. Нам было запрещено открывать друг другу свои новые имена. Только владельцу и учителю было разрешено обращаться к нам. Для товарищей каждый из нас оставался безымянным. Один из стоявших перед тобой мальчишек не должен был отличаться от другого, как это было бы на настоящей войне.

Время от времени к нам приводили новеньких. Я вглядывался в их лица в поисках знакомых, прислушивался к их речи, пытаюсь уловить понятные мне слова. Мне хотелось иметь возможность поговорить хоть с кем-нибудь, но никого не находилось. Мой отец знал много языков, но я владел только родным, а здесь никто не мог поговорить со мной на нем. Весь мой мир стал осязаем. Я мог соприкасаться с ним только движениями рук и тела.

Раз больше мне было не с кем поговорить, я разговаривал с матерью. Я шептал ей по ночам.

Пытался рассказывать истории, как это делал отец, об этой новой земле, о еде, о людях, но вскоре это пришлось прекратить. Я не мог думать о матери и продолжать делать то, чего от меня требовали.

Я размахивал оружием сначала неуверенно, потом неистово, вкладывая в каждый удар всю свою силу, и каждая моя неудача сопровождалась ударом по спине клинком, повернутым плашмя. Человек, учивший нас, был таким же светлокожим и светлоглазым, как те, кто угнал меня из деревни. У него была густая борода каштанового цвета и торчащие во все стороны короткие волосы, а через всю щеку тянулся шрам, упирившийся в кривой обрубок на месте уха.

Он выкрикивал команды, которых мы не понимали, хватал нас за руки и за ноги, чтобы поставить их туда, куда он хотел, и бил нас всякий раз, когда был чем-то недоволен. Но я учился. Я научился упирать ногу в землю и переносить вес так, чтобы наносить сильный удар, но сохранять при этом равновесие. Я научился делать ложные выпады, отражать удары и никогда не терять контроль над оружием, каким бы это оружие ни было.

Но в первую очередь я учился читать своего противника. Наблюдать, как он держит копье или меч, как поворачивает руки или приподнимает плечи, прежде чем ударить. Вздрагивает ли он, когда я атакую? Смотрит ли в глаза на мгновение,

а потом отводит взгляд в сторону? Поднимает ли ноги или поворачивает бедра, выдавая свое следующее движение?

Я изучал их так же, как изучал танцы своего отца. Их движения для меня замедлялись, как движения танцоров, и я впитывал каждое из этих движений. Если мой отец был изящен, то они были неуклюжи. Если мой отец двигался свободно и плавно, то они совершали хаотичные рывки. Если следующий шаг моего отца всегда оставался тайной, завораживавшей меня, то этих ребят, которых учили быть солдатами, было легко прочесть, им было легко противостоять, их было легко победить. По мере того как сменялись времена года, безухий человек с коротким клинком бил меня все реже и реже.

Кормили нас хорошо — мы получали целые чаши фруктов и липких зерен, сдобренных ароматными пряностями. После хорошей работы на тренировке мы могли попросить добавки, а я всегда занимался хорошо. Я быстро восстановил и размер, и силы и даже среди более старших парней стал считаться грозным противником. Лишь однажды я испытал сомнение.

Это случилось во время обучения бою на копьях. Против меня стоял мальчик постарше, высокий, но худой, с отметинами на лбу и шрамами на носу и губах, которые когда-то были проколоты костями или драгоценными украшениями. Я знал очень немного племен, но представителей народа

динка уже встречал и решил, что он — один из них. Он был темнее даже меня, но белки его глаз пожелтели, а когда он оскалил зубы, стали видны болезненно почерневшие десны.

Я легко сбил его с ног, широким взмахом копья ударив его сзади под колени, потом повалил снова, просунув древко под его руку и резко крутанув его. Парень был плохо обучен и не представлял опасности. Когда он встал в третий раз, я, не обращая внимания на копье, которое он с трудом держал в руках, просто бросился на него и повалил на спину.

— Добей его.

Я обернулся через плечо на солдата, который каждый день наблюдал за нашим обучением. В его простом медном нагруднике отражалось солнце. Он стиснул зубы, играя шрамом, тянувшимся по щеке от подбородка к отсутствующему уху.

Решив, что я, наверное, не понял команды, он сделал недвусмысленный жест обеими руками, словно нанося удар воображаемым копьем. Я снова обернулся к мальчику-динка. Он лежал на земле, копье валялось рядом в пыли. Его желтоватые глаза испуганно смотрели на меня, и я понял, что его путь, должно быть, был похож на мой, что у него тоже где-то была семья, которую он больше не увидит, дом, куда он больше не вернется. Он, как и все мы, умрет где-нибудь в такой далекой земле, что даже наши духи не смогут отыскать обратную дорогу.

Но этому мальчику суждено было умереть раньше остальных всего лишь потому, что он слишком часто терпел неудачу. Я стоял спиной к солдату, но ощущал его присутствие. Я даже и не помнил, как поднял копье. Выражение лица динка изменилось, стало мягче. Рука, поднятая, словно чтобы защититься, опустилась. Его взгляд изменился. Страх уступил место тому, что вызвало у меня куда больший ужас. Он будто разрешал мне убить себя.

Я ткнул его копьем в живот, но сделал это неловко, и он забился в судорогах. Моя слабость оказалась хуже жестокости. Вместо быстрой смерти от решительного удара его тело изогнулось, пятки заколотили по песку. Кровь пузырилась у рта и носа розовой пеной. Но он все еще продолжал отрывисто, со стонами дышать. В его глазах горела ненависть, которой не было прежде. Я вырвал копье из его дергающегося тела и нанес еще один удар, в шею. На этот раз он замер. Я не стал обобщиваться к солдату.

В тот вечер за ужином я сунул в карман несколько фиников и аккуратно завернутый комочек риса. В самый темный час ночи я выскользнул из кровати и вылез в окно. Двор казался огромным и пустым, словно океан, но, переведя дух, я перебежал через него и перелез через ворота на улицу.

Хоть улицы и были почти пустынные, это был тот неопределенный час, когда одни торговцы закрывают свои лавки, а другие готовят их к утреннему

открытию. Даже в столь юном возрасте мои размеры были достаточно приметны, да и черная кожа тут же привлекла бы внимание. Я старался по возможности укрываться в тени и за колоннами арок, украшавших фасады зданий. Голову я старался не поднимать, скрывая лицо. Я заметил патруль из пары португальских солдат в полном доспехе от шеи до пяток, но паника, охватившая меня, тут же отступила, стоило увидеть, как один из них передает другому фляжку. Я тут же обратил внимание, что их обоих покачивает на ходу.

Я понятия не имел, где нахожусь. Единственный план состоял в том, чтобы уйти подальше от людей, поэтому я направился к тому концу улицы, где, как мне казалось, было меньше фонарей. На меня почти никто не смотрел, а те, кто смотрел, не проявляли ни малейшего интереса. Неожиданно город закончился, и я оказался в лунном свете. Передо мной были две тропинки. Одна вела к вершине холма, где стояло большое каменное здание с блестящим на верхушке бронзовым колоколом. Другая вела вниз, через лесную чащу.

Мне показалось, что «вниз» означает к морю, и я пошел по этой тропе. Под сенью деревьев темнота стояла непроглядная. Вдали от города ночь была так же полна звуков, как и ночи на равнине возле моей деревни, но это были другие звуки, другие насекомые и звери. Я не знал, надолго ли хватит моих запасов еды и какие из попадавшихся на кустах ягод съедобны, но, прислонившись спиной

к дереву, положил в рот сладкий финик. Я жевал его и старался забыть лицо мальчика-динка. Его первый взгляд уверял меня, его убийцу, что все будет хорошо. Его последний взгляд был полон гнева, что я не нанес удар более решительно.

Пройдя еще немного, я углубился достаточно далеко в лес, сошел с тропинки и отыскал место для отдыха. Свернувшись калачиком среди переплетения полуобнаженных корней дерева, я позволил себе уснуть. Через некоторое время я проснулся от шороха. На мгновение я понадеялся, что это какое-нибудь ночное животное, но звук был грубым — такой мог издавать только человек.

Нужно было бежать, но я застыл на месте. Лежа среди корней, я слушал, как звук становится все ближе. Раздался лай, и из кустов выскочил пес. За ним следовали трое хорошо вооруженных мужчин. Я поднялся на нетвердых ногах и ударом повалил на землю одного из них. Остальные двое тут же набросились на меня, и мое сопротивление оказалось безнадежно недолгим, пока один из них не ударил меня по затылку чем-то тяжелым, а потом они принялись сердито пинать меня в темноте.

Я проснулся со сломанной челюстью, которая распухла так, что кожа на шее и щеке туго натянулась. Раздетый догола и связанный, я находился на внутреннем дворе поместья. Обе руки были связаны веревкой, которая была прикреплена к горизонтальной деревянной доске. Я висел на запястьях,

которые болели от тяжести моего собственного веса, но ноги мои немного не доставали до земли и никак не могли облегчить положение.

Вокруг меня остальные продолжали обучение.

— Воды... — пробормотал я, понимая, что никто не отважится дать мне напиться.

— Стоп!

Мальчишки тут же прекратили упражнения, и португальский солдат, обучавший нас, подошел к доске, на которой я был подвешен.

— Очнулся... — произнес он.

Я рассматривал зарубцевавшийся мясистый обрубок на месте его уха, линию шрама вдоль подбородка. Его глаза были светлые и бесцветные, каких я никогда не видел у людей, приходивших в нашу деревню. Взгляд его был спокойный, не злой, но и не добрый.

Он заговорил, но я почти ничего не понял. Он показал рукой в сторону веранды на втором этаже, откуда за нами наблюдал хозяин, наряженный в безупречно белые одежды. Потом он покрутил рукой у пояса, где богачи обычно носили кошель с деньгами, а потом провел ладонью по шее, что, как я узнал, у белых людей означало смерть. Я понял, что меня должны были бы убить, если бы хозяин не считал меня слишком ценным.

В его голосе не было ни радости, ни злости, никаких эмоций или симпатии, которые я мог бы попытаться понять. Он говорил точно тем же тоном, каким командовал нам держать копья выше или

упираться ногами в землю перед ударом. Выстроив мальчишек, он отдал простой приказ:

— Ломайте копья.

Они по очереди принялись бить меня древками своих копий, пока те не ломались. Если я терял сознание, солдат проводил острым ножом по внутренней поверхности моего бедра, чтобы привести меня в чувство, после чего избиение продолжалось. После этого я провисел два дня, в течение которых меня поили водой с тряпицы, намотанной на палку, и давали поесть одну картофелину в день, которую я медленно жевал, морщась от боли в распухшей челюсти. Потом избиение повторили. Два раза в день меня снимали с доски примерно на час только для того, чтобы кровь прилила обратно к рукам и их не пришлось бы отрезать. Казалось, это должно было нести облегчение, но внезапный прилив пульсирующей крови в жилы причинял такую боль, что дважды в день во время этих передышек я корчился на песке от боли, думая, что мои пульсирующие опухшие руки вот-вот лопнут.

К тому времени, когда каждый из мальчишек сломал об меня по второму копью, я был уже не в состоянии отличить одну часть своего тела от другой. Болело все и при каждом вздохе. Из порезов на бедрах кровь стекала по моим ногам до самых кончиков пальцев. Единственная боль, которую я еще мог отличить от остальных, была боль в связанных запястьях. Я был уверен, что одно из

них вывихнуто, но не хотел даже и думать о том, чтобы подсчитать свои раны.

Потом меня снова оставили висеть голого на беспощадной дневной жаре, среди полчищ вечерних насекомых, на холоде росистых рассветов. Губы мои запеклись, глаза не открывались из-за сохшейся слизи, сопли и слюна стекали по подбородку и капали на землю. Кожа на запястьях шелушилась и отслаивалась.

Подвешенный во дворе, окруженный тучами насекомых, терзаемый болью, я должен был сделать выбор. Я мог сойти с ума или отстраниться от всего происходящего. Я сбежал, но сам не знал куда. Если бы даже мне и дали карту, я не смог бы отыскать на ней свою деревню и понятия не имел бы, как туда добраться. А даже если бы и смог, мне было некуда возвращаться. Наше место уже заняло другое племя, скорее всего добывающее железо в той же пещере и, возможно, даже живущее в наших домах.

У меня больше не было дома. Не было племени. Мне было некуда идти. Я выбросил из головы все воспоминания о деревне, о детстве. Я позволил лицам моих родных раствориться. Похоронил свою боль. Отпустил своих мертвых.

Когда веревки перерезали, португальский солдат бросил на землю рядом со мной копье. Медленными, неторопливыми движениями он отстегнул медный нагрудник, снял его и бросил в пыль. Потом достал из ножен короткий меч и бросил рядом.

— Убей меня, — сказал он.

Я посмотрел на копые. Все мое тело болело. Тыльная сторона ладони была иссиня-фиолетовой, кожа распухла и туго натянулась. Ладони были бескровные и бледные. На запястьях кожа почти полностью сошла, и плоть под ней была серой и мягкой, напоминая тухнущую рыбу. Даже взяться за копые было нестерпимо больно, но я понимал, что нужно делать. Я выбрал безымянного мальчика, стоявшего рядом, лишь по той причине, что он был ближе всех. Подняв копые, я не посмотрел парню в лицо и не колебался ни секунды. Ни тогда, ни когда-либо впоследствии. Я проткнул мальчишку насквозь, потом без сил опустился на одно колено.

— Воды... — прохрипел я.

Солдат кивнул мне и улыбнулся. На веранде над внутренним двором хозяин глотнул кофе, потом развернулся и ушел в дом.

С этого момента я научился принимать насилие и никогда не смешивать в голове две вещи: кто я такой и что я должен делать. Если убийство одного из других ребят означало лишнюю миску риса, я убивал и спал после этого спокойно. В течение следующих месяцев я учился и дрался, убивал и ел. Мои руки обросли мышцами и окрепли, ноги стали сильнее, ладони — крепче. Я еще был мальчишкой, но меня уже трудно было отличить от взрослого. И я никогда больше не колебался, исполняя приказ.

Я стал рабом. Мне больше не нужна была цепь.

Глава 12

Город Адзути готовился к войне. В нем чувствовалось знакомое напряженное ожидание, какое всегда висит над лагерем войска, готового выступить в поход. Токугава Иэясу, Тоётоми Хидэёси и Акэти Мицухидэ, трое полководцев, сидевших на помосте перед Нобунагой, выехали из Хонно-дзи раньше нас и уже провели в Адзути несколько дней, занимаясь обучением войск во внутреннем дворе замка.

У каждого из полководцев было свое знамя: у Токугавы — три листа дикого имбиря, обращенные внутрь, у Тоётоми — стилизованный лист адамова дерева, славящегося быстрым ростом, а у Акэти — пятилепестковый колокольчик. В колокольчике Акэти я узнал эмблему, которую носил Хидэмицу — тот солдат с перебитым носом, что остановил меня у костра по пути в Адзути.

Несколько раз я видел и самого Хидэмицу, отработывавшего маневры со своим отрядом. Его искалеченный нос и белая зарубка были скрыты шлемом, но хриплый голос нельзя было не узнать. Он часто совещался с Акэти, но никогда — с другими двумя полководцами.

У меня быстро вошло в привычку каждое утро часами наблюдать за войском. Почти каждый день вместе с ними тренировался и небольшой отряд женщин. Они упражнялись с оружием — в основном с нагинатами на длинных древках или луками и стрелами, но не участвовали в строевой подготовке мужчин, и я сделал мысленную заметку спросить об этом у Ранмару или кого-нибудь из стражников.

Еще меня поразило единообразие войска. В той армии, где я оказался, когда меня продали, были и европейцы, и африканцы, и индийцы. На корабле, который привез меня в Японию, были матросы со всех концов известного мира. Даже в моей крошечной деревушке время от времени объявлялись торговцы из Индии, а то и из более дальних стран. Здесь же были только японцы, и, осознав это, я ощутил себя чужим, как никогда прежде. Откуда ни возьмись на меня вдруг навалилась тоска, сдавившая грудь с такой силой, что на мгновение перехватило дыхание. Одиночество — это не отсутствие людей вокруг. Это их присутствие и понимание, что тебе среди них нет места.

Я попытался взглянуть на себя глазами этих мужчин и женщин, которые никогда не видели представителей иной расы, и даже представить себе не мог, насколько чуждым кажусь им я. Даже искусственный Нобунага тер мою кожу, словно ожидая какого-то подвоха. Вид их слаженной работы

отдалял меня от них еще больше, но я все равно смотрел.

Войском управляли с помощью флагов и барабанов, и оно двигалось быстро и четко, повинуюсь сигналам. Они были дисциплинированы и быстро исправляли любые оплошности. Некоторые воины помоложе были не то слишком горячими, не то слишком волновались, а может быть, и то и другое сразу, но в основном мужчины казались закаленными бойцами, прекрасно понимавшими, что их ждет.

Рассказы о войне — это рассказы о славе или трагедиях, но более опытные воины уже усвоили, как и я в свое время, что по большей части война — это скука. Скорее всего, выйдя за ворота замка, они совершат длинный переход, потом вступят в короткий бой на равнине, после чего долгими неделями будут осаждать замок. Первые дни осады — это отдых от многодневных переходов и суматохи сражения. В это время еще теплится надежда, что противник быстро сдастся.

Стоит замку продержаться первые несколько дней, и приходит осознание неизбежности долгой осады и всех ужасов, что ее сопровождают. Крики и стоны осажденных в любое время дня или ночи, которые иногда резко обрываются, а иногда, наоборот, звучат слишком долго. Изнуренные тела, падающие со стен. Солдаты, по утрам делающие ставки, упадет ли еще кто-то в течение дня. Монеты переходят из рук в руки, снова меняют

владельца на следующий день, а еще через день все повторяется. Иногда, когда падает очередное тело, слышатся радостные вопли, если ставка была достаточно высока. Матери, держащие на руках мертвых младенцев и выкрикивающие оскорбления в адрес воинов под стенами или, того хуже, разбивающие головы живым младенцам о стены, чтобы дать им быструю смерть вместо медленного угасания от голода. Те, кто оказался внутри стен, начинают грызться между собой и, если осада длится достаточно долго, начинают есть сначала мертвых, а потом и слабых, пока осаждающие осыпают стрелами каждую приближающуюся телегу с продовольствием даже тогда, когда в этом уже нет нужды, чтобы просто попрактиковаться в стрельбе или унять скуку. Хотя в большинстве таких телег — ни в чем не повинные крестьяне. На войне обе стороны забывают о чести.

Днем я упражнялся сам, отрабатывая движения с копьем и мечом, пока не покрывался потом, несмотря на прохладную погоду. Я старался двигаться как японцы. Наносить удары быстро, с минимальными движениями тела, отводить оружие обратно в готовности ударить снова, но это противоречило моим наклонностям. Индийцы и европейцы учили меня бить с яростью. Вкладывать всю силу в замахи меча, топора или палицы, участвовать всем телом в каждом ударе. У меня были только меч и длинное копье, но я старался представить себе, как в моих руках лежало бы

японское оружие. Его я изучал очень тщательно. Я узнал, что женщины предпочитали нагинаты, потому что длинное древко давало им возможность противостоять силе более крупного противника, что пешие воины пользовались более короткими копьями яри, чтобы защищаться от всадников и сбивать их с коней.

Наблюдая, как во дворе замка тренируются самураи и асигару, я понял, что, независимо от оружия, всегда сражался, используя силу своих рук и ног. Оружие было всего лишь острым или тупым предметом, передававшим мою силу. Японцы наносили удары точно и прилагали при этом ровно столько усилий, сколько требовалось, не совершая лишних движений. Они доверяли клинку больше, чем телу.

В основном я практиковался за домиком стражи, где всегда было тихо, если не считать моментов смены караула. Но однажды я обратил внимание, что из-за угла домика стражи за мной наблюдает мальчишка. Как только я его заметил, он тут же отпрянул за стену. Но потом снова осторожно выглянул одним глазом. Не обращая на него внимания, я продолжил занятия, но на следующий день мальчишек было уже трое, а еще через день — семеро. Они перестали прятаться за углом и стояли открыто возле домика, показывая на меня пальцем, хихикая и повторяя мои движения.

Мне довелось побывать матросом, солдатом, семинаристом и рабом. Я уже много лет не слышал

детского смеха. Хоть я и старался не обращать внимания на то, как они тычут пальцами и хохочут, но все же не смог сдержать легкой улыбки.

По вечерам я старался выведать хоть что-нибудь у сменившихся из караула стражников. Они только фыркнули, когда я спросил, не готовится ли Нобунага к войне.

— Наш господин не готовится к войне. Он уже ее ведет. Здесь ты видишь его главные силы, но под его началом есть и множество других армий, которые возглавляют другие даймё.

— И они сейчас сражаются? Где?

— В Иге. В других местах тоже, но Игой наш господин просто одержим.

Стражник, сказавший это, уставился в землю, словно произнести это название значило навлечь на себя проклятие. Я немного слышал об Иге сначала от брата Амброзиу на корабле в Нагасаки, потом от пирата Мураками, который вез нас в Сакаи. Ига не подчинялась ни одному даймё. Вся власть там принадлежала икки — группе людей, на которых лежала обязанность оборонять провинцию. Об убийцах из Иги ходили легенды, иногда приобретававшие мистическую окраску. Некоторые верили, что они способны становиться невидимыми или даже мгновенно переноситься из одной точки в другую на любое расстояние. Кто-то считал, что они и во все не люди, а духи или демоны. Они не признавали ничьей власти, убивали за деньги и редко терпели

неудачу. Поговаривали, что они могут часами или даже днями не сходить с места, подстерегая свою жертву или выжидая удобный момент.

Другой стражник хлопнул первого по спине.

— Люди из Иги — всего лишь люди. Они умирают точно так же, как и все прочие. Разве они не пытались трижды убить нашего господина, но так и не преуспели в этом?

— Они подсылали убийц? Сюда? — спросил я. Стражник покачал головой.

— Нет-нет. Не сюда. Первый убийца ждал в Коге, зная, что господин Нобунага будет проезжать там. Он несколько дней сидел в засаде, ожидая его появления. Он дважды выстрелил в нашего господина из мушкета, но обе пули попали в пластину на шее. Господин упал с лошади, но не был ранен. Убийцу поймали и пытали несколько дней.

В комнате повисло молчание, и стражник продолжил рассказ:

— Второй убийца проник во дворец, где остановился наш господин, но его быстро обнаружила стража. Он покончил с собой, чтобы избежать судьбы первого убийцы, но господин Нобунага все равно повесил его тело на дворцовых воротах в назидание остальным. Третий был ближе всего к успеху. Он пробрался в другой дворец господина Нобунаги и поднялся на крышу, пока тот спал. Он спустил вниз нитку, пропитанную ядом, в спальню нашего господина. Господин Нобунага проснулся прежде, чем яд начал капать ему в рот, но убийце удалось сбежать.

— Да, но Нобунага не прекращает искать его. Нобунага назначил за его голову такую награду, что в Иге его, наверное, разыскивает каждый воин клана Ода.

После нескольких лет службы телохранителем у отца Валиньяно эти рассказы меня разозлили. Три покушения. В одном случае покушавшийся точно знал дорогу, по которой поедет даймё. В двух других убийцы вошли во дворец, где спал Нобунага. Я решил во время прогулок по Адзуте осматривать город более критическим взглядом, чтобы лучше представлять себе возможные слабые места.

Стражники между тем продолжали говорить об Иге.

— ...Да, они сражаются хорошо. Не скрою, мне самому не хотелось бы воевать против них. В Игу ведут пять горных проходов, и наш господин приказал направить по армии через каждый. Всего господин Нобунага отправил сорок тысяч человек. Ига падет. Настоящая битва будет на западе, против Мори.

— Кто туда пойдет? — спросил я.

— Войско уже получило приказы. Воины Хидэси пойдут на запад южным путем, воины Акэти — по северной дороге.

Стражник, сидевший в углу у стены и теребивший в руках вырезанную из дерева дудочку, предположил:

— Хидэёси придет первым. Никто лучше него не захватывает замки. Мышонок никогда не подводит.

— Хм... Да, он добивается успеха, но не быстро. Хидэёси выдавливает врагов с их позиций. Он — лучший тактик, но старик Акэти лучше умеет вести переговоры. По первому же его свистку защитники сами выходят через главные ворота.

— «По первому свистку», — фыркнул другой. — Скорее уж, «после долгих уговоров».

Раздался взрыв хохота, который тут же оборвался. Стражники посмотрели на меня. Я попытался жестом их успокоить, и они расслабились, но не полностью.

— Под командой господина Акэти есть один человек — Хидэмицу.

— А... Хидэмицу, — стражник улыбнулся и повел носом на правую сторону лица, вызвав у остальных приступ смеха. — Это зять Акэти и его правая рука. Он тебе не нравится?

— У меня нет причин не любить его, — осторожно ответил я.

Стражник пожал плечами.

— Иногда люди не любят друг друга безо всяких причин. Что толку притворяться, что это не так.

— Боюсь, мы с ним не поладили, — сдержанно продолжил я, надеясь узнать еще что-нибудь.

— Не ты первый. Хидэмицу наживает врагов быстрее, чем друзей. Просто держись от него подальше, и он ничего тебе не сделает.

Не желая продолжать, я сменил тему.

— Значит, Тоётоми и Акэти пойдут на запад. А Токугава? Что с его войском?

Я видел всех троих полководцев, когда они готовили войско в полях и во дворе замка, но сейчас вспоминал тот первый вечер в Хонно-дзи, когда видел их всех троих вблизи. Тоётоми Хидэёси — невысокий, жилистый, с морщинистым лицом и редкой бородкой, постоянно двигавший челюстью взад-вперед, словно что-то жевал. Акэти Мицухидэ — на вид самый старей из троих, с лысой макушкой и седеющими волосами, стянутыми с висков в короткий узел, которого брат Органтино описывал отцу Валиньяно как больше похожего на философа, чем остальные двое. И, наконец, Токугава Иэясу — грузный, вислощекий, скрывающий дородную фигуру под просторным парадным одеянием.

— Людям Токугавы приказано оставаться наготове, — произнес стражник, сидевший в углу. — Если дела на западе пойдут плохо, он поддержит ту армию, которой понадобится помощь. Если на западе все будет хорошо, то, думаю, он пойдет на восток, чтобы добить остатки клана Такэда. Их мощь сломлена, но Такэда Кацуёри остается тамошним повелителем, и они по-прежнему удерживают земли вокруг горы Фудзи.

— А вы? Стражники?

По комнате вновь разнесся смех.

— Мы остаемся здесь. Сторожим замок. Единственное место, на которое никто не посмеет на-

пасть и до которого вообще никто не сможет добраться. У нас самая скучная работа во всей Японии.

Стражник вытянул ноги перед собой, скрестил руки и, запрокинув голову, притворился, что храпит. Остальные посмеялись, но вскоре устроились на своих циновках, и притворный храп сменился настоящим.

Глава 13

Компания детей, наблюдавших за моими упражнениями за домиком стражи выросла до двух десятков. К ним стали присоединяться солдаты, торговцы и ремесленники, которые, наблюдая за мной, в отличие от детей делали вид, что занимаются своим делом. Их неприкрытое любопытство с особой остротой заставило меня ощутить собственную чужеродность. Я был единственным африканцем в Адзути, а возможно — и во всей центральной части Японии.

Я медленно разогревался, повторяя движения: выпад, вдох, поворот, удар, вдох. Потом начал двигаться быстрее, сочетать действия в разной последовательности. Вскоре я уже вспотел, взмахивая мечом и крутясь на месте под детские шепотки и смех.

— Ты в самом деле сражаешься этой штукой?

Я обернулся и увидел ухмыляющегося Ранмару, прислонившегося к углу дома. Он оттолкнулся от стены и подошел ко мне, положил ладонь на мой португальский меч и бросил на него короткий взгляд.

— Я услышал, как смеются дети, — пояснил он. — Теперь понимаю почему.

— Это оружие неплохо мне послужило, — ответил я немного обиженно.

Он взял у меня меч и тут же притворно опустил руку едва ли не до земли, к удовольствию теперь уже открыто хихикающей толпы.

— Тяжелый, — сказал он, снова поднимая меч, чтобы рассмотреть его еще раз, потом медленно взмахнул клинком, рассекая воздух. — И неповоротливый. Даже странно, что ты еще жив. Скорость и точность, а не сила, — вот что выигрывает бой.

Он раскинул руки, выпятил грудь и начал вразвалочку расхаживать передо мной, стараясь казаться как можно больше и вызывая безудержный хохот детей. Взяв меч за кончик клинка, он протянул его рукоятью ко мне.

В насмешках Ранмару не было злобы, но я все равно почувствовал, как от них вскипает кровь.

— Я готов учиться, — осторожно сказал я. — Как ты победишь противника, который сильнее тебя? Опытного бойца?

На лице Ранмару снова заиграла легкая усмешка. Он огляделся, и взгляд его остановился на тележке торговца.

Он подошел к тележке и взял сверху небольшую, крепкую на вид тыкву, потом перекинул ее несколько раз из одной ладони в другую, проверяя толщину кожицы. После этого он молниеносно развернулся и бросил ею в меня, но я тоже действовал быстро — уперся ногами в землю и взмахнул мечом. Удар получился точным, но я немного

не рассчитал угол, и тыква осталась на клинке, перерубленная больше чем наполовину.

Ранмару захлопал в ладоши, и малышня присо-единилась к аплодисментам.

— Что ж, твое оружие умеет ловить предметы. Впечатляет.

Я посмотрел на меч, по черненому клинку которого стекала тоненькая струйка сока.

— Такой удар убьет человека, — ответил я.

Последовало неуловимое движение — Ранмару обнажил свой меч. Я поднял клинок, чтобы отбить его. Опыт тысяч дней обучения подсказывал, что я среагировал достаточно быстро, но тыква по-прежнему висела на клинке, замедляя мои движения. Катана Ранмару оказалась у моей шеи за миг до того, как я успел парировать удар. За тот самый миг, который отделяет жизнь от смерти.

— Да, одного человека он убьет. А следующего?

Он убрал меч в ножны, улыбнулся и отступил на шаг.

— Ты бьешь сильнее, чем нужно. Если бы ты сделал только то, что необходимо, твой меч был бы свободен. Это влияет на работу твоих ног, на равновесие. Ты шагаешь дальше, переносишь свой вес, используешь силу даже тогда, когда того же результата можно добиться более мелкими движениями.

Он похлопал меня по плечу.

— Дальше будешь учиться вместе с нами. Сними тыкву с меча и иди за мной. Господин Нобунага

говорит, что нужно дать тебе новую одежду. Он устраивает представление, и ты должен к нам присоединиться.

Нобунага созвал турнир по сумо, чтобы отметить начало своего похода на запад. Ранмару повел меня снимать мерки, чтобы я мог присутствовать там в более традиционном японском наряде. С тех пор, как меня подарили Нобунаге, из имущества у меня были только меч да копье, три пары штанов и рубаха, которыми я старался пользоваться попеременно.

Снимая мерки, портные взволнованно переговаривались. Скорее всего, они не подозревали, что мне понятна их речь, но я промолчал, наблюдая, как они лихорадочно сшивали ткань.

Мне впервые предстояло войти в замок. Возвышаясь на семь этажей, он нависал над окружающими административными зданиями и двориками, занимавшими плоскую вершину горы, частными домами и военными постами, рассыпанными по склону вдоль дороги, и маленьким, но шумным городом у подножья. Первые пять этажей над наклонным каменным основанием были в основном выкрашены в белый цвет с небольшими вкраплениями черного и золотистого. Шестой этаж был ярко-красный, а седьмой ярус занимал позолоченный замок, сиявший на солнце подобно звезде, когда мы подъезжали к нему.

К вечеру моя одежда была готова. Ранмару вызвал меня в замок и показал новый наряд. Кроме четырех кимоно здесь были две пары штанов, которые он назвал хакама, — широкие, ниспадающие до середины икры, со складками спереди и повязанные на талии широким поясом, и три свободные рубашки из легкой шерсти синего, оранжевого и белого цвета, распахивавшиеся спереди на манер халата. Он выбрал синюю и показал мне, как правильно запахивать рубашку на груди и затыкать ее за пояс хакама, чтобы она не расходилась.

Когда я переоделся, Ранмару приказал унести португальскую одежду — ту, что купил мне Валиньяно. Он показал на стеклянное зеркало, к которому я и повернулся. Хакама были завязаны высоко, а похожая на халат рубашка запахнута на груди под углом, отчего мое туловище казалось коротким, но широким. Одежда была чистая и удобная, и я, сам того не желая, помахал руками, чтобы ощутить, как рубашка прилегает к телу. Я сделал движение, будто рублю мечом, рассмешив Ранмару, и засмеялся вместе с ним.

— Идем, — сказал он и подкрепил слово жестом.

Внутри замка по обе стороны внешних коридоров шли уединенные помещения для встреч, праздников для узкого круга и приема почетных гостей, но внутренняя часть замка была совершенно открыта. Посетители всех семи этажей могли наблюдать пространство в центре. От первого этажа до

седьмого поднимались высокие колонны, раскрашенные драконами и павлинами, цаплями и огромными рыбами, странными созданиями. Но были среди них и люди — философы, воины и прочие исторические личности.

Внутренние балконы первых пяти этажей были выкрашены в черный цвет, а шестого — в красный. Седьмой был полностью покрыт золотыми чешуйками и отмечен эмблемой императора. Из уроков Валиньяно я знал, что император никогда не покидал столицу, и понял всю дерзость и силу решения Нобунаги, который построил замок с расчетом на его визит. Приезжающие даймё и их посланники увидят золотой балкон на верхнем этаже замка и поймут послание Нобунаги четко и ясно: «Средоточие власти находится здесь, а не в Киото. Придет время, и даже император приедет ко мне».

— Я почти ничего не понимаю в сумо, — шепнул я Ранмару, пока он вел меня вверх по лестнице.

— Тут как и с большинством вещей в Японии, — ответил он. — Все очень просто, пока не пытаешься разобраться. И тогда все становится сложно.

Мы остановились на пятом этаже. Здесь у перил уже выстроилось около десятка человек, и все они были одеты более изысканно, чем я. Среди них я узнал Огуру и Дзингоро. Когда мы вошли, братья уважительно поприветствовали Ранмару, а потом и меня, но уже не так уверенно. Принесли еду — что-то похожее на маленькие пирожки из

рисового теста, подкрашенные зеленым, розовым и желтым. Подали чай и саке. Это было лучше той еды, которой кормили в доме стражи.

Толпа умолкла, когда этажом выше напротив нас появился Ода Нобунага. Ложа императора была пуста и не освещена, поэтому Нобунага, сидевший в красной ложе шестого этажа, смотрел на всех присутствующих сверху. Я видел, что чем ниже уровень, тем больше на нем народу: от небольших компаний мелких сановников до толпы простых солдат на нижнем уровне. Все встали, чтобы поприветствовать Нобунагу, который просто кивнул, давая знак начинать действие.

На нижнем этаже еще днем установили помост и посыпали его песком. На помосте по кругу выложили связки рисовой соломы, а центр обозначили двумя короткими белыми линиями.

Раздался один удар в барабан, и к помосту подошел пожилой мужчина в темном переливающимся кимоно, державший в руке длинную связку тлеющих веток. Поднявшись на помост, он обошел его по кругу, окуривая дымящимися ветками края площадки. Ранмару дотронулся до моего локтя.

— Дохё — священное место. Этого человека называют ёбидаси. Он будет руководить состязанием, но сначала должен очистить дохё.

Завершив ритуал, ёбидаси передал еще горящие ветки помощникам за пределами помоста и сел, скрестив ноги, у одной из меток в центре. На

помост поднялись двенадцать участников — грузных мужчин с серьезными лицами и туго стянутыми на затылке волосами, совершенно обнаженных, если не считать набедренной повязки и крученой веревки на поясе. Пока они выходили, не было слышно никаких приветственных криков — только почтительное бормотание. Я видел, как на нижних уровнях люди перешептывались, тайком делая ставки. Рядом со мной Дзингоро положил на стол пару монет и поглядел на брата Огуру, который в ответ улыбнулся и кивнул.

На дохё вышли первые два борца. Ёбидаси поднялся на ноги и встал перед отметками. Борцы встали на эти отметки лицом друг к другу. Стукнув сжатыми кулаками по линии, они бросились друг на друга. Толпа, благоговейно молчавшая до этого момента, взорвалась криками на всю высоту замка — с первого этажа до шестого.

Сколь быстро этот бой начался, столь же быстро и закончился. Борец постарше оторвал соперника от земли и вытолкнул за ограждение из охапок соломы. Проигравший поклонился победителю и покинул дохё. Ёбидаси показал победителю свой веер и громко объявил:

— Осидаси!

— Что значит «осидаси»? — спросил я у Ранмару.

— Это прием, которым была выиграна схватка.

— А сколько всего есть способов выиграть?

— Столько же, сколько и проиграть.

Обернувшись к Ранмару, я увидел задорную улыбку на его лице и подумал, что сказал глупость. Я видел, как на нижних уровнях деньги начали переходить из рук в руки. Дохё быстро прибрали длинной метлой, и вышли два новых борца. Огура забрал со стола монеты брата.

Схватки были скоротечны, и я внимательно наблюдал за их участниками. Помост, казалось, трясся, когда они сталкивались друг с другом, и хотя, скорее всего, причиной тому служил буйный топот толпы, было легко представить себе, что сотрясение вызвано силой столкновения противников. Однако, несмотря на демонстрируемую ярость и мощь, было в этом и определенное изящество. Соперники были проворны. Они балансировали на пятках, уклонялись и бросались в контратаку, наступали и маневрировали, удерживая позиции и готовясь к атаке с неожиданной грацией. Чем дольше шли состязания, тем громче становились приветственные крики, подстегиваемые, несомненно, щедрыми порциями саке. И после седьмой или восьмой схватки я впервые услышал, как кто-то потребовал великана.

Сначала слово «кёдзин»¹ выкрикнул кто-то один, но его быстро подхватили другие и повторяли нараспев сначала на нижнем этаже, потом — на втором, за ним — на третьем. Толпа снова принялась смотреть вверх, но теперь они искали

---

¹ Кёдзин — великан (*яп.*).

взглядами не Нобунагу. Они искали меня. Я отступил от края балкона, но полностью укрыться от взглядов можно было, только уйдя совсем.

С десяток человек на соседнем балконе рассмеялись и один за другим подхватили клич:

— Кёдзин! Кёдзин!

Снизу донесся крик:

— Посмотрим, как дерется Ясукэ!

— Что ж, хотя бы один из них знает, как тебя зовут, — ехидно заметил Ранмару.

Остальные присутствующие в ложе обернулись ко мне и принялись оценивающе разглядывать. Огура и Дзингоро перешептывались о моих возможностях и стоили ли они того, чтобы ставить на меня деньги.

Я поднял голову и посмотрел на балкон Нобунаги. Тот сидел на краю багровой ложи в компании Тоётоми, Токугавы и Акэти. На губах его играла мечтательная улыбка, но больше он ничем не выдавал своего желания. Решение должен был принимать я.

Я задумался, опасно ли это. Что будет, если я выступлю плохо или как-то нарушу обычаи? Не наживу ли я себе врагов, если выиграю? Пока я еще слишком многого не знал, даже простейший выбор нужно было делать осторожно. Полагаться можно было только на собственное чутье. А чутье подсказывало мне, что наибольшим риском было уклониться от вызова, и, приняв решение, я осознал еще кое-что — мне хотелось принять участие в схватке.

Я кивнул Нобунаге, и он кивнул в ответ, давая разрешение.

Едва я поднял руку, как распевные выкрики перешли в оглушительный вой, который отдавался в ушах, пока Ранмару вел меня в коридор и по лестнице на первый этаж. К тому времени, когда я спустился, кто-то уже приготовил для меня набедренную повязку. Толпа подхватила мое имя, и, пока я переодевался, эхо разносило по комнате напевный крик «Ясукэ!».

Ранмару быстро наставлял меня.

— Ты должен наклониться и коснуться кулаками белой линии. После этого начинается схватка. Дальше все просто — не выходи за соломенный круг и не касайся земли какими-либо частями тела, кроме ног.

Я кивнул и вышел в главный зал. Вместо тревоги я ощущал азарт. Уже несколько дней я торчал в домике стражи, где единственным выходом для моей энергии были ежедневные упражнения. В те месяцы, что я провел на португальском корабле, меня иногда подмывало принять участие в боях на нижней палубе, которые время от времени устраивали матросы, но я не был готов изменить долгу, требовавшему постоянно быть настороже рядом с Валиньяно. Мне все еще было стыдно, что от меня так легко отказался человек, которому я доверял, что мне так жестоко указали мое место и мою цену. Возможность наконец-то испытать себя против кого-нибудь хоть в чем-то

я воспринял с облегчением. Мне хотелось наконец отвести душу.

Соперник уже ожидал меня на дохё. Он был невысокий и коренастый, с мощными лодыжками и руками. Он стоял лицом ко мне, но смотрел, казалось, мимо меня, словно я не заслуживал его внимания. Он встряхнул плечами, потянул шею, чуть подпрыгнул на толстых ногах.

Люди в толпе оживленно кричали, делая последние ставки. От прежней скрытности давно не осталось и следа. Я вышел на дохё, поклонился ёбидаси, потом поклонился сопернику. Тот ухмыльнулся.

Мы подошли к белым чертам, стукнули кулаками о помост, а когда мы сошлись, я обхватил его руками. Одним движением я поднял его, перекатил через бедро и швырнул на спину прямо в центре дохё.

Волна криков перешла в цунами. Ёбидаси был так поражен, что на мгновение забыл о своих обязанностях и просто смотрел на меня. Опомнившись, он подбежал ко мне, поднял веер и крикнул:

— Цукаминагэ!

Я развернулся, чтобы спуститься с помоста, но на него уже поднялся следующий борец. Он осмотрел меня с ног до головы, заскрежетал зубами и сжал кулаки. Я улыбнулся ему. Толпа за моей спиной взревела.

Глава 14

Иногда люди платили, чтобы увидеть, как мы бьемся друг с другом. Они носили чистые одежды и кожаные сандалии, как и наш хозяин, и у них были такие же смуглые лица и густые черные бороды. Они стояли на пыльном дворе, подбадривая нас криками, и время от времени приплачивали нашему португальскому надсмотрщику, если бой выходил достаточно интересным.

Однажды утром мы вышли на тренировочную площадку и увидели, что по бокам от надсмотрщика стоят четверо мужчин в похожей одежде, но в более тяжелых доспехах. Другие белые появились у нас впервые.

Мы, как обычно, выстроились в очередь и разобрали оружие. У меня ушло несколько недель, чтобы залечить раны после наказания за побег, но после исцеления я снова приступил к тренировкам, молча и безжалостно делая все, что необходимо. Отведя в сторону нетерпеливый выпад копьем, я плашмя ударил мальчика постарше клинком меча с такой силой, что после падения у него из ушей пошла кровь. Поднырнув под занесенную булаву, я рубанул сзади по колену своего более

светлокожего противника, покрытого глубокими на вид шрамами, и повалил его.

Белые люди не кричали и не делали ставок, и я ума не мог приложить, зачем они здесь. Они бесстрастно наблюдали, иногда перешептываясь между собой и с нашим надсмотрщиком. После еще нескольких схваток надсмотрщик приказал нам остановиться. Он отобрал из нас дюжину, несколько мешочков с монетами перешли из рук в руки, и четверка новых белых повела нас в порт на другой корабль.

В трюме этого корабля нас уже ждали два или три десятка рабов. Когда мы вошли, они сидели молча, но стоило нашим стражам подняться на палубу, как разговор, который мы прервали, продолжился. Несколько слов были мне знакомы — это был не мой родной язык, но достаточно близкий диалект, который я мог понимать.

— Вы говорите на ломве? — спросил я.

Речь с трудом вырывалась из моей глотки, и я понял, как давно уже не говорил. В трюме было темно и почти ничего не видно, но ко мне, осторожно переступая через ноги других, подошел пожилой мужчина. В скудном свете я мог разглядеть половину его лица, покрытого глубокими морщинами, и длинные седые волосы, заплетенные в косички.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

— Тринадцать.

Он хмыкнул себе под нос и покачал головой:

— С каждым годом все моложе.

— Откуда вы?

— Отсюда, — ответил он. — С этого корабля. И ты тоже.

Он снова скрылся в темноте. Больше я не разговаривал до самого конца путешествия.

Мы спали в каменном форте, обращенном тыльной стороной к воде, а его высокая передняя стена была под обстрелом днем и ночью. Прежде мне не приходилось видеть пушек, и когда я впервые почувствовал сотрясение от удара ядер о стены, то упал на пол. Никто не обратил внимания. Вокруг сновали туда-сюда люди — грязные, окровавленные и усталые. Иногда они выкрикивали приказы, иногда были совершенно невозмутимы. Для меня белые все еще оставались безликими — я пока не научился отличать их друг от друга, кроме тех, у кого были шрамы.

Старика, говорившего на ломве, я встретил снова на третий день и узнал по седым косичкам, облепившим плечи и потную спину. С самого прибытия мы занимались самой разной работой: укрепляли стены и ворота, точили и чистили оружие, убирали обломки там, где камень растрескался и частично осыпался. Но в бой мы еще не вступали.

— Еще успеем, — сказал старик, передавая мне ведро со строительным раствором.

Я обмакнул в ведро палку с намотанной на нее тряпичей и заполнил раствором пространство между камнями, как мне показывали.

— Кто они? — спросил я, указав подбородком в сторону армии, стоявшей лагерем под стенами.

— Их называют оттоманами. Их имена прокляты, а имя того, кого они называют Сулейманом, проклято сильнее прочих.

— А что натворил этот Сулейман?

— Мне кажется, что это какое-то старое проклятие. Не думаю, что этот Сулейман вообще существует. Во всяком случае, теперь. Это старая война. Сейчас ее ведут совсем не те люди, которые начинали.

— А чего они хотят?

Старик пожал плечами и потянулся за новым ведерком, которое передавал ему следующий человек в очереди.

— Оттоманы, португальцы... — Он махнул рукой в сторону внутреннего двора форта. — Они все хотят одного. Они верят, что эта земля принадлежит им.

— А это так? — спросил я. — Они отсюда родом, эти португальцы?

Старика, казалось, озадачил мой вопрос, потом он рассмеялся и взял стоявшее у моих ног пустое ведерко, заменив его полным.

— Отсюда? Нет, малыш. Мы по-прежнему в Индии.

— А как далеко это от дома?

Хоть я и понимал, что это невозможно, мысль о том, что отец ищет меня и может отыскать здесь,

никак не шла из головы. Старик прекратил работать, помрачнел и строго посмотрел на меня.

— Забудь о доме. Ты его больше никогда не увидишь, понял? Забудь о доме, — и добавил, отворачиваясь: — Забудь все, что помнишь о нем.

В стену ударило ядро, осыпав нас пылью. Старик отряхнулся.

— Думаю, и те и другие верят, что им принадлежит вообще вся земля, — произнес он.

Я научился спать даже под пушечным огнем. Рабы работали от восхода солнца и до глубокой ночи, и терять редкие часы отдыха было нельзя. При любой возможности я старался получить работу на стене, чтобы можно было рассмотреть вражескую армию. Одежда, которую носили под доспехами португальцы, была в основном серая или темно-красная, а оттоманы были наряжены в более яркие синие, зеленые и желтые цвета. Они выделялись на сером фоне местности, словно хотели, чтобы мы видели их и всегда знали, где они.

Я наблюдал, как их построения сходятся и расходятся, как и когда приходят в движение. За время обучения я научился читать действия людей и предугадывать, как они собираются поступить, а теперь попробовал применить эти знания к целым боевым построениям.

Некоторые начали болеть. По ночам можно было слышать, как они стонут и бормочут в темноте слова, похожие на молитву. Утром их, безуспешно

пытавшихся доползти от отхожего места до палатки, находили лежащими на земле в мокрой от росы одежде.

Если они были еще живы, их относили в помещение под крепостью и держали подальше от остальных. Если ночью они умирали, тела сжигали, и наша работа состояла в том, чтобы отнести закоченевшие, воняющие тела в сторону, сложить их в кучу и поднести огонь.

Вокруг кострищ мы рыли глубокие канавы и заполняли их водой, чтобы пламя не перекинулось дальше. Оставляли только узкую полоску земли, которой как раз хватало, чтобы дотащить до окруженного рвом кострища очередное тело. Белые с отвращением отворачивались от нас, не желая видеть, как с их боевыми товарищами обращаются подобным образом. Потом они обливали нас водой из ведер и приказывали мыться, но все равно не приближались к нам. Со стены мне были видны костры в лагере противника, и по цвету дыма и запаху, который доносил ветер, я понимал, что они страдают от той же болезни.

— Кто победит? — спросил я однажды у старика.

Мы сожгли еще шесть трупов и теперь засыпали землей тлеющие угольки и останки.

— Тебе-то какая разница? — ответил он и вернулся к работе.

Но вскоре он остановился, оперся на лопату и посмотрел на меня.

— Не хотел быть с тобой грубым, но ты еще ребенок, а тебе нельзя им оставаться. Только не здесь. Ты принадлежишь этим людям, как и я. Для них мы значим меньше, чем та земля, которую сейчас перекидываем лопатами. Если хочешь выжить, не задавай вопросов. Делай, что тебе говорят, и надейся, что тебя не заметят.

Он снова принялся махать лопатой, и я последовал его примеру.

Война превратилась в ежедневные мытарства, многочасовое оупляющее однообразие, и именно поэтому штурм застал нас врасплох.

Я как раз проснулся и оделся. Солнце еще не поднялось над горизонтом, хотя первые лучи уже окрасили небо из черного в бледно-фиолетовый. Поблизости я услышал резко оборвавшийся крик. Одни бросились к источнику крика, другие — прочь от него. Я присоединился к первой группе и увидел с дюжину людей в ярких халатах и толстых на вид кольчугах.

За ночь ядра пробили стену, и теперь оттоманы хлынули в брешь. Лошадь, одетая в кольчужный доспех, перемахнула через груды обломков, за ней — другая. Всадники погнали скакунов на кучку черных рабов и португальских солдат, сея хаос и давая возможность своим солдатам подтянуть новые силы.

Старик прибежал туда раньше меня, и я увидел, как он пытается оттащить в сторону одного из раненых рабов. Я шагнул к нему, потом остановился

и пригнулся, услышав ружейный выстрел. На расстоянии меньше двух вытянутых рук от меня упал убитый португальский солдат.

Щелкнуло еще несколько выстрелов, потом оттоманы забросили ружья за спину. Из тех немногих тренировок, на которых приходилось иметь дело с таким огнестрельным оружием, я понял, что они не успеют перезарядить аркебузы, прежде чем португальцы пойдут в атаку. Один из оттоманов обнажил саблю и двинулся на старика. Я перевернул убитого португальского солдата и взял его копье и шпагу. Не раздумывая, я метнул копье. Оно ударило оттомана в плечо и отскочило от доспеха, не причинив ни малейшего вреда, но привлекло внимание ко мне. Оттоман развернулся и бросился на меня вместе с парой товарищей. Мы со стариком встретились взглядами, но лишь на мгновение. Он продолжил оттаскивать раненого раба в безопасное место.

Крепость превратилась во всполошенный муравейник. Белые бросались в бой со звериными криками, пока остальные позади них строились с ружьями в руках. Вскоре воздух наполнился дымом и запахом порохового дыма.

На мгновение, казалось, все вокруг замерло. Я видел лица солдат с обеих сторон, искаженные злобой и ненавистью. Все признаки разума покинули их, и теперь они бросались друг на друга с кровожадностью, какой я прежде никогда не видел. Ошеломленный и напуганный, я подумал

о бегстве, но не успел развернуться, как первый оттоман уже оказался рядом.

Тот оттоман, в которого я бросил копье, был так близко, что я услышал его выдох. Длинная изогнутая сабля, отразив первый проблеск утреннего солнца, устремилась ко мне. Я припал на колено и почувствовал, как клинок просвистел над головой. В руке у меня все еще была шпага португальца, и я ударил противника ее рукоятью в колено. Тот осел и повалился на спину, но его место тут же заняли двое других.

Второй противник взмахнул саблей, и я вскинул шпагу, чтобы отбить удар, но он был слишком силен, и мне удалось лишь отклонить вражеский клинок в сторону. Я ощутил удар холодного металла по плечу и почувствовал, как заструилась кровь. Боли еще не было, но я все равно вскрикнул.

Вскочив на ноги, я отбил выпад третьего оттомана, новый удар второго, но тут клинок коснулся моего правого бедра чуть выше колена.

При виде крови, текущей по левой руке и по правой ноге, я испугался. Я был силен, но силен для мальчика. А против меня были мужчины, вооруженные и опытные, и я понял, что никакое обучение здесь не поможет — если я попытаюсь драться с ними, то погибну.

Я развернулся и бросился наутек. Все трое побежали за мной. Перепрыгивая через обломки камня и упавшие крепи, я сумел немного оторваться. Раненое бедро чуть подрагивало от нагрузки.

Тяжелые кольчуги замедляли бег моих преследователей, но было ясно, что рано или поздно они меня догонят. Долго бегать от них не получится.

Успокойся!

Это слово прозвучало где-то внутри меня, и я прислушался. Я представил себе танцующего отца, и все вокруг снова замедлилось. Стараясь как можно лучше контролировать дыхание, я продолжал бежать, но на бегу оглядывал двор крепости в поисках возможностей. Мысленно я представлял себе преследователей — их размеры и вес, их доспехи, их оружие — и пытался отыскать хоть какое-то преимущество.

Их было трое, я был один. Нужно было или заставить их двигаться и разделиться, или найти стесненное пространство, где их численность будет им мешать.

Кострища!

Рвы, которые мы выкопали вокруг них, были слишком широки, чтобы человек мог перепрыгнуть, а полоска земли, оставленная, чтобы таскать по ней трупы, была шириной только в одного человека.

Я быстро добежал до кострищ и занял позицию на останках больных и убитых. Оттоманам ничего не оставалось, как атаковать меня по одному. Первый бросился в бой, словно носорог в рассказах моего отца, и я понимал, что он надеялся оттеснить меня назад, чтобы его товарищи тоже смогли перейти. Кувыркнувшись плечом вперед, я бросился

ему в ноги и опрокинул в канаву с водой. Вскочив, я полоснул шпагой ему по горлу и снова занял место в конце короткого «мостика», по которому ко мне двинулся второй противник.

Шум резни во дворе крепости превратился в какофонию, и я еле расслышал боевой клич противника, хоть он и стоял прямо передо мной. Он взмахнул саблей, и я увернулся, но он сопроводил атаку ударом кулака в лицо. Я почувствовал, как металлическая перчатка с хрустом врезалась в меня. Из сломанного носа пошла кровь, и я опрокинулся навзничь.

Я моргнул и уставился в небо, но времени на то, чтобы прийти в себя, не было, и я вскочил на ноги. Третий оттоман уже начал переходить по полоске земли, и если бы я это позволил, то пришлось бы драться сразу с обоими посреди кострища. Моя жизнь зависела от того, удастся ли удержать их на той стороне, откуда им пришлось бы атаковать меня по одному в узком проходе. Всем весом я отчаянно навалился на них и толкнул второго противника на третьего, заставив обоих потерять равновесие, и третьему пришлось отступить на другую сторону рва, чтобы не упасть в воду.

Я взмахнул шпагой и ударил второго противника по виску. Его шлем лязгнул, и этот звук, похоже, сбил его с толку. Я выбрал место, не прикрытое доспехами, и вонзил шпагу ему в подмышку так глубоко, как только мог. Он остановился, покачнулся

и рухнул, но при этом шпага выскользнула у меня из руки.

Последний воин-оттоман, тот, в которого я попал копьем, не спешил. Он перешагнул через убитого товарища и, приближаясь, внимательно изучал меня. Его кольчуга висела ниже колен и при каждом шаге позвякивала о пластины доспехов, прикрывавших щиколотки.

Я огляделся в поисках хоть какого-нибудь оружия. Схватив лопату, я вцепился в нее обеими руками и выставил перед собой. Оттоман принялся кружить, наблюдая за моими ногами, точно так же, как я научился следить за ногами, руками и глазами других людей.

Порез на бедре начал болеть. Кровь из сломанного носа заливала лицо и грудь. Я дышал ртом и ощущал ее привкус в каждом вдохе. Мы смотрели друг на друга, оценивали друг друга, стоя на костре, полном грязи, пепла и обугленных костей.

Он сказал мне что-то на незнакомом языке, сделал короткий выпад, но только чтобы проверить меня. Потом попробовал снова, но на этот раз взмахнул саблей более агрессивно. Я отбил выпад штыком лопаты, и от удара брызнули оранжево-голубые искры.

Мы продолжали кружить, и я выбрал момент для атаки. Я замахнулся лопатой, притворяясь, что собираюсь ударить его в живот. Он поднял саблю, чтобы отразить удар, а я, чуть провернув руки на черенке лопаты, вогнал ее вместо этого в стык

доспеха между ступней и щиколоткой. Несмотря на доспех, его нога переломилась с громким хрустом. Он закричал, а я продолжил движение вперед по инерции, врезавшись плечом ему в грудь. Он упал, и шлем слетел с головы. Без малейших колебаний я всадил лопату ему в лицо один раз, потом другой, третий.

Я тяжело осел, опираясь на лопату, и начал осматривать свои раны. Чуть позже со злобными криками ко мне подбежал португальский солдат. Оказавшись рядом, он остановился, посмотрел на тела трех убитых оттоманов и уставился на меня, утратив дар речи.

Были и другие сражения. То оттоманы врываются в крепость, то мы выходили встретить их на равнину. Когда мы убивали больше людей, чем теряли сами, белые радовались, прикладывались к глиняным кружкам и кричали в небо. Когда мы теряли больше, чем убивали, они сидели тихо у костра и рычали друг на друга, будто звери.

Я убивал людей, которых не знал, и воевал за дело, которого не понимал, но с брешью в стене и морем за спиной поражение оставалось лишь вопросом времени. Солдаты сняли свой красно-зеленый флаг и заменили его на белый.

— Что это значит? — спросил я у старика.

— Это значит, что все кончено. Этот флаг означает, что они больше не хотят воевать.

Я еще почти не знал португальского языка, но мне не нужно было понимать слова, чтобы увидеть их страх. Он ощущался в выражениях их лиц, в напряженности плеч. Они собрались на стене и с тревогой смотрели, как один из них поехал на лошади к навесам, в тени которых вражеская армия укрывалась от солнца, поила лошадей и жарила мясо на вертелах. Я сидел на стене вместе со стариком и еще несколькими рабами. Мы притаились в углу, подальше от белых солдат.

Белого подвели к креслу под большим навесом. Человек в кресле был одет в тонкие шелка и носил на голове высокую синюю шапку с желтой кисточкой наверху. Они немного поговорили, а потом человек в шапке с кисточкой подошел к костру. Двое солдат схватили белого за руки и заставили встать на колени. Издалека до нас донесся его вопль.

Один из сидевших на стене встал, чтобы уйти. Он сказал что-то остальным. Я узнал слова «корабль» и «утро» и понял, что они собираются уплыть. Некоторые спустились по лестнице следом за ним, но большинство осталось на стене, как и я.

Под навесом на равнине человек в шапке с кисточкой взял в руки щипцы и достал из костра камень размером с кулак. Неторопливым шагом подойдя к белому, оттоман засунул камень ему в рот. Солдаты продолжали держать его, пока тот корчился и бился в их руках, и отпустили только тогда, когда он затих.

Белые, остававшиеся на стене, помолчали, а потом развернулись и спустились вниз по шаткой лестнице.

Наша работа из приготовления к войне превратилась в приготовления к отплытию. Нужно было проверить и собрать припасы, осмотреть корабельные снасти, почистить и погрузить оружие. Никто не спал, кроме торжествующих оттоманов, которых, похоже, устраивал уход португальцев.

— Куда мы отправимся?

Старик помолчал мгновение.

— Идем со мной.

Он отвел меня туда, где вокруг стола сидели командиры белых. Он откашлялся, сложил руки на груди и склонил голову. Произнеся несколько слов на португальском, он указал на меня. Белые посмотрели на меня, но без видимого интереса, и тут же вернулись к своим документам и спискам.

Один из белых склонил голову набок и снова посмотрел на меня. Он вышел из-за стола и жестом подозвал меня поближе. Я узнал того солдата, что нашел меня у кострища в первый день, когда оттоманы пробили брешь. Он что-то предложил остальным, и те согласились, после чего снова вернулись к делам за столом.

Старик взял меня за руку и отвел в сторону.

— Ты поедешь с ними, — сказал он.

— А вы?

— Я, скорее всего, останусь здесь. Они возьмут с собой лишь немногих.

Мы молча прошли несколько шагов.

— Что будет лучше: уплыть или остаться?

— Для меня — остаться, — ответил он. — Но я уже старей. А ты — молодой и сильный. Для тебя? Не знаю. Но надеюсь, что тебе будет лучше уплыть. Ты ценен. Возможно, с тобой будут хорошо обходиться.

Старик подождал ответа, но я промолчал.

— Что такое? — резко спросил он. — Почему ты сомневаешься? Что держит тебя здесь?

— Отец... — я откашлялся. — Отец будет искать меня.

— Здесь он тебя не найдет.

Я склонил голову, понимая, что он прав, но не желая это принять.

— Он не перестанет.

Старик вздохнул и положил ладони на мои виски, заставляя меня посмотреть на него.

— Да, он не перестанет. Ты — его сын. Он будет останавливать любого мальчика твоего роста и возраста в надежде, что увидит твое лицо, когда тот обернется. Но этого не случится. Твой отец никогда не оставит надежду, но ты должен.

Он отпустил меня и ушел, прежде чем я успел что-нибудь сказать. Глядя, как он уходит, я понимал, что больше никогда не увижу старика. Но я пока не мог отказаться от надежды увидеть отца.

Глава 15

Армии Тоётоми и Акэти выступили на запад, к владениям Мори, на следующий день.

Утром стражники растолкали меня. Обычно я вставал до рассвета, но сейчас, когда они вдвоем будили меня, солнце уже стояло высоко в дверном проеме за их спинами. Турнир продолжался недолго — я сразился с десятью соперниками, после чего покинул помост под бурные аплодисменты всех шести этажей замка, включая самого Нобунагу. Но потом возле дома стражи собралась небольшая компания солдат с sake и несколькими бутылками заморского вина. Я никогда не был склонен к выпивке, но что-то в лицах этих людей подсказывало мне, что им нужно отвлечься. Некоторым из них на следующий день предстояло отправиться на войну, и они были еще не совсем готовы закончить последний день мирной жизни.

С ворчанием я потянулся за штанами и рубашкой, но вспомнил, что их выбросили. Теперь я мог выбирать из четырех тщательно подогнанных кимоно, двух пар коротких широких штанов и трех

тонких рубашек. Умывшись водой из пруда, я быстро оделся.

Снова я спускался по длинной горной дороге навстречу в составе небольшой компании. За верхними воротами, чуть ниже плоской вершины горы, располагались небольшие резиденции наложниц Нобунаги и нескольких высокопоставленных слуг — тех, кого он мог вызвать к себе в любой момент. Следующий уровень, отделенный несколькими поворотами дороги, был разделен на более обширные участки, на которых построили собственные дома Токугава, Тоётоми и Акэти. Дальше вниз по склону стояли дома других важных слуг и самураев без различия чинов, и, наконец, у самого подножья горы жили крестьяне и простые горожане.

В долине за городскими стенами под трепещущими флагами выстроились армии Тоётоми и Акэти. Колонны конницы на лоснящихся лошадях и бесчисленные пешие воины. Они были облачены в доспехи всевозможных цветов, но преобладали синие, красные, желтые и черные. Вооружены они тоже были разнообразно — мечи и луки, португальские аркебузы, а еще яри — деревянные шесты с грозными острыми лезвиями на конце — и нагинаты, похожие на них, но с более длинным и изогнутым клинком. У каждого была бамбуковая фляжка, сумка с едой, циновка для сна, а на поясах были подвешены катушки с тетивой на случай, если понадобится заново натянуть лук.

Впереди кавалерии восседали верхом самураи, отличавшиеся от остальных двумя мечами и хоро — накидками с эмблемой клана, прикрепленными сзади к доспехам и развевавшимися на скаку. Если такому самураю удастся победить вражеского сановника, самурая или другого важного противника, он мог завернуть в хоро голову павшего врага, чтобы сохранить ее, пока не представится возможность отправить ее в лагерь.

Брат Органтино рассказывал мне о церемонии осмотра голов. Головы обмывали, перевязывали и выставляли традиционным образом, иногда сопровождая деревянной табличкой с указанием, кто это был и кто его убил. Победоносный владыка или полководец одевался в парадные одежды, осматривал каждую голову, обращался к самым важным из них с каким-нибудь последним посланием или даже подносил напиток, нередко при этом прикрывая лицо веером, чтобы духи убитых не могли опознать его и отомстить. Самураи, срубившие головы, получали подарки и награды в зависимости от важности сраженного противника. Иезуиты осуждали подобные поступки как безбожное варварство, когда их совершали некоторые африканские племена, но когда речь шла о японцах, Валиньяно просто называл это «обычаями их предков», хоть и не без отвращения.

Собравшиеся самураи носили металлические шлемы с испещренными металлическими заклепками кожаными щитками по бокам и сзади,

подвязанные под подбородком тонкими красными шнурками. Шлемы были искусно отделаны и украшены кроличьими или лисьими ушами, павлиньими перьями, панцирями омаров, оленьими рогами, полумесяцами и фамильными гербами.

Флаги крепились позади седел или были в руках у знаменосцев. Черно-золотая айва клана Ода. Лист адамова дерева у воинов Тоётоми. Люди Акэти шагали под пятью лепестками японского колокольчика на небесно-голубом фоне. Тоётоми ехал во главе своего войска — передняя часть его шлема была украшена длинными золотыми шипами, символизовавшими восходящее солнце, Акэти же был в простом коричневом шлеме.

Обошлись без церемоний. Полководцы выкрикнули команды, и армии двинулись по дороге на запад. Крестьяне, солдаты, стража и слуги смотрели им вслед, пока те не скрылись из виду, а потом вернулись к своим делам.

Вечером я гулял по замку. Рассказы о трех покушениях заставили меня собраться, и я вернулся к прежним привычкам. Дворы освещались фонарями, висевшими на краях крыш, но я считал шаги, чтобы при необходимости уметь сориентироваться и в темноте. От дома стражников до ворот. От ворот до ступеней замка. От ступеней замка до храма и от храма до новой иезуитской церкви, строительство которой началось совсем недавно. Согласие на

постройку наверняка было получено после того, как меня подарили Оде Нобунаге.

До меня редко доходили сведения о том, чем занимается Валиньяно, но я знал его планы. Он собирался ездить по всей Японии, укрепляя иезуитские общины там, где они существовали, и устраивая новые там, где их не было, оставаясь на месте ровно столько времени, сколько нужно, чтобы разглядеть недостатки, оценить возможности и оставить распоряжения.

На обратном пути к дому стражников, проходя мимо ступеней замка, я заметил, что из замка вышла Томико и направилась к передним воротам. Если бы сейчас сменялись слуги, то вышли бы сразу несколько человек. Было странно увидеть ее одну. Она шла быстро, оглядываясь через плечо.

Я хотел уже было окликнуть ее, но почувствовал, что рядом кто-то есть. Из-за дома стражников выскользнула тень. Тучный человек, но движения изящные, выверенные. Движения Токугавы Иэясу, бдительного и закаленного в боях полководца, которому Нобунага доверял больше остальных.

Я позволил Томико уйти, глядя, как она выходит за ворота и начинает долгий спуск по темной дороге к городу.

Подойдя к Токугаве, я поклонился.

— Чем обязан такой честью?

Он вышел на свет, и я смог разглядеть его лицо. Красные глаза с тяжелыми веками, влажные и слезящиеся, точно у старого пса.

— Я пришел поздравить тебя с успешным поединком прошлым вечером. Или лучше сказать «поединками»? Идем.

Токугава развернулся, не дожидаясь ответа, и я последовал за ним, шагая чуть позади. Он жестом приказал мне поравняться с ним.

— В церемониях нет нужды. Скажи, откуда ты идешь?

— Ниоткуда. Я просто ходил вокруг, осматривался.

Токугава одобрительно кивнул.

— У отца Валиньяно я был телохранителем, — осторожно продолжил я. — Мне хотелось бы выполнять какие-нибудь обязанности и здесь, пусть хотя бы самые незначительные. Я благодарен нашему господину за щедрость, но не привык к праздности.

— Не стоит извиняться за честолюбие. Здесь оно вознаграждается при условии, что твое честолюбие согласуется с устремлениями господина Нобунаги. Скажи, что ты знаешь обо мне?

Я задумался, вспоминая краткое описание брата Органтино и решая, что из этого можно будет рассказать без опаски.

— О вас говорили как о человеке верном и терпеливом, — неуверенно начал я. — Мне

рассказывали, что вы защищали замок Хамамацу всего с пятью воинами.

Токугава хмыкнул.

— У меня было всего пять человек, потому что Такэда Сингэн разгромил наше войско при Микатагахаре. У Такэды было втрое больше людей, чем у нас, но он не вышел со мной на бой. Они шли в земли Ода, чтобы сразиться с Нобунагой. Конница Такэды в то время была одной из самых грозных сил в стране. Мои полководцы все до единого уговаривали меня просто пропустить их через наши земли.

— И почему вы этого не сделали?

— Я не мог просто стоять в стороне и смотреть, как он наступает на земли Оды.

— Вы уже тогда были ему верны.

— Я всегда верен ему, — категорично заявил он.

Остановившись, он повернулся ко мне. Я почтительно склонил голову, но чувствовал, как он пристально смотрит на меня. Спустя секунду он отвернулся и пошел дальше.

— Ребенком меня отдали в заложники в клан Имагава. Отцу нужна была их помощь для защиты провинции Микава от захватчиков, а такие сделки по обычаю скрепляют тем, что отправляют члена семьи жить в доме другого клана. Любая измена или предательство со стороны моего отца, что угодно, кроме верности клану Имагава, грозило мне смертью.

— Вы были рабом! — удивленно воскликнул я.

— Я оставался человеком благородного происхождения. Меня растили точно так же, как знатных детей Имагава. Но как бы хорошо к тебе ни относились, ты не можешь забыть о том, что ты — не человек. Ты — всего лишь вещь, имеющая определенную цену, ничем не отличающаяся от вазы или хорошей лошади. Думаю, ты это и сам понимаешь.

Я понимал. Этот урок мне преподавали не один раз, и забывать о нем не следовало. Сколько бы лет я ни служил отцу Валиньяно и церкви, сколь бы я ни был верен и умел, даже несмотря на хорошее обращение, красивую одежду, обучение и отдельные вольности, в конце концов все равно оставался товаром. Я оставался собственностью.

— Поэтому я здесь? — спросил я.

Токугава заложил руки за спину и молча шел дальше. Он остановился, когда мы подошли к недавно заложенному зданию. Пока это была всего лишь канава, вырытая по периметру и заваленная большими камнями.

— На этом месте будет построена новая христианская церковь. Твой священник выторговал это обещание в обмен на тебя.

— Знаю, — тихо ответил я.

Я опустился на колени возле канавы и коснулся ладонью одного из камней, которые должны были послужить фундаментом для новой церкви отца Валиньяно. Я знал, о чем думал Валиньяно, понимал его единственную страсть. Одна жизнь ничего не значила для него в сравнении с теми душами,

которые он собирался спасти. Он строил церкви во славу Божью, произносил проповеди во славу Божью, крестил новообращенных во славу Божью, и хотя я знал его достаточно давно и хорошо, чтобы понимать искренность его веры, я также не мог не осознавать, какую славу все это несет ему лично.

Токугава положил руку мне на плечо.

— Ты здесь не из-за сделки с иезуитами. Ты здесь, потому что господин Нобунага захотел, чтобы ты был здесь. Это — всего лишь цена.

— Я не понимаю.

— Ты знаешь, как возвысился Нобунага?

Я покачал головой и, сняв ладонь с камня, поднялся на ноги.

— Клан Имагава собирался пойти маршем на Киото. Имагава могли доказать происхождение от кланов Минамото и Асикага, а это означало, что Имагава Ёсимото, если бы поход на Киото увенчался успехом, мог претендовать на титул сёгуна.

— А Нобунага не мог. И поэтому он мог только свергнуть сёгуна, но не получить этот титул. — И едва не добавил: «И поэтому ему нужен император», но решил, что это будет недальновидно.

Токугава кивнул и продолжил.

— Дорога на Киото шла через Овари, родную провинцию Нобунаги. Имагава не враждовали с кланом Ода, он просто оказался у них на пути. Провинция Овари невелика, и Ода считались мелким кланом. Не думаю, что Имагава ожидал встретить здесь серьезное сопротивление,

и действительно — его армия прошла через южную часть Овари очень легко. До такой степени, что на ночь он разбил лагерь в долине Окэхазама. Свой начальный успех он отметил церемонией осмотра голов. Нобунага был в это время на севере, в замке Гифу. С ним было две тысячи человек, против двадцати четырех тысяч Имагавы. Его военачальники советовали укрепить замок, послать за помощью и постараться выдержать осаду, пока не подойдет помощь. Это и в самом деле был бы более мудрый выбор. Но наш господин всегда доверял своему чутью. Он выступил на врага, превосходившего его численностью в двенадцать раз. Под прикрытием бури они подобрались к самому краю долины незамеченными. Они налетели сверху на неподготовленные к бою силы Имагавы и перебили их. Уцелевшие разбежались и вернулись домой. Поход клана Имагава закончился. Ёсимото погиб, а вся Япония заговорила об Овари и об Оде Нобунаге. А я получил свободу.

— Поэтому вы верны ему.

— Да. И нет. Нобунага позволил мне вернуться в Микаву, где я в конце концов стал править вместо отца. Я был заложником, а он сделал меня даймё. Восхождение Тоётоми было еще более невероятным — он родился крестьянином. У него даже фамилии не было. На службу к Нобунаге он поступил носильщиком сандалий, но с каждой новой задачей и новой ответственностью он доказывал свои способности. Теперь он — один из лучших

военачальников клана Ода. Я веду к тому, Ясукэ, что Нобунага чтит традиции, но не связан ими. На службе Нобунаги человека не ограничивает его происхождение или его имя. На службе Нобунаги человек может быть кем угодно, если докажет свои способности. Поэтому я верен ему. Возможно, со временем и ты найдешь в этом разумное зерно.

Токугава слегка кивнул мне и ушел, оставив меня возле фундамента церкви.

Глава 16

Утром привезли пленника из провинции Ига. Меня разбудили крики и топот подков. За всадниками и пленным следовала небольшая процессия солдат и любопытствующих горожан, создавая неизбежный для такой толпы приглушенный гул шепотков.

Это был третий убийца из Иги — тот, что пытался отравить Нобунагу. Небольшой отряд солдат втащил его, связанного и с залитым кровью лицом, в ворота. Убийца был в свободных черных штанах, но без рубашки и босой — судя по багровым шрамам на стопах, обуви он лишился уже довольно давно.

Один из солдат вошел в замок, но тут же вернулся и, вприпрыжку спускаясь по лестнице, начал выкрикивать распоряжения.

Остальные солдаты потащили пленного во дворик у восточной стены замка, и двое рабочих начали копать. Не прошло и часа, как они вырыли яму глубиной почти в человеческий рост. К тому времени вокруг солдат и пленника собралась толпа в несколько сот человек, но все старались держаться на почтительном расстоянии. Пленный не

дрогнул, когда солдаты спихнули его в яму и закопали по горло.

После этого рабочие и солдаты отошли в сторону. Толпа расступилась, и вышел Нобунага в сопровождении Ранмару. Огура и Дзингоро следовали чуть позади. Нобунага был одет в простое черное кимоно. Остальные тоже выбрали однотонную одежду без мудреных узоров или украшений, свойственных более официальным нарядам.

Нобунага подошел к пленнику так, чтобы тот его видел. Я отметил про себя, что, как и отец Валиньяно, Нобунага, похоже, продумывал все до мелочей. Он остановился перед пленным, скользнул по нему взглядом и обратился к толпе.

— Говорили, в провинции Ига живут колдуны. Что они появляются и исчезают, будто призраки, что умеют превращаться в зверей, задерживать дыхание на несколько дней и управлять разумом других. Говорят, что убийцы из Ига никогда не промахиваются, но вот уже трижды они подсылали своих людей, а я все еще жив. Говорили, что провинция Ига никогда не падет, но наши гонцы несут известия, что Ига уже пала. Дальше очередь Такэда, потом — Мори. Скоро вся Япония будет объединена под знаменем клана Ода, и все наши враги оросят своей кровью земли Ода.

Толпа радостно загудела, в восторге вскидывая вверх руки. Нобунага снова обернулся к пленнику, и Ранмару вытянул руки вперед, подавая ему

длинный тонкий кусок стебля бамбука. Пленник по-прежнему старался казаться спокойным, но было видно, как тяжело он дышит, хватая ртом воздух под тяжестью земли, сдавившей его грудь.

Нобунага взял у Ранмару бамбуковый стебель. Не проронив ни звука, он воткнул заостренный стебель в лоб пленника. По лицу несчастного на землю заструилась кровь. Нобунага продолжал заталкивать бамбук под волосы пленника, пока стебель не вышел с другой стороны. Убийца закричал, силясь выбраться из ямы. Нобунага снял тонкий слой кожи вместе с волосами и положил его перед пленным.

Я всю жизнь прожил среди солдат, и мне доводилось видеть, как людей подвергали более жестоким пыткам и за меньшие преступления, и наказание, выбранное Нобунагой, показалось мне вполне справедливым для военного времени.

Я окинул взглядом толпу, чтобы увидеть ее реакцию. Кто-то улыбался, кто-то выглядел потрясенным, некоторые отворачивались. Но большая часть толпы оставалась безучастной, безразличной. Я вспомнил уроки Валиньяно. Война здесь идет уже больше ста лет. Никто из стоявших здесь мужчин и женщин не прожил ни единого дня в мире. Эти люди привыкли к ужасам.

Нобунага окровавленными руками бросил бамбуковый стебель на землю, и толпа вновь расступилась. Небольшая свита вернулась в замок. Ед-

ва они поднялись по ступеням, толпа рассеялась, оставив кричащего от боли убийцу во дворе в полном одиночестве.

Позднее в тот же день меня вызвали в замок на чаепитие. Ранмару провел меня в чайную комнату — помещение в семь татами на четвертом этаже. Он торопливо, но обстоятельно рассказал мне об обычаях, но я уже успел ознакомиться с ними по рассказам отца Валиньяно за время долгого путешествия.

Чайная комната была одним из немногих помещений замка, которые не были расписаны. Вместо этого она была полностью покрыта позолотой, сверкавшей в лучах солнца, освещавшего стены. Нобунага уже ожидал меня внутри. Он был одет в простой халат, поверх которого была накинута куртка без рукавов с широкими, сильно накрахмаленными плечами. На груди куртки красовалась небольшая эмблема клана Ода. Еще одна была крупно нарисована на спине.

Я опустился на колени на плетеную циновку татами напротив него, и те же руки, которые всего несколько часов назад содрали кожу с головы человека, теперь протирали орудия чайной церемонии шелковой тряпичей, торжественно очищая их. Протерев один предмет, он резким движением расправлял ткань, снова аккуратно складывал ее и брался за следующий. Потом он отложил тряпицу в сторону и зачерпнул ковшиком воды из котелка, стоявшего на раскаленных камнях. Налив

горячую воду в чашку, он дважды окунул в нее метелочку, аккуратно взболтал, и вылил воду во второй котелок, стоявший по левую руку.

Засыпав в промытую чашку немного молотых чайных листьев, он залил порошок горячей водой и перемешал чай метелочкой быстрыми круговыми движениями. Следуя обычаю, мы оба молчали. Со двора доносилось пение птиц и случайные обрывки разговоров, но внутри замка стояла тишина. Я восхищался движениями рук Нобунаги, их изяществом, их выверенностью. Даже простейшие движения совершались в точности как предписано, но, несмотря на изящество, эти руки были покрыты порезами от учебных боев и мозолями от долгих часов упражнений с мечом или копьем, от бесконечного натягивания тетивы лука. Его руки воплощали в себе контраст между поразительной жестокостью и воодушевляющим артистизмом, который я отмечал во всех культурах, но здесь он был выражен сильнее всего.

Он продолжал мешать, пока чай не покрылся пеной, потом сбил пену метелочкой. Отставив чай в сторону, он передал мне тарелочку с единственной сладостью. Она была в форме цветка, розового с желтой тычинкой. Отрезав треть, я положил ее в рот. «Цветок» оказался приторно сладким, но так и должно было быть, ведь он должен был уравновесить горечь чая. Оставшуюся часть угощения я разрезал пополам и съел оба кусочка, после чего отставил тарелку в сторону.

Нобунага поднял чай правой рукой, поставил на ладонь левой и дважды повернул чашку. Мы поклонились друг другу, я принял чашку из его рук и ответил на оказанное уважение двумя поворотами чашки. Выпив горький чай тремя глотками, я обтер край чашки, чем завершил церемониал.

— Прошу прощения за краткость церемонии. Я еще только учусь ее проводить. Императорский мастер чайной церемонии, Сэн-но Рикю, иногда проводит ее по несколько часов в полном молчании, и все его гости уходят просветленными.

— В извинениях нет необходимости, мой господин. Вы оказали мне честь этой церемонией.

— А ты оказываешь мне честь своей службой.

— Простите, господин, но я пока не оказал никаких услуг.

— Ты развлек людей. Все присутствующие были рады видеть, как ты борешься, и, насколько я знаю, дети тоже с удивлением наблюдают за твоими тренировками.

Нобунага рассмеялся, а я устоял на собственных руках, не зная, что и ответить.

— Хм... — вздохнул он. — Да, я беседовал с Токугавой. Он рассказал мне, что ты считаешь себя здесь бесполезным. Почему ты так рвешься служить?

Упоминание имени Токугавы дало мне понять, что ни один разговор в Адзути не проходит мимо ушей Нобунаги и что встреча с Токугавой вчера вечером, скорее всего, была неслучайной. Я ответил

не сразу. Не обладая даром Валиньяно всегда знать, что нужно сказать, я решил говорить правду.

— Сколько я себя помню, мое выживание зависело от умения показать свою ценность.

— Каждый человек имеет ценность.

— Не у каждого человека есть хозяин, которому он должен доказывать свою ценность.

Нобунага обдумал мои слова. Он чуть откинулся назад, пока слуги, вошедшие в комнату, осторожно собирали стоявшие между нами котелок и жаровню. Потом они, пятась назад и держа подносы на вытянутых руках, с поклонами вышли.

— Некоторые вассалы шепчут за моей спиной, что я предпочитаю обычаи европейцев обычаям собственного народа, но это не так. Я ценю нашу историю и традиции точно так же, как и остальные, но готов принимать любые полезные новшества, откуда бы они ни пришли.

— Я не слышал таких шепотов, мой господин.

Нобунага запрокинул голову и громко рассмеялся.

— Я сказал, что они шепчут. Но не говорил, что они делают это неосторожно.

Он погладил свою короткую треугольную бородку.

— Ты хорошо перенимаешь наши обычаи.

— Отец Валиньяно считал, что нам очень важно понимать японцев. Все участники нашего посольства проходили обучение на корабле и до отплытия.

— Ты хорошо учился. И все же я расскажу тебе историю, которую ты можешь не знать. Ты слышал когда-нибудь о битве между Такэмикадзуги и Такэминакатой?

Я не слышал. Нобунага выпрямился и сложил руки на коленях. Я понемногу учился сидеть так же, но вывернутые щиколотки, на которые я опирался, уже начинали зудеть от долгой неподвижности.

— Однажды произошла война между богами небесными и богами земными. Земные боги расплодились и распустились, утратив всякое уважение к небесным собратьям. Небесные боги смотрели на это сквозь пальцы и мало беспокоились о том, что творится на земле. Но однажды Окунинуси, вождь земных богов, провозгласил себя властелином всей земли. Это разозлило небесную богиню Аматэрасу, потому что по традиции вся земля принадлежала ей. Аматэрасу приказала одному из своих сыновей спуститься на землю и восстановить порядок, но сын ее посмотрел на землю и побоялся один выступить против земных богов. Аматэрасу вызвала другого сына и послала его на землю, но этот сын отыскал Окунинуси и перешел на его сторону. Она призвала третьего небесного бога по имени Амэ но Вакахико, вооружила его волшебным луком и отправила на землю восстановить ее власть. Но шли годы, а от Амэ но Вакахико не было никаких вестей. Аматэрасу отправила на землю фазана, чтобы добыть известия

о нем, но фазана пронзила стрела. Стрела долетела до небес и упала к ногам Ааматэрасу. Другой бог поднял стрелу, узнал в ней оружие Амэ но Вакахико и сказал: «Если он изменил, то пусть эта стрела сразит его». На земле Амэ но Вакахико встретил женщину, полюбил ее и женился, но стрела с небес, его собственная стрела, настигла и сразила его. Теперь Ааматэрасу взъярилась. Уже многие годы Окунинуси правил ее землей, сумев обратиться против нее собственных детей. Она призвала последнего бога, яростного бога-воина по имени Такэмикадзути. Он отправился на землю, разыскал Окунинуси и потребовал, чтобы тот вернул землю. Потом Такэмикадзути воткнул меч в землю рукояткой вниз и уселся, скрестив ноги, на кончике клинка. Окунинуси затрепетал при виде сурового бога, но попросил дозволения посоветоваться с сыном. Теперь пришла пора Окунинуси найти себе заступника. Его старший сын, лишь увидав Такэмикадзути, устрасился настолько, что тут же произнес чары, сделавшие его невидимым. Такэмикадзути снова потребовал вернуть землю, но Окунинуси попросил разрешения посоветоваться с другим сыном. Второй сын, Такэминаката, оказался бесстрашнее первого. Он посмотрел на Такэмикадзути, сидевшего на мече, и, взяв огромный камень, поставил его на кончик пальца. Он потребовал от бога-воина, чтобы тот покинул землю и чтобы Ааматэрасу больше не присылала своих сыновей, но Такэмикадзути отказался. Земной Такэминаката

попытался сбросить небесного Такэмикадзути с меча и схватил его за руку, но Такэмикадзути обратил свою руку в лед, заставив Такэминакату отпустить его. Такэминаката схватил его за другую руку, но Такэмикадзути обратил эту руку в меч, снова заставив его разжать пальцы. Тогда Такэмикадзути схватил Такэминакату за запястье и легко сломал руку земному богу. Земной бог Такэминаката бежал, но небесный бог Такэмикадзути последовал за ним до озера Сува. Такэминаката сдался и поклялся никогда больше не покидать озера, если ему сохранят жизнь. После этого Окунинуси возвратил власть над землей Аматаэрасу. Она послала на землю правителем одного из своих внуков, Ниниги. Чтобы помочь ему в правлении, она вручила ему три дара: драгоценный камень Ясакани, зеркало Ята и Кусанаги — великий меч, который ее брат Сусаноо достал из хвоста чудовища. Император может проследить свой род до Ниниги, а значит, и до Аматаэрасу, и по-прежнему владеет этими тремя предметами. Они доказывают его божественное происхождение.

Щиколотки подо мной болезненно пульсировали, но я продолжал сосредоточенно слушать, понимая, что Нобунага не стал бы рассказывать все это просто так.

— Так появилась Япония?

— Да, так появилась Японская империя. Но еще так появилось сумо. Поединок между Такэмикадзути и Такэминакатой за то, будут ли люди

находиться под властью земли или неба, положил начало традиции сумо. Каждый поединок в сумо — это битва за душу. Глядя на твое выступление, наверное, многие решили, что сам Такэмикадзутси снова сошел к нам.

Нобунага широко улыбнулся, и я поклонился ему, согнувшись до пола.

— Я не бог, мой господин. Я — ваш слуга.

Я поднял голову, и Нобунага задумчиво посмотрел на меня. От улыбки не осталось и следа.

— Тебе неудобно, что я говорю о синтоистских богах? Ты веришь в то, чему учит этот твой отец Валиньяно?

— Я верю в то, во что мне приказано верить.

Лицо Нобунаги помрачнело. Похоже, ответ его разозлил.

— У меня здесь сто тысяч человек, которых я могу позвать в эту комнату, и они встанут передо мной на колени и скажут то же самое. Я позвал тебя сюда, потому что чувствую, что ты — не такой, как они. Говори прямо. И сядь как тебе удобно.

Я облегченно выдохнул и наклонился вперед, опершись на одно колено и высвобождая затекшие щиколотки. Нобунага рассмеялся, но без снисходительности.

— Со временем привыкнешь, — сказал он. — Скажи... Ты был сегодня во дворе. Как ты считаешь, жестоко ли пытаться человека?

Потирая щиколотки, я задумался над вопросом. Требование Нобунаги говорить прямо прозвучало

искренне, я не заметил никакого подвоха. Я понял, что он начинает мне нравиться, и мысленно предупредил себя, что был для него всего лишь очередным заморским подарком, которые он так ценил. Тем не менее я прибыл сюда, чтобы служить. Если ему хочется, чтобы я говорил откровенно, так я и поступлю.

— Когда меня впервые увезли с родины, то продали наемнику. Он учил нас сражаться. Я убивал других мальчишек за горстку еды, видел куда более жуткие вещи. Я никогда не задумывался, хорошо это или плохо, потому что старался выжить.

Я отогнал воспоминание о мальчишке-динка, корчившемся с кровавой пеной на губах под моим копьём. Отогнал воспоминание о стоявшем рядом мальчишке, которого убил после пыток просто за то, что он стоял слишком близко. Было не совсем верно говорить, что я не задумывался о том, хорошо это или плохо. Просто в тот момент я поставил необходимость выше этих соображений.

— А сейчас?

Я вытянул ноги и взглянул на Нобунагу, потом опустил взгляд на его ноги.

— Когда я вырос и хорошо показал себя на войне, то начал мечтать о мести. Я лежал ночами, пытаясь вспомнить лица тех, кто пришел в мою деревню и убил моих родных, но тогда их лица были мне настолько чужды, что я не смог бы узнать их. Я понял, что они могут быть кем угодно и где угодно. Я мог встретить их на рынке или в конюшнях. Они

даже могли сражаться бок о бок со мной, и я бы не смог с уверенностью сказать, что это они. Я начал видеть их повсюду, убежденный в том, что любой встречный белый был одним из тех работорговцев, что напали на нас. Это постоянно поддерживало во мне ярость. Вы спрашиваете, что я думаю об учении иезуитов? Я думаю, что в нем содержится много хороших уроков, но всепрощение, которое они проповедуют, всегда казалось мне ошибкой. Некоторые вещи можно прощать, но есть и такие, которые прощать невозможно и нельзя. Если бы мне однажды удалось отыскать тех людей, если бы я мог сделать с ними то, что вы сегодня сделали с несостоявшимся убийцей... Я бы поступил точно так же, а может быть, и более сурово. И не считал бы это жестокостью.

Нобунага, поглаживая подбородок, задумчиво посмотрел на меня.

— Значит, ты считаешь, что жестокость оправдана, если совершается из мести?

— Учение иезуитов позволило мне по-иному взглянуть на многие вещи, но выживание для меня по-прежнему самое важное. Думаю, если человек собирается править, он должен обладать способностью и к жестокости, и к милосердию. Суждение о таких вещах — удел тех, кому никогда не придется задумываться об их необходимости.

— А как такому человеку решать, когда быть жестоким, а когда — милосердным?

— Ваш вопрос подразумевает, что жестокость — это действие. Я считаю, что это не так. Действие само по себе не может быть жестоким или нет. Жестоким оно становится, если приносит удовольствие.

— Это отец Валиньяно тебя научил?

— Ему не пришлось, мой господин.

Нобунага молча склонил голову набок. Его ладони, прежде неподвижные, раскрылись и сошлись домиком.

— Полагаю, тебе пришлось повидать много такого.

— Мой народ... — начал я и умолк.

— Продолжай... — произнес Нобунага, сопроводив слово жестом, и стал терпеливо ждать.

Я окунулся в старые воспоминания, похороненные глубоко в голове, и принялся вытаскивать факты на белый свет. К моему удивлению, они не вызвали никакой боли. Я откашлялся.

— Когда человека обвиняли в каком-нибудь проступке, за решением обращались к нашему мвене. Это не вождь, а, скорее, человек, который решает споры или дает советы. Если мвене не мог докопаться до сути дела, он требовал всех участников принести клятву, которую мы называли мваави. Назначался день принесения мваави, и собиралась вся деревня. В этот день тяжущиеся прибывали на место еще до рассвета. На огне кипятили котелок с водой, и старейшина, назначенный проводить ритуал мваави, пел над водой заклинания.

Потом обвиненному приказывали сунуть руку в котелок. Если вода его обжигала, он был виновен. Если он оставался невредимым, обвинения были ложными.

— Но разве не любой человек обожжет себе руки в котелке?

— Да, — ответил я. — Потому что любой человек виновен. Иезуиты верят в праведность и порок. Я не так уверен в их правоте или в праведности любого человека.

Нобунага встал и подошел к окну. Стоя ко мне спиной, он смотрел на двор.

— Ты знаешь, что я никогда не бывал отсюда дальше, чем в неделю пути верхом, куда бы ни поехал? Ты переплыл океан, видел Европу, Индию и Африку. Скоро я стану править всей Японией. И все же я видел лишь малую долю того, что видел ты.

Он снова повернулся ко мне, и я склонил голову, все еще опираясь на одно колено.

— Каждый под моим началом жил точно так же, как жил я. Мы учились на одних и тех же историях, получали одни и те же уроки. Я получаю советы от мужчин и женщин, которые думают так же, как и я, потому что знают то же, что и я. Если бы ты был моим советником, Ясукэ, ты всегда говорил бы прямо?

— Нет, мой господин. Только не в том случае, если за это с меня срежут кожу бамбуком.

Я улынулся в надежде, что разговариваю сейчас с тем же Нобунагой, который был на приеме в Хонно-дзи и которому нравились истории, развлечения и компания его людей. Наградой за риск послужил его хохот, открытый и искренний.

— Думаю, ты у нас приживешься.

Смех Нобунаги стих, но в глазах по-прежнему мелькали искорки, и теперь я понимал, почему Токугава так верен ему.

— Те люди, за которых я сражался, которые купили и обучили меня, были обречены на поражение, — сказал я. — Тогда я почти ничего не знал о том, почему они воюют, но с тех пор узнал многое. Они были на чужой земле. Они очень сильно уступали в численности. Они держались только до тех пор, пока им удавалось разобщать своих врагов. Правители разных стран, все до единого, хотели, чтобы португальцы ушли, но каждый сражался с ними по отдельности, а иногда они враждовали между собой.

Я отважился посмотреть Нобунаге прямо в глаза.

— Сегодня у вас здесь есть иностранные торговцы и миссионеры, — произнес я. — Но наступит день, когда появятся иностранные солдаты. Вы правы в желании объединить Японию под одним знаменем, под властью одного человека.

Нобунага пересек комнату и положил руку мне на плечо.

— Ты просил об обязанностях. Ты будешь служить в моей личной охране. Ты защищал отца Валиньяно и иезуитов, теперь будешь делать то же самое для меня. Я научу тебя правильно сидеть, чтобы не казалось, что тебе проткнули обе ноги, — с широкой улыбкой сказал он. — Взамен ты научишь меня тому, что видел в мире.

Глава 17

В школе иезуитов я узнал, что я — дикарь.

Большой корабль, на который я сел после поражения португальцев, первые несколько дней жался к берегу, прежде чем выйти в открытое море, но, зайдя в порт, мы получили новый приказ и отправились защищать осажденный Ормуз.

Первые шторма и дожди уже возвестили о начале сезона муссонов, и пока мы шли в новый бой, капитан внимательно следил за небом. Я таскал ядра морякам, которые стреляли из палубных пушек. Корабль кренился и раскачивался на высоких волнах, и хотя мы были достаточно близко, чтобы видеть лица людей на вражеских каракках, попадания по врагу были скорее делом случая, чем результатом верного прицела.

Прорвавшись через заграждения, мы бросили якорь и на шлюпках отправились на мелководье, из последних сил борясь со штормом.

На берегу город был сильно разрушен. Рабам поручили сносить дома, чтобы расчистить линию огня или лишить противника удачных позиций. Мы рыли траншеи, стояли земляные валы

и прочие укрепления, чинили стены крепости, которая постоянно подвергалась артиллерийскому обстрелу, и стоило нам остановиться, чтобы передохнуть, как нас начинали бить, пинать или хлестать плетьюми.

Соединенные силы индийцев и оттоманов стояли от нас на расстоянии прямой видимости. Они посменно засыпали землей мелкие места на реке, сооружая дамбу, и мы спешили подготовить оборону к неминуемому штурму. Каждый день мы следили за тем, как идут дела у них, а они следили за нами.

Они бросились на приступ, когда бушевал шторм. Сильный ветер и дождь превращали обычный хаос битвы в нечто ранее неведомое. Передавать приказы было невозможно. Вражеские солдаты появлялись из-за завесы хлещущего ливня совершенно внезапно. Вспышки выстрелов фитильных пистолетов в темноте напоминали светлячков, а звук пролетающей над ухом мушкетной пули тонул в свисте ветра. Можно было лишь услышать тихий свист и, если пуля пролетала достаточно близко, ощутить мгновенную вспышку тепла.

Меня ранило один раз, в руку, и я даже слышал треск кости, но мне не оставалось ничего другого, как сражаться дальше, сжимая алебарду здоровой рукой. Мы скользили в грязи и налетали на врагов, валили друг друга на землю и, убив

противника, поднимались снова. Когда ночь принесла передышку, офицер дернул меня за руку, чтобы вправить кости, и привязал к предплечью короткую палку, чтобы рука держалась прямо. После этого он отправил меня снова копать, чинить и готовиться к сражению следующего дня. Я, все еще мальчишка, несмотря на усталость, был вынужден выполнять свою работу под страхом порки, пытки или казни.

В первые дни осады сначала кормили офицеров, потом — солдат, а уже потом — рабов, но по мере того как запасы истощались, рабов попросту перестали кормить. Мы рыскали в поисках пропитания, отыскивая еду у убитых солдат и таская то небольшое, что еще оставалось на складах в городе за пределами крепости, борясь за объедки с крысами и одичавшими псами.

После нескольких месяцев боев крепость была спасена, погода наладилась, и мы двинулись вглубь страны. Пока мы сражались, сезон дождей наступал и уходил еще трижды, но наконец между нами и врагом установился мир. Тогда на моем лице впервые появились волосы, но рабам позволялось держать в руках острые предметы только под надзором офицеров, поэтому я неловко соскребал их с кожи в большой палатке, и кровь из порезов капала в тазик с водой под смех окружавших меня взрослых.

Когда пришло время возвращаться на корабль, на него погрузили ковры, пряности, дерево и то из

награбленного, что уцелело за время осады, и мы снова вышли в море.

Я уже достаточно изучил португальский, чтобы поддерживать простой разговор, и прибил к компании из трех солдат.

— Ты хорошо сражался. Когда вернемся в Европу, мы постараемся, чтобы о тебе позаботились.

— Держись ближе к нам, — добавил другой. — Я лично тобой займусь.

За время войны они сильно исхудали, и сквозь кожу проступали кости, что было особенно заметно на шее и плечах. Их лица под клочковатыми бородами были покрыты копотью и ссадинами, а ногти на пальцах были неровно обкусаны. Они передавали по кругу бурдюк с отвратительным на вкус пойлом, беспрестанно похлопывая себя по груди, чтобы убедиться, что мешочки с пуговицами и пряжками, которыми они сумели обзавестись, по-прежнему на месте. Я не доверял им, но был слишком измотан, чтобы сохранять бдительность. Да и другого выбора у меня не было. Я решил, что безопаснее быть рядом с людьми, которым не доверяю, чем с теми, которых не знаю.

Мне хотелось залечить руку и дать отдых телу, но времени на это оказалось мало. Когда ветер стих, меня посадили на весло. Я драил палубу, чинил порванные паруса, обмывал больных, заворачивал и выносил на палубу тела тех, кто так и не поправился.

Когда мы наконец пришли в порт, люди обрадовались так сильно, что я понял — они вернулись домой. Троица солдат, к которым я примкнул, повела меня по мощенным булыжником улицам и обменяла меня у фермера на тощую свинью. Я не сопротивлялся. Фермер, в свою очередь, предложил меня церкви. Судя по всему, в счет долга.

— Я могу работать, — сказал я по-португальски. — Я буду полезен.

— Ты крещеный?

Последнего слова я не знал, поэтому не ответил. Священник недовольно скривил губы, но все же кивнул фермеру в знак согласия.

Меня отвели во двор и выдали ведро с водой и кусок мыла. Это было лучше, чем в тот раз, когда белые работорговцы окатывали нас холодной водой с расстояния, и такая простая вещь, как возможность помыться на свежем воздухе, показалась мне роскошью.

Я отсыпался два дня, вставая только справиться нужду или попить из чашки, которую мне выдали. Когда я окончательно пришел в себя, священник одел меня в белые одежды и окунул мою голову в воду. Он произнес несколько слов на языке, которого я прежде не слышал. По интонации я понял, что он задал мне вопрос. Теперь он выжидающе смотрел на меня. Я кивнул, не зная, на что соглашаюсь. Он снова окунул меня в воду. Подняв мою голову снова, он поприветствовал меня и сказал, что я спасен.

— Ты сказал, что можешь работать? — спросил он, пока я отряхивался.

Я кивнул.

— Хорошо. Мы здесь не терпим праздности. Ты видел сад. Можешь начать там. Его нужно поливать каждый день и пропалывать через день. Еще нужно будет чинить одежду, готовить еду и, конечно же, поддерживать везде чистоту.

— Спасибо, отец. Я сделаю все, о чем вы просите.

Священник нахмурился.

— А еще ты будешь ходить на занятия, но не тревожься, если они покажутся тебе слишком сложными. Мы начнем с твоего акцента. Ты разговариваешь словно животное.

Мои дни состояли из трудов и уроков, в точности как и сказал священник. Я нахватался слов от солдат и моряков, но произносил их по-африкански. Меня наказывали до тех пор, пока я не начал выговаривать слова точно так же, как они сами.

Меня учили истории, латыни и религии, а когда у меня оставалось время между уроками и работой, я тренировался. Оружием мне служила сломанная ручка от старой метлы. Я держал ее словно копье. Упершись ногами, я размахивал ею, поворачивался и делал выпады, отрабатывая движения раз за разом, обливаясь потом, но следя за биением сердца и дыханием.

Руки и стопы, бедра и плечи двигались, но мысли оставались спокойны, а воспоминания были загнаны как можно глубже.

Работы и уроки, которые давали мне священники, были нетрудны, но цена несовершенства была высокой. Тыльные стороны моих ладоней были постоянно исхлестаны из-за того, что я упустил какой-нибудь участок во время приборки или недостаточно усердно отгладил одежду после стирки. Когда на моих руках образовались рубцы и я перестал чувствовать удары хлыста, с меня стали снимать обувь и били по голым пяткам. Каждый вечер я лежал на кровати, позволяя ритмичным вспышкам боли и пульсирующему току крови в искалеченных руках и ногах убаюкивать себя.

Среди уроков, которые мне преподавали, была и география, но когда там говорили об Африке, это была не та Африка, которую я знал. Они говорили о племенах дикарей, неразумных и безнравственных, которые купались в реках и молились деревьям, ходили полуголыми, были склонными к насилию и проводили немислимые ритуалы.

— Мы не молимся деревьям, — опрометчиво сказал я. — Мы приносим дары к дереву мсоро и молимся там Богу о безопасной работе в шахтах, о хорошем урожае и о здоровье семей.

Священник схватил меня за волосы, багровея от гнева, и потащил меня прочь со скамьи.

— Похоже, мало тебя били плетью по рукам.

Он выволок меня во двор, срезал свежую лозу и хлестнул меня по спине. Удар был такой силы, что кожа под тонкой рубашкой лопнула, и от боли у меня подогнулись колени. Я оказался на земле. Один из братьев подал ему плетеный хлыст, и, отбросив лозу в сторону, он принялся хлестать меня.

Мне было трудно дышать. Стоя на четвереньках посреди двора и чувствуя, как по подбородку стекает слюна, я ждал окончания избиения. Когда оно подошло к концу, мне на шею надели деревянное ярмо — такое тяжелое, что братья надевали его втроем.

— Встать!

Я приподнялся на колено, но не мог оторвать голову от земли. По спине снова яростно щелкнул хлыст.

— Встать!

С огромным трудом я подтянул ноги, потом, положив ладони на ярмо, со стоном медленно поднялся и стоял, покачиваясь на нетвердых ногах. Обретя равновесие, я ощутил всю сокрушительную тяжесть ярма на шее и плечах. Священник встал передо мной, сгорбившимся под весом ярма, и его глаза наконец-то оказались вровень с моими.

— Не говори мне о ваших безбожных традициях. И никогда больше мне не перечь. Ты будешь стоять так до конца дня и всю ночь. Если я или кто-то другой увидит тебя сидящим, наказание начнется снова.

Он развернулся и ушел, и остальные братья последовали за ним.

Я стоял. Когда сгустились сумерки, небо потемнело и стало прохладно, мои ноги ослабли, плечи онемели, а спина пульсировала от боли, вызванной поркой и тяжким грузом. Я накрепко запомнил тот совет, что дал мне старик, говоривший на ломве. Рабу опасно высказывать свои мысли.

Когда утром с меня сняли ярмо, я рухнул на булыжную мостовую двора и в первый и единственный раз в своей жизни взмолился о пощаде.

С этого момента я слушал. Я ходил на опухших ногах, выполнял работу потрескавшимися и немеющими ладонями, а потом садился на деревянную скамью и отвечал на уроках лучше, чем любой из послушников.

Я стал держать в себе даже больше, чем прежде. Я работал, учился и хранил молчание. Даже когда речь шла об Африке, я сидел тихо и со стыдом слушал, как мне преподают мою собственную историю, нещадно ее перевирая. Только так я мог выжить.

Я даже не пытался рассказывать им об ичияо, когда все члены общины собирались вместе, чтобы помочь одной из семей выполнить работу, или о хижине М'Мверы, куда я должен бы был отправиться, когда подойдет срок обрезания, если бы белые не угнали меня в столь юном возрасте, и где я бы оставался целый месяц, изучая обычаи нашего

народа, прежде чем вернуться в деревню взрослым мужчиной.

День за днем, месяц за месяцем их слова находили место в моей голове, и я допускал это. Я позволил им заменить мои слова своими, заменить мои верования своими, заменить мою историю своей. Стерлись из памяти воспоминания о деревне, о рассказах отца, о родных, пока я не начал задаваться вопросом, кто же из нас не прав — священники или я. А потом я перестал задумываться и об этом.

Глава 18

Каждое утро во двор приносили свежий стебель бамбука, и голова убийцы лишалась еще одного клочка кожи. К третьему дню он сошел с ума, пытаясь ухватить зубами насекомых, ползавших по его лицу, чтобы хоть что-нибудь съесть. Он жадно подставлял язык под тоненькую струйку воды, которую вливал ему в рот слуга, а иногда и пытался пить кровь, стекавшую по щекам и подбородку. Он был в сознании, но взгляд у него был отсутствующий, и, заглянув в глаза, можно было запросто уверовать в тот ад, о котором твердили иезуиты.

Я невольно вспоминал собственную пытку, когда меня подвесили в центре учебного двора. Вспоминал собственные отчаянные попытки извернуться, чтобы поймать ртом воду, капавшую с тряпицы. Тогда я и понял, как легко сломать человека.

Теперь меня вызывали в замок каждый день. Иногда краем глаза я замечал Томико, молчаливую служанку с оранжевыми искорками в глазах, но у меня не было возможности поговорить с ней. Во время одной из вечерних прогулок я снова заметил, как она тихо выходит из замка в полном одиночестве. Может быть, мне и показалось, что

я напугал ее в Хонно-дзи, но она уж наверняка испугалась, когда я вдруг попросил ее помочь мне узнать ее культуру и народ, подойдя к ней в городе. Мне очень хотелось узнать, куда она уходит, но она выскользнула за ворота и отправилась вниз по дороге к городу, прежде чем я успел остановить ее и поговорить.

Обязанности, возложенные на меня, были просты. Нобунага принимал множество послов, просителей и высокопоставленных слуг в разных приемных по всему замку в зависимости от положения посетителя. Я стоял на страже рядом с Нобунагой, по-прежнему вооруженный черным мечом и длинным копьем, привезенными из-за моря. Каждый посетитель кланялся Нобунаге, но потом отваживался искоса взглянуть на меня, прежде чем перейти к делу. Я понимал, что стою здесь не только ради охраны, но и в качестве диковинки и средства устрашения, но согласился с этой ролью и большинство взглядов встречал, сердито нахмурив брови, и про себя посмеивался всякий раз, когда кто-нибудь при этом вздрагивал от страха.

Но я помнил, что у Нобунаги есть враги. Несостоявшийся убийца, с которого медленно срезали кожу во дворе, был тому подтверждением. Я сохранял бдительность и старался узнавать все, что только можно. Я наблюдал за мужчинами и женщинами, представавшими перед Нобунагой, так же как наблюдал за солдатами, пытаясь предугадать их намерения, отыскать признаки того, что

они что-то скрывают или чрезмерно нервничают. Я обратил внимание, что те, чей ранг позволял носить меч в присутствии Нобунаги, всегда вынимали ножны из-за пояса с левой стороны и клали их на землю по правую руку, вставая на колени. Увидев это несколько раз, я понял, что меч, лежащий слева, легко мог быть выхвачен бойцом, привыкшим действовать правой рукой, но меч, лежащий справа, служил символом мира, знаком отсутствия агрессии или угрозы.

Говорили, разумеется, и о военных делах, но часто речь шла и о вопросах управления — землемерные работы, споры из-за налогов, качество урожая риса, добыча серебра в шахтах, распределение земель, оплата работ, учеба и новые назначения, женитьбы, ремонт и укрепление замков, стоимость вооружения солдат, их кормежки, кому и какие привилегии дать, кого их лишить, запросы средств для содержания императорского дворца и резиденции в Киото, а также и религиозные споры — одни храмы требовали плату за молитвы об успехе Нобунаги, другие осторожно просили ограничить деятельность иезуитов, а то и вовсе ее запретить.

От последних Нобунага обычно просто отмахивался, и строительство иезуитского храма шло полным ходом. В работах участвовало все больше людей, и все чаще стали появляться священники, присланные наблюдать за строительством. Некоторых из них я узнавал, но в основном все равно

избегал их. Отвращение охватывало меня всякий раз при виде знакомых одеяний и растущих стен церкви, ведь я понимал, что это и есть мерило моей ценности.

Нобунага был совершенно непредсказуем, но вполне последователен. На каждой новой территории, признававшей его власть, он вводил стандартную денежную единицу, упорядочивал систему налогов, проводил точную перепись населения и обмер земли, приказывал поддерживать дороги в хорошем состоянии, отменял таможенные барьеры и способствовал развитию торговли и ремесел. Временами Нобунага был нетерпелив, если кто-то слишком долго колебался, высказывая свою просьбу, а временами — суров с теми, кто, как ему казалось, плохо справлялся со своими делами, но он внимательно изучал все представленные ему сведения и судил разумно и справедливо. От человека его положения едва ли можно было требовать большего.

Что касается дел военных, то с запада начали привозить первые головы — знаки побед Хидэёси и Мицухидэ. Головы передавали особым слугам для подготовки к представлению. Их очищали, умащали благовониями и готовили к демонстрации, придавая лицам торжественные выражения, натирая волосы маслом и стягивая их в узел, а зубы зачерняя углем. После этого головы выставляли на деревянных дощечках с крошечными резными табличками.

Тела привязывали к столбам во дворе с куда более практической целью. На них испытывали новые клинки, рубя их до тех пор, пока оружие не признавали годным, а тела не оказывались порубленными на мелкие куски, которые могли растащить птицы. В воздухе висел запах застоявшейся крови и гниющей плоти, и я подозревал, что это тоже делалось намеренно. Это позволяло закалить и подготовить менее опытных бойцов к тому, что их ждет впереди.

Нобунага пригласил меня участвовать в охоте вместе с Ранмару, Огурой и Дзингоро. Город, окружавший замок Адзути, примыкал к озеру Бива, служившему преградой на пути врагов и открывавшему обзор на очень большие расстояния. На озере было три крупных острова, и до ближайшего из них, Окисимы, можно было легко доплыть на лодке в поисках дичи в его болотах и лесах.

Нобунага прекрасно владел искусством соколиной охоты и всегда с явным удовольствием смотрел, как его птица возвращается с кроликом или другим мелким зверем в когтях. Все мои спутники лучше меня стреляли из лука, что стоя, что из седла, но все же мне удалось произвести на них впечатление, поразив кабана броском копья с тридцати шагов.

Когда мы подъехали к убитому животному, Ранмару остановился и прокричал:

— Да здравствует Ясукэ, гроза кабанов!

Он обернулся ко мне и, увидев не изменившееся выражение моего лица, похлопал меня по плечу, давая понять, что это была шутка.

— Да будет тебе, Ясукэ. Ты же воин, разве не так? Ты должен учиться бахвальству. У Огуры так очень хорошо получается.

Уловив намек, Огура вытащил из седельной сумки небольшого кролика, держа его за задние лапы. Придав лицу нарочито суровое выражение, он провозгласил:

— Я — Огура, и в мире нет такой твари, которая сумела бы укрыться от моего взгляда или от моего лука! Я выпустил тысячу стрел и снял тысячу шкур, и ни разу мое оружие не поразило землю или дерево — только плоть.

— Да-да, — перебил его Дзингоро с куда менее серьезным видом. — Мой брат — гроза всякой мелкой живности и грызунов, но на каждую его шкуру я, Дзингоро, снял три. Мой брат охотится на то, что бежит от него, а я — на то, что бежит на меня.

— Ты охотишься на то, во что попадаешь по ошибке, — огрызнулся Огура.

Оба брата улыбнулись. Ранмару кивнул в мою сторону.

— А чем ты можешь похвастаться, Ясукэ? Горбатыми пустынными лошадьми? Или гигантскими клыкастыми зверями?

Я рассмеялся, но, привыкший скрывать свои чувства, тут же проглотил смех. В глазах Ранмару я увидел блеск и понял, что все его шутки были

лишь затем, чтобы я ощутил себя в своей тарелке. Это была мелочь, но меня она тронула.

— Жаль, что он не хвастал своим умением бороться, — сказал Дзингоро. — Это сберегло бы мне пару монет на турнире.

Ранмару еле заметно одобрительно кивнул. Я обернулся к Дзингоро, устрашающе посмотрел на него, потом выпятил грудь, насколько только сумел, и ударил в нее кулаком.

— С моей скромностью сравнится только моя сила, Дзингоро. Сожалею, что и то и другое так дорого тебе обошлись...

Я собирался продолжить, но Нобунага вдруг остановил лошадь, положил стрелу на тетиву и выпустил ее, потом — вторую, за ней — третью.

Трава перед нами даже не трепетала, когда он выстрелил в первый раз, но три куропатки, сорвавшиеся из высоких зарослей, свалились на землю, пронзенные стрелами. На мгновение мы ошеломленно замерли в седлах.

Нобунага повесил лук на место и чуть заметно изогнул губы в усмешке.

— Я — Ода Нобунага, и самые хвастливые воины Японии собирают мою добычу.

Огура и Дзингоро поклонились и, хохоча, поехали подбирать убитых птиц.

Неотложных дел, требовавших нашего возвращения, не было, поэтому мы развели на берегу костер. Еще не стемнело, но цикады уже завели вечернюю песню. Огура и Дзингоро потрошили

птиц. Один освежеванный кролик уже сушился на сделанной на скорую руку подставке, а я тем временем свеживал другого. Ранмару же разводил огонь. Еще три птицы уже кипятились в подвешенном над костром котелке, чтобы с них легче было снять кожу и перья.

— Ты сегодня хорошо стрелял, — сказал Огура брату.

— Спасибо. В последнее время я старался не есть груш.

Огура перестал срезать кожу с куропатки, которую держал в руках, и посмотрел на другую сторону костра, где сидел Дзингоро.

— Ты старался не есть груш... — повторил он с еле заметной вопросительной интонацией.

Рядом со мной чуть дрогнули плечи Ранмару, словно тот пытался сдержать смех.

— Да, — ответил Дзингоро, выщипывая перья птицы, которая уже сварилась и остыла. — Из-за груш ухудшается зрение. Это мешает целиться. Я старался их не есть.

Огура раздраженно развел руками.

— Кто тебе такое сказал? Я сам прибью того, из-за кого моему брату пришлось сказать такую глупость!

— Если есть слишком много груш, то испортится зрение. Это всем известно.

Теперь уже Ранмару оставил попытки скрывать смех.

— Дзингоро, твоя жена, наверное, все груши в округе объела в брачную ночь.

Дзингоро изобразил гнев, но вскоре и сам зашелся в хохоте, к которому присоединились Огура и Ранмару. Я улыбнулся, но сдержал смех. Если Нобунага и слушал наш разговор, то не подавал вида. Он сидел спиной к костру, глядя, как водомерки скользят по зеркальной поверхности озера. Он оглянулся, и наши взгляды встретились на миг, прежде чем я опустил голову.

Он еле слышно откашлялся, и смех тут же утих.

— Я позабочусь о том, чтобы мои лучники больше не ели груш, — с ухмылкой произнес он, поворачиваясь лицом к костру. — Впредь прошу доводить до меня столь мудрые военные советы немедленно.

Нобунага был вовсе не лишен обаяния и остроумия. Его любопытство, ясность ума и внимание к деталям напоминали мне Валиньяно, но, хотя оба они проявляли величайшую преданность своему делу, я не припоминал, чтобы Валиньяно хоть раз шутил со своими людьми. И все же я позволил себе очароваться и Валиньяно, но только затем, чтобы выяснить, что был для него лишь вещь. Я решил сохранять осторожность в решениях о верности, но не в силах был отрицать, что эти люди мне нравились.

Ранмару бросил ветки, которыми орудовал в костре, видимо, удовлетворившись исходящим от огня теплом. Он поднял голову и посмотрел на меня.

— Ясукэ, а кто из лучников, с которыми ты сталкивался, был страшнее всего?

— Страшнее всего? — Я увидел, что все лица теперь обращены ко мне. — Самыми страшными лучниками, которых я видел, были те, кто стрелял в меня.

Все рассмеялись.

— Тебе больше нравится лук или аркебуза? — спросил Огура.

Я задумался над ответом, срезая очередную длинную полоску кроличьей шкурки.

— Лук более точен в надежных руках. Но он требует умения и опыта, а аркебуза — нет. Аркебуза может промахнуться, но все равно нанести урон, на худой конец напугать лошадь или даже солдата.

— Они эффективны, — заметил Нобунага. — Впрочем, не все с тобой согласятся. Есть традиционалисты, которые считают, что я ошибаюсь, используя оружие португальцев. Акэти предпочитает вооружать своих воинов луками. Он говорит, что войны выигрывают воины, а не оружие.

Последнее он произнес с насмешкой. Взяв оселок, Нобунага принялся точить нож, и посыпавшиеся искры дополнили свет от костра, который развел Ранмару.

— Мы всегда медленно менялись, — тихо произнес он.

Остальные кивнули, и повисла тишина.

— В Индии были пушки...

Я на мгновение умолк, потерявшись в воспоминаниях о моей первой встрече с ними, об ужасающем грохоте и разрушениях, о том, как сотрясались стены под ударами ядер, о напряженном ожидании, что все вот-вот рухнет и мы будем погребены под обломками. Я вспомнил о старике-рабе, говорившем на ломве, и задумался. Где он теперь? И жив ли? Встряхнув головой, я снова собрался с мыслями.

— Пушки — оружие огромной силы. Оно призвано устрашать и разрушать, и их действие смертоносно даже при очень небольшой подготовке.

— Где ты их видел? — спросил Ранмару.

— В нескольких сражениях. В Малакке, в Ормузском проливе. Тогда я был еще совсем мальчишкой, но оказался в самом центре войны между двумя великими империями — португальцами и оттоманами.

При упоминании империй Нобунага наклонился ближе к костру, но лицо его оставалось невозмутимым. Огура и Дзингоро отложили дичь в сторону.

— Одна из них вторглась в другую? — предположил Дзингоро.

— Нет. Обе сражались за земли, на которые не имели никаких прав, кроме тех, которые сами же и провозгласили. На кону стояла богатая торговля, и они сражались за владение портами. Каждая из этих великих империй зависела от доступа к морю.

Я замолчал, снова углубившись в воспоминания. Раскачивающиеся палубы португальских кораблей

в шторм у Ормуза, моряки, привязывавшие себя к поручням, и рабы, торопливо снующие по мокрым доскам и подтаскивающие пушечные ядра, рискуя быть смытыми за борт, ради того, чтобы хозяева могли сражаться за богатства, которые им не принадлежали. Вражеские корабли, то появлявшиеся перед нами, то снова скрывавшиеся из виду за высокими волнами, ветер, разгонявший холодные капли дождя с такой силой, что они резали кожу, будто ножи.

Остальные продолжали разговор. Я упустил бóльшую часть сказанного, но при упоминании Нагасаки мое внимание снова вернулось к беседе. Ранмару перечислял порты и феодалов, которые их контролировали.

— ...что поменьше — по всем островам, но для больших торговых кораблей лучше всего расположен Нагасаки. Тамошними землями правит господин Сумитада.

Я не сразу решился заговорить, ожидая, что кто-нибудь поправит Ранмару или что он сам исправит свою ошибку, но этого не произошло. Он продолжал говорить, перечисляя врагов и союзников Сумитады.

— Прошу прощения, — перебил я и, повернувшись к Нобунаге, склонил голову. — Извините, если вы это уже знаете. Возможно, известие еще не дошло до Адзути.

Я осекся, но Нобунага жестом приказал мне продолжать.

— Когда я только прибыл сюда, мы должны были пристать в Нагасаки, но вместо этого решили бросить якорь в заливе Кутиноцу. Господин Сумитада владеет окрестными землями, но он больше не владеет портом.

— Тогда кто им владеет? — спросил Ранмару.

— Господин Сумитада передал управление Нагасаки отцу Валиньяно.

По ту сторону костра лицо Нобунаги, казалось, на мгновение помрачнело. Потом воцарилась тишина. Все ждали, что он скажет. Он подобрал лежавшую рядом куртку и встал.

— Пора возвращаться, — спокойно произнес он. — Довольно праздности на сегодня.

Глава 19

Большую часть посетителей Нобунага принимал в маленькой комнате на втором этаже замка. Гостей поважнее проводили на первый этаж, во дворик, где проходил турнир сумо, но для более неофициальных дел Нобунага предпочитал менее торжественную обстановку.

В комнате на втором этаже с удобством могло разместиться человек десять. Для этого посетителям нужно было подняться на один пролет лестницы, увидев как раз столько искусно расписанных центральных колонн, сколько нужно, чтобы предстать перед Нобунагой с приличествующим трепетом. Он сидел, скрестив ноги, на деревянном помосте у задней стены, приподнятом ровно настолько, чтобы быть выше любого посетителя, но не слишком.

Я стоял по правую руку от помоста, пока он принимал доклады о ходе войны от одного из конных гонцов.

— Кампания на западе продвигается, но медленно. И Акэти, и Тоётоми выиграли первые сражения, но против мелких сторонников Мори. Тоётоми по северной дороге наступает более агрессивно.

Силы Акэти... увязли в осаде замка Яками, — всадник откашлялся, надеясь, что известие не будет встречено слишком плохо. — Однако обе армии в хорошем положении, мой господин.

— Что предпринимают Мори? — спросил Нобунага.

— Клан Мори еще не бросил в бой все силы, мой господин. Но они не могут долго терпеть истребление своих вассалов. Нам известно, что вскоре они должны выступить.

Пока Мори не двинется в поход, решающего сражения можно было не ждать, но они, похоже, были готовы вот-вот начать действовать. Тем временем войско Токугавы тоже выступило в поход. С падением Иги держать Токугаву в резерве уже было не нужно, и его послали на восток — завершать завоевание владений Такэда. Клан Такэда был крайне ослаблен чередой разгромных поражений, из которых самое жестокое нанес им сам Нобунага при Нагасино. Но Такэда Кацуёри не сдавался. Токугава увел свою армию тихо, под покровом ночи, без той помпы, с которой выступали в поход Акэти и Тоётоми.

На пути клана Ода к объединению Японии стояли лишь ослабленный клан Такэда на востоке и все еще опасный, но сильно уступающий в численности клан Мори на западе. Нобунага встал, явно довольный докладами.

— Людям нужно развлечение.

Чтобы отметить победу в Иге, Нобунага приказал устроить спектакль. По просьбе Нобунаги из Киото приехали актеры театра но. Мы собрались вокруг сцены в соответствии со своим положением — те, кто жил ближе всего к вершине горы, стояли ближе к сцене, а те, кто жил ниже, занимали места дальше. Сама сцена во дворе была постоянной — деревянный помост, под которым были врыты горшки, чтобы усиливать звук; с крышей, как у святилища, и нарисованной на заднике сосной. Слева от сцены была наклонная рампа для выхода актеров, перед которой росли три невысокие сосенки. Сцена была окружена полированными белыми камешками, отражавшими свет фонарей и придававшими ей блеск.

Справа от сцены пел небольшой хор, а в задней части сцены стояли на коленях четверо музыкантов — трое с небольшими обтянутыми холстом барабанами и один с флейтой. Было сыграно пять коротких пьес. В каждой из них один актер играл в деревянной маске, а остальные с открытыми лицами. Костюмы были вычурные — золотистые одеяния с широкими плечами и шелка, расписанные морскими раковинами, веера с вышитыми драконами и скорпионами. Движения были то еле заметными, то подчеркнута театральными.

Я плохо улавливал, что происходит, но ощущал смутную тревогу, глядя, как мужчины топают ногами, танцуют и поют. Ведущий актер постоянно

менял маски — печальная женщина, яростный демон, безумный старик, умиротворенный монах.

В самой длинной из пьес странствующий монах встретил женщину, плачущую перед святилищем. Когда он спросил о святилище, она попросила его помолиться о человеке, похороненном там, а потом сказала, что она — призрак, и исчезла. Во втором акте пьесы она вернулась, облаченная в боевой доспех, скорбя о том, что не смогла присоединиться к своему господину в смерти.

В какой-то момент спектакля Ранмару положил ладонь мне на плечо и встревоженно посмотрел на меня. Я бросил взгляд на него, потом отвернулся. Спектакль меня потряс, но я не знал, смогу ли выразить причину словами. Пьесы были короткие и неторопливые, но для меня они пролетели в одно мгновение.

К тому времени, когда представление закончилось, я был весь в поту. Когда толпа двинулась к воротам замка, я отправился в противоположном направлении, чтобы подышать воздухом. Я вышел к каменной стене в дальней части замка, выходящей на озеро Бива, и сел на землю у ее подножья.

Спектакль вызвал воспоминания о доме — воспоминания, которые я годами гнал от себя и старался обуздать. В моем детстве были праздники, когда женщины раскрашивали лица пастой, изготовленной из разных минералов, танцевали и играли на барабанах, пока мужчины ходили на ходулях, наряженные в маски духов и животных.

Однажды я нашел праздничные ходули отца, спрятанные у него под верстаком. Я тайком ушел на край деревни, чтобы потанцевать на них — падал, вставал, танцевал, снова падал. Я ссадил кожу на коленях и локтях, разбил в кровь подбородок, но продолжал практиковаться, пока наконец не сумел исполнить короткий танец: высоко поднимал ноги, размахивал руками и запрокидывал голову, подставляя горло солнцу. Вернувшись, я не смог скрыть того, что наделал, но мать с отцом меня не наказали и не смогли скрыть, что моя выходка скорее развеселила их, чем разозлила.

Я не знал, жив ли еще мой отец. Не знал, где похоронена мать. Отец отыскал бы ее среди трупов и позаботился бы о том, чтобы все традиции были соблюдены. Возможно, он сделал бы это для всех них. Ведь не пощадили никого.

Меня захватили в рабство в двенадцать. Тогда я мечтал отправиться в хижину М'Мверы вместе с другими мальчиками моих лет, изучать обычаи взрослых, чтобы, вернувшись к семье, быть признанным мужчиной. Вместо этого я был продан в далекие страны, убивал мальчишек, убивал мужчин, хоронил мертвецов, сжигал трупы или заворачивал их в парусину и выбрасывал в море. Я видел болезни и смерть, жестокость и насилие. Я видел, каковы мужчины на самом деле, и от этого мне хотелось снова стать мальчишкой. Сидеть рядом с матерью, когда она бьет в барабан, и смотреть, как танцует отец.

Я не позволял себе оплакивать их ни в трюме корабля, ни во время обучения у наемников, ни на занятиях у иезуитов, но теперь, в темноте у крепостной стены в далекой земле, о существовании которой прежде и не подозревал, плакал по ним.

Взяв себя в руки, я пошел обратно к домику стражи. Путь мой лежал мимо сцены. Толпа разошлась — кто отдохнуть, кто искать новые развлечения. Актеры были еще здесь. Они подметали сцену и складывали свои инструменты. Человек в сером одеянии аккуратно складывал костюмы и убирал их в сундук, и по изяществу и отточенности его движений я догадался, что именно он и скрывался под масками.

— Я хочу поблагодарить вас за выступление. Оно меня очень тронуло.

Он обернулся ко мне, посмотрел широко открытыми от удивления глазами, но потом вспомнил о правилах вежливости и коротко кивнул.

— Я рад, что вам понравилось. Выступать для господина Нобунаги — большая честь. — Он отважился посмотреть на меня снизу вверх. — Прошу простить за любопытство. Я был в Киото, когда вы приехали. Слышал шум, но сам так и не смог на вас взглянуть.

— Любопытство не требует извинений. Я и сам любопытен. Маски... Они чудесны.

— О! — воскликнул он и достал одну из них из сундука. — Да, изготовление масок — настоящее искусство.

Он показал мне резную маску мужчины с неопределенным выражением лица — губы искривлены, но не настолько, чтобы это можно было назвать улыбкой, высоко поднятые брови изогнуты, но не настолько, чтобы выразить удивление. Актер наклонил маску, показывая, как движениями головы он может использовать тени, чтобы одним-единственным выражением лица передавать множество чувств.

— Изумительно, — сказал я. — Там, откуда я родом, мы тоже вырезаем маски. Мужчины надевают их на праздники, чтобы петь и танцевать. Ваше выступление напомнило мне о доме.

— Вы оказываете мне честь, — он низко поклонился.

Я протянул руку к маске, и он позволил мне взять ее. Я провел пальцами по лицу, ощутив гладкость дерева.

— Отец учил меня резьбе, но совсем немного. Я бы научился большему...

Я умолк, задумавшись обо всем, чего меня лишили. Я вернул актеру маску, и он, приняв ее, медленно убрал в сундук.

— Вы могли бы сделать мне такую?

— Увы, не могу. По традиции каждый делает маски для себя.

— Понимаю. Спасибо. И спасибо за ваше выступление. Я его не забуду.

Я поклонился и повернулся к дому.

— Но я могу вас научить.

Я остановился и оглянулся через плечо на актера.

— Для меня было бы честью помочь одному из слуг господина Нобунаги и иностранному гостю. Я не могу научить вас так, как это сделал бы ваш отец. Но мы можем взять то, чему научились вы и чему научился я, и создать нечто новое.

Труппа вернулась в Киото, но актер задержался. Он дал мне кипарисовый чурбачок и показал, как нарисовать на нем лицо. Мы отпилили края, чтобы получить приблизительно нужную форму, потом он показал мне, как с помощью резца и деревянного молоточка слой за слоем снимать дерево. Резец лежал в руке точно так же, как тесло, которое когда-то подарил мне отец, но металлический наконечник был легче, а кипарис оказался мягче, чем акация, которую я резал в детстве.

Поначалу я врубался слишком глубоко и портил дерево, но он терпеливо исправлял мои ошибки. А если это было невозможно, он давал новый кипарисовый чурбачок и предлагал попробовать еще раз. Вскоре я научился ставить резец под нужным углом и бить молотком с нужной силой, и наградой мне стал вид завитков дерева, отслаивавшегося тонкими полосками.

— У вас есть семья? — спросил я у него.

— Они не станут скучать, если я задержусь на несколько дней.

— И далеко вам приходится ездить с выступлениями?

— Теперь дальше... Ай! Осторожнее!

Я отвел резец, чтобы снимать поменьше дерева, и актер успокоился.

— Теперь дальше? Почему?

Он пожал плечами.

— Чем больше земель находится под властью одного человека, тем безопаснее по ним путешествовать. Меньше нужды беспокоиться о политике, выступая перед одним господином на одной неделе, а потом перед его заклятым врагом — на следующей.

Он взял меня за руку, чтобы она не дрогнула.

— Господин Нобунага однажды спросил, считаю ли я его жестоким.

Актер пытливо взглянул на меня.

— Он плохо с вами обращается?

— Нет, — поспешил ответить я. — Он обращается со мной хорошо, так же, как и с другими в его окружении, своими соплеменниками, которые были с ним гораздо дольше.

Актер снова пожал плечами и провел пальцем по дереву.

— Человеку вроде Нобунаги иногда необходимо быть жестоким. Но ему нет необходимости быть добрым. Доброта — это его выбор.

Я внимательно посмотрел на него, но он не сводил взгляда с маски.

— Думаю, ее можно красить, — задумчиво произнес он.

— У меня был другой хозяин, который дал мне высокую должность. Я всецело доверял ему. И, думаю, зря.

Актер пересек комнату и принялся рыться в сундуке в поисках краски. Не прекращая поисков, он заговорил, стоя спиной ко мне.

— Когда доверие нарушено, вина всегда лежит на том, кому оно было оказано, но никогда — на том, кто его оказал. Будете ли вы теперь судить по его поступку о других людях?

Он отыскал нужные краски и кисти и начал доставать их из сундука.

— Доверие — странная вещь. Человек не может показать себя достойным или недостойным его заранее. Доверие можно заслужить только тогда, когда оно уже оказано.

Он по-прежнему не оборачивался. Открыв краски, он готовил их на тонкой дощечке. Я наблюдал за его работой.

Он остался и помог мне, хотя у него не было для этого никаких причин. Добро было его выбором, от которого он не ожидал никакой выгоды, и, возможно, Нобунага проявлял доброту из тех же соображений.

Актер обращался с маской ловко и уважительно. Я вспомнил отца, танцующего надо мной, не сводящего с меня глаз, с легкостью передвигающегося

на ходулях. Подумал, как же мне хотелось станцевать с ним. Хотя бы раз.

— У вас не найдется еще немного дерева? — спросил я. — Я хотел бы сделать еще кое-что.

Я мало успел узнать об обычаях собственного народа. Я наблюдал, и, кроме этих воспоминаний и наблюдений, у меня не было ничего. Актер вернулся в Киото, оставив мне в подарок небольшой резец из своего набора инструментов. Он пожелал мне удачи, а я пожелал удачи ему. Мы закончили натирать и раскрашивать маску, и, хоть моя и не могла сравниться в качестве с его масками, она получилась вполне сносной.

Однажды утром, когда Нобунага закончил завтрак, я попросил его выйти со мной во двор.

— Я хочу кое-что вам показать.

Нобунага, как всегда снедаемый любопытством, видимо, обрадовался и пошел со мной, не задавая вопросов. Его сопровождали Ранмару, Огура и Дзингоро.

Когда мы спустились по ступеням замка, я, извинившись, убежал в домик стражи. Спустя несколько мгновений я вернулся уже совершенно в другом облици.

Я соорудил пару деревянных ходуль длиной локтя в полтора с колышками, на которых мог стоять. Описать их старику-актеру оказалось труднее, чем изготовить. Он недоуменно смотрел на меня, пока

я рассказывал, что хочу сделать, и в конце концов пожал плечами и выдал мне самые крепкие куски дерева из тех, что у него были, а потом заглядывал через плечо, наблюдая, как я обрезаю их по длине и соединяю.

Вместо более традиционного наряда я обернул вокруг талии длинное шелковое полотнище — такое длинное, что оно свисало почти до самой земли. Над полотнищем я был без рубашки — простое ожерелье и браслеты из рисовой соломы, и в каждый браслет воткнуто по несколько фазаньих перьев. А лицо я скрыл маской носорога — серой, с сердитым выражением и коротким изогнутым рогом, приклеенным на высохшую глину.

Фыркая и играя мускулами на руках, груди и плечах, я вышел во двор. Среди небольшой группы людей, работавшей у подножья замка, раздались удивленные вскрики. Один из стражников Нобунаги в ужасе потянулся за копьем, но не смог направить его на меня. Я испытывал такое волнение, какого не испытывал с детства. Сердце тяжело колотилось, а маска, казалось, колыхалась на моем лице с каждым вдохом. Собралась небольшая толпа. Все смотрели на меня — кто изумленно, кто потрясенно, кто с испугом.

Сначала люди начали перешептываться, потом тыкать в мою сторону пальцами, потом некоторые стали смеяться. Под маской я чувствовал жар собственного дыхания. Я опасался, что совершил ошибку, что меня сочтут за безумного

дикаря и варвара, какими считали мой народ иезуиты. Нобунага одним резким взглядом заставил собравшихся умолкнуть. Он потребовал табурет. Он вышел вперед и сел передо мной в одиночестве, а остальные окружили нас.

Я дважды резко воткнул ходули в землю. Запрокинув голову, ткнул коротким серым рогом в небо. Сначала мои движения были осторожны. Я скорее вспоминал их, нежели чувствовал. В оружейной я позаимствовал металлические пластинки, которые привязал к пальцам, чтобы отщелкивать ими ритм.

В деревне у нас были бы барабаны, целый ряд барабанщиков, которые били бы в них мозолистыми от работы в шахтах или на полях руками. Были бы резные дудочки, в которые дули бы старейшины, издавая высокие свистящие звуки. Другие танцоры повязали бы на щиколотки веревочки с наанизанными на них орехами макадамии, которые побрякивали бы при каждом шаге или прыжке. Двигаться на ходулях было неловко, но с каждым шагом я привыкал.

Среди барабанщиков была бы и моя мать, и ее лицо было бы единственным улыбочивым среди серьезных, потому что она была не в силах скрыть радость от игры, как я не мог скрыть радость, глядя на нее. Я все еще не мог вспомнить все черты ее лица, зато во всех подробностях помнил ее руки, как она чуть оттягивала назад пальцы, выгибая кисти, как двигались вперед-назад ее плечи, когда она би-

ла открытой ладонью по коже барабана, как от вибрации, вызванной ударом, казалось, подрагивает все ее тело. Воспоминания захлестнули меня, потом осели чуть глубже, и я почувствовал, что готов.

Я вспомнил один из наших последних разговоров, когда я спросил, будет ли она играть для меня, когда придет мой черед танцевать на празднике. Я вспомнил улыбку, живую и широкую, которая осветила ее лицо. Искру радости в ее глазах. Ощущение прикосновения ее губ к моему лбу. От этого воспоминания из моих глаз под маской выступили слезы.

«Я буду играть для тебя, пока на барабанах не лопнет кожа, — сказала она тогда. — Посмотрим, что устанет раньше — мои руки или твои ноги».

Нобунага сосредоточил на мне все внимание, а я сосредоточился на нем, танцуя только для него, как мой отец танцевал только для меня. Движения казались чужими. Я уже прожил в разных землях больше, чем в своей собственной. Я вспомнил сладковатый запах манго и апельсинов на ветру, звуки песен моего народа, гордость, которую я ощущал всякий раз, когда отец, скрытый под маской, поворачивался ко мне. Я вспомнил его лицо, потом — лицо матери, бабушки, и вспомнил отчетливее, чем когда-либо прежде.

Движения становились более естественными. Я уперся ходулями в землю и поскреб ее правой ногой, будто носорог, готовый броситься в атаку. Я вскидывал ходули высоко за спиной и ши-

роко разводил руки, кружился на месте и прыгал, и с каждым движением я понемногу избавлялся от того стыда, который вбили в меня иезуиты. В голове я слышал бой барабанов, пение, и впервые ощутил связь с предками, со своей деревней и с той жизнью, которой мог бы жить. Легкость. Понимание. Связь с чем-то глубинным, чего у меня так и не смогли отобрать, но что я не знал где искать. Я танцевал, пока не взмок, пока мышцы не заболели от напряжения, а ноги не покрылись мозолями от колышков на ходулях. Тогда бой барабанов в моей голове утих.

Я без сил повалился на землю. Толпа молчала, ожидая реакции Нобунаги. Он встал с табурета, подошел к тому месту, где я лежал в пыли, и поклонился мне, коснувшись лбом земли.

По толпе пробежал приглушенный шум, потом — шелест одежд, когда они один за другим тоже начали кланяться мне. Но они просто следовали примеру Нобунаги, в то время как его поклон был знаком искреннего уважения. Я был растроган едва ли не до слез. Я стоял рядом с ним уже несколько недель, пока приезжие феодалы привозили роскошные подарки и щедрые знаки благодарности, но не мог предложить ему ничего, кроме службы.

Я снял маску и протянул ему. Ранмару вышел вперед, чтобы принять ее, но Нобунага жестом остановил его. Он сам взял маску из моих рук, и какой-то миг мы сидели с ним вместе на земле, как равные.

Глава 20

Если настроение Нобунаги улучшилось, то жители Адзути несколько помрачнели.

Солдаты, и прежде сосредоточенные и дисциплинированные на учениях, теперь занимались еще усерднее. Оставшаяся часть войска Нобунаги понимала, что скоро и им предстоит выйти на поле битвы. Оставалось только определить, отправятся ли они на запад, помогать Акэти и Тоётоми против клана Мори, или на восток, поддерживать Токугаву против Такэды.

Иногда я занимался с ними, иногда — отдельно. Вместе с ними я учился выверять движения своего тела, резко работать запястьями, чтобы резать мечом, а не размахивать и рубить. Без них я откладывал меч в сторону и тренировал только ноги, скользил на них вперед и назад и из стороны в сторону, постоянно держа их широко расставленными, стараясь научиться двигаться так, как нужно. Людям, которые раньше собирались на меня поглазеть, это наскучило, и они перестали приходить.

Иногда по ночам мне снились сны о людях из моей деревни, но не связанных у плавильной печи, а зарытых в песок по горло, пока португальские

работорговцы срезали с них кусочки кожи вместе с волосами с помощью заточенных стеблей бамбука, а потом поднимали к небу клочья плоти и волос и пускались в безумный пляс, громко обращаясь к своему богу на небесах.

Другими ночами я гулял. Днем я избегал появляться у церкви, не желая видеть священников или растущие толпы японцев, которые стекались к ним. Ночью же я позволял себе останавливаться возле нее. Работы шли быстро. Иезуиты благоразумно построили церковь меньших размеров, чем стоявшее по соседству синтоистское святилище — один из предметов гордости Нобунаги. Но все равно христианская церковь выглядела по-своему не менее внушительно.

Стены построили из плотно пригнанных камней разных оттенков, игра которых была еле уловима, но прекрасна. Дверь была из толстого дуба, привезенного за большие деньги, а рядом с ней оставался заостренный вверху продолговатый проем, пока заколоченный деревом, которое вскоре должно было уступить место витражному окну, заказанному отцом Валиньяно. Оно станет первым подобным окном в Японии.

Мое отношение к иезуитам было сложным. Среди них были и хорошие люди, и те, кому нельзя было доверять. Португальские священники, которым меня отдали вначале, обращались со мной как с животным, но Валиньяно, несмотря на предательство в Хонно-дзи, вел себя иначе. Они пре-

подали мне много суровых уроков, но и дали ценные знания о языках, культуре, истории. Их идея милосердия и прощения была достойной, хотя иные из проповедовавших ее и не были достойны произносить подобные слова, и я не знал, как отделить идею от людей, слова от поступков.

Краем глаза я заметил движение. Тень соскользнула по ступеням замка Адзути. Я был уверен, что это Томико. Пospешив за девушкой, я нагнал ее у ворот.

— Томико...

Она резко обернулась с таким же испугом на лице, как и в тот момент, когда Нобунага приказал мне поднять ее в Хонно-дзи.

— Простите, что напугал вас. И прошу прощения за то, что было раньше, если я слишком о многом попросил.

Последовало долгое молчание. Казалось, что она вот-вот расплачется, но когда она ответила, голос звучал уверенно.

— Я видела ваш танец. Он был... прекрасен.

Проглотив вдруг подступивший к горлу ком, я отвел взгляд и тихо ответил:

— Спасибо.

Она коснулась моей руки.

— Вы хотите понять нас. Вы не так уж о многом и просите. Идемте.

Она вывела меня за ворота. Стража была поставлена проверять тех, кто входил в замок, но почти не обращала внимания на выходящих. Мы

шли по дороге, спускаясь по склону горы, в полном молчании.

— Вы сюда уходите каждый вечер? — спросил я, когда мы достигли лежавшего на дне долины города.

Она не останавливалась. Под крышами некоторых лавок и домов еще горели редкие фонарики, и небольшие компании по три-четыре человека бродили по улицам, но в основном было тихо. Пройдя через весь город, мы оказались возле группы из полудюжины лачуг у самого края воды, где стояла такая темень, что с улицы я их даже не разглядел.

В дверях одной из них стояла женщина. Увидев меня, она резко посмотрела на Томико.

— Все хорошо, — сказала ей Томико и жестом предложила мне идти дальше.

В первую очередь меня ошарашил смрад — запах пролитой крови и плоти, едва тронутой разложением. Он вырвался из проема и резко ударил в нос. Этот запах был мне слишком знаком, но я никак не ожидал столкнуться с ним здесь. Задержав дыхание, я прикрыл нос рукавом рубашки.

Внутри хижина оказалась совсем крошечной: всего одна комната с циновкой-татами в углу, два полусгоревшими свечами и грудой из десятка голов на полу. Разинутые рты и глаза некоторых были устремлены в низкий потолок в вечном ужасе. Из ноздрей и ушей торчали небольшие клочки

бумаги, на которых было написано, кем был убитый и кто его убил.

— Это головы с запада, — выдохнул я.

Женщина оказалась одной из тех, кому было поручено обмывать головы. Они жили и занимались своим мрачным искусством, в котором холстами служили мышцы и кости, в хижинах на самом краю города, подальше от тех, кто считал их занятие отвратительным.

— Да, — произнесла Томико и опустилась на колени перед грудой голов — казалось, запах ничуть ее не беспокоил.

Женщина по-прежнему жалась к стене, опасно поглядывая на меня. Но мы с Томико не обращали на нее внимания.

— Я родилась в клане Мори, — продолжала Томико. — Меня выдали замуж в клан Сайто, и на службу к клану Ода я попала после разгрома Сайто.

— Я не понимаю.

Томико изучала головы, осторожно поднимая их и внимательно осматривая.

— Мои брат и отец — вассалы клана Мори. Я пришла сюда искать их.

Женщина, все так же безмолвно глазевшая на меня, еще сильнее вжалась в стену. Томико осторожно крутила в руках отрубленную голову, пока я пытался осмыслить ее слова. Вопросов было больше, чем я мог бы успеть задать. Испытывает ли она облегчение, не найдя среди этих голов своих родных? Злится ли она на Оду за то, что тот пошел

войной на семью ее предков? Может ли она изменить? Томико словно прочитала мои мысли.

— Война — второе название нашей страны. Мы выросли с ней и живем с ней каждый день. Нет смысла бояться ее, или ненавидеть, или выступить против нее. Она просто есть. Вам не понять нас, не поняв этого. Если здесь окажется голова моего отца или брата, я буду знать, что сразиться с ними сочли за честь.

Она положила последнюю голову на место, вытерла руки об одежду, вставая, и благодарно кивнула хозяйке. Томико протянула женщине монету, и та бросила на меня тревожный взгляд, прежде чем принять плату, и снова прижалась спиной к стене.

— А что вы будете делать, если... если они окажутся здесь? — спросил я.

Томико посмотрела мне в глаза и, высоко подняв подбородок, ответила без малейшего следа прежнего страха.

— Я окажу им почести. Обмою их головы собственными руками и дам им понять, что их любили.

Глава 21

Я проводил Томико обратно в замок. Стражники узнали меня и пропустили нас. Увиденное в домике у воды потрясло меня, но ее это, казалось, успокоило. Она не считала Нобунагу врагом. Война между кланами Ода и Мори была важнее, чем судьбы отдельных людей. Это было неизбежное противостояние, и для Томико выступать против него было так же бесполезно, как выступать против восхода солнца. Как ни странно, я понимал ее. Я подумал о португальских наемниках, о священниках-иезуитах. Это все равно что принять своего похитителя и служить ему.

Спустя несколько дней я встретился у главных ворот с Ранмару. После того танца меня не вызывали на службу. Когда до домика стражи наконец дошло известие, что Ранмару хочет меня видеть, я испытал смесь облегчения и тревоги. Он взмахом руки приказал распахнуть ворота и показал, что мы пойдем вниз по склону.

— Какие новости о войне? — спросил я.

— Тоётоми идет вперед. Акэти все еще сидит под стенами замка Яками. От Токугавы вестей поч-

ти нет, но если Токугава молчит, это обычно хорошая новость.

— Значит, думаешь, мы двинемся на запад?

— Нет. Токугава встретит Такэду Кацуёри раньше, чем Акэти или Тоётоми вступят в бой с Мори. Нобунага окажет уважение обоим кланам. Сначала он пойдет на восток, чтобы лично обезглавить клан Такэда, уничтожив Кацуёри. На запад он пойдет только тогда, когда Мори выступят в поход.

Я отогнал мысли о Томико, ожидавшей, что с запада вот-вот привезут головы ее брата и отца. Меня успокоила уверенность Ранмару, что вместо этого мы отправимся на восток против Такэды.

За разговором мы проходили мимо усадеб полководцев. Их жилища сами по себе походили на небольшие замки, построенные чуть ниже замка Нобунаги прямо у его главных ворот. Они напомнили мне троих мужчин, сидевших чуть ниже своего властелина на помосте в Хонно-дзи в тот вечер, когда я увидел их впервые: жилистого, вечно настроженного Тоётоми, поднявшегося из крестьян, дородного и недоверчивого Токугаву, освобожденного из неволи и вставшего во главе собственного клана и провинции, и лысеющего седобородого Акэти, поэта и философа, чей извилистый путь привел его из клана Сайто к сёгуну, а потом и к Нобунаге.

— Я поеду вместе с ним? — спросил я.

— Ты так рвешься воевать?

— Я рвусь служить. Война — то, чему меня учили.

— Разве тебя не учили танцевать? — на мгновение Ранмару посмотрел на меня с совершенно серьезным видом, но потом расплылся в улыбке.

— Ты хоть понимаешь, что я могу раздавить тебя одной рукой? — пошутил в ответ я.

— Хм... Пусть моя красота тебя не обманывает, — возразил он. — Я тебя не боюсь. Не то что другие.

— Боишься или нет, итог будет один.

В ответ Ранмару только выгнул бровь. Я решил, что его и впрямь не раз недооценивали из-за наружности. У него была внешность изнеженного дворянина, хоть в нем и не было ни следа высокомерия, свойственного подобным людям. Слова его часто бывали хвастливы, но действия показывали скромность слуги. При этом и слова, и действия часто были полны мелких любезностей. То, как он быстро и ловко вывел меня из зала после того, как отец Валиньяно отдал меня в Хонно-дзи, его поддержка и советы в вечер турнира сумоистов, как и его шуточные подначки во время выездов на охоту, были призваны успокоить меня, дать мне почувствовать себя желанным гостем.

— Я должен поблагодарить тебя... — начал было я, но он уже заговорил.

— В тот вечер ты выглядел расстроенным. Во время спектакля.

Я кивнул, откашлялся и уставился прямо перед собой.

— Представление наваяло... некоторые воспоминания.

— О доме?

— Да.

— Ты нечасто о нем говоришь.

— Я его никогда больше не увижу. Долгие годы мне казалось, что лучше забыть о нем.

— И ты до сих пор так считаешь?

Я вспомнил старика, говорившего на ломве, и первые дни моего рабства. Он поговорил от моего имени с португальцами, убедил их взять меня с собой. Если бы не его помощь, я бы, скорее всего, все еще трудился у них в рабстве. Когда я задумался, стоит ли мне уезжать, старик положил ладони на мои виски и притянул меня к себе.

— Твой народ — из деревни рядом с горой Намули, верно?

— У меня нет народа. Больше нет, — с горечью ответил я, но старик не обратил внимания на эти слова.

— Наверняка твоя мама рассказывала, как первая женщина вышла из пещеры на горе Намули и за ней вышло все живое?

Я кивнул и тут же вспомнил ее смех, доносимый ветром, когда она вместе с подругами бежала по дороге, увидел ее силуэт, коснувшийся тени отца на утреннем солнце, когда они прощались в последний раз.

— Некоторые из нас так никогда и не выходят из этой пещеры. Мы довольствуемся безопасностью

в ее темноте. Но ты молод, силен и отважен. Думаю, тебе суждено покинуть пещеру. Оставить свой след в этом мире.

Это он сказал, что я должен забыть мать и отца, забыть дом. Наверняка он до сих пор носил цепи, если еще был жив, и то, что он принял свою судьбу, не сделало его счастливее.

— А о чем был спектакль? Тот, что подлиннее, с женщиной, плакавшей у святилища?

— Томоэ Годзэн? — Ранмару заметно оживился, когда представилась возможность рассказать интересную историю. — Это одно из любимых представлений господина Нобунаги. Он читал наизусть отрывки в святилище Ацута, когда останавливался там помолиться перед сражением с Имагавой. Она — одна из наших самых почитаемых воительниц.

— Я видел, как женщины учатся. А в сражениях они участвуют? — спросил я.

— А там, откуда ты родом, женщины воюют?

— У нашей деревни не было сложностей с соседями.

— Ты вырос в мире, — хихикнул Ранмару. — Кто-то назовет это благословением, кто-то — слабостью.

Я вспомнил, как в нашу деревню пришли работорговцы и как не готовы мы оказались к их нападению, какое слабое сопротивление оказали. На мгновение меня охватил гнев, но я понимал, что

Ранмару не имел в виду ничего дурного, и сдержался.

— Деревнями нашего народа управляли женщины. В основном они возделывали землю, но они же решали, кто какие участки получит, как распределять еду и другие запасы, с кем торговать и сколько продавать. В браке обычно мужчина покидал свой дом и переезжал к женщине, и мелкие споры решали тоже они, хотя по более важным делам обращались к мвене. Их слово было решающим во всех вопросах. Это очень непохоже на здешние места, да и на многие другие, где я бывал.

— Наверное, поэтому вы и жили в мире, — произнес Ранмару, и я не понял, шутит он или нет.

Он не сбавлял шаг и продолжил рассказ, словно его и не прерывали:

— Женщин, которых ты видел во дворе, называют «онна-бугэйся». Они не идут вместе с мужчинами в бой, но учатся оборонять замок и город на случай, если Адзути подвергнется нападению в отсутствие наших войск. Томоэ Годзэн была онна-муша, женщиной-самураем, отличившейся в сражениях. Пишут, что она одна стоила тысячи солдат, вооруженная мечом или луком, и была готова сражаться хоть с демоном, хоть с богом, хоть конной, хоть пешей. Она служила Ёсинаке из клана Минамото во время Войны Гэмпэй и всегда была первой из командиров, кого он посылал в бой. В пьесе призрак Томоэ Годзэн молится у святилища, где похоронен ее любимый господин Ёсинака.

Она рассказывает странствующему монаху о его последней битве и последнем приказе. Ёсинака командовал разгромом клана Тайра и привел Миnamото к власти, но его предал собственный двоюродный брат Ёритомо. Когда Ёсинака был тяжело ранен при Авадзу, Томоэ уговорила его покончить с собой и поклялась тоже совершить самоубийство, но Ёсинака приказал ей жить и доставить его амулет и кимоно обратно в родную провинцию. Она вышла навстречу отряду солдат Ёритомо. Те ее не узнали, и она, притворившись испуганной, побудила их напасть и зарубила всех. Тем самым она дала своему господину Ёсинаке время умереть от собственной руки с достоинством. Она вернулась к его телу за амулетом и кимоно. В пьесе она скорбит о том, что не смогла присоединиться к своему господину в смерти, но исполнила свой долг.

— А ты бы так поступил? — спросил я, заранее зная ответ. — Ты бы совершил сэппуку, если бы господин Нобунага потерпел неудачу?

— Без колебаний, — с гордостью ответил он.

— А если бы он приказал тебе жить?

Ранмару умолк, словно никогда прежде даже не задумывался над этим. Потом выражение его лица изменилось, и вместо ответа он ткнул пальцем:

— Мы пришли.

Мы остановились примерно на полпути на склоне горы, чуть ниже домов жены Нобунаги и его наложниц, примерно на том уровне, где жили высокопоставленные слуги и пажи. Ранмару указал

на двор скромного дома, построенного из сосны. Вдоль короткой дорожки к дверям росли цветущие сливы и магнолии, а из-за дома доносился тихий плеск не то лягушек, не то рыбы в небольшом пруду.

Ранмару открыл дверь, и я вошел следом. В проеме мне даже не пришлось пригибаться. Потолки в доме оказались необычно высокими. Мы вошли в небольшую приемную, а потом, через еще одну дверь, в комнату побольше. Большую часть пола занимала циновка-татами. Окно выходило на пруд за домом, и солнечный свет пробивался сквозь ветви цветущих во дворе деревьев. В дальнем конце татами стояли двое юношей в простых желтых кимоно. Они поклонились, когда мы вошли.

— Это твои слуги. Надеюсь, ты будешь обходиться с ними так же хорошо, как хорошо они будут служить тебе.

— Не понимаю... — ошеломленно пробормотал я.

— А что тут понимать? — рассмеялся Ранмару, глядя в потолок. — Этот дом ведь явно построен для великана. Ты же не думал, что будешь вечно жить в домике для стражи?

Я снова оглядел комнату, уже свежим взглядом. Дерево стен лоснилось от влаги и местами еще оставалось зеленым, свежесрубленным.

— Это мое? — пробормотал я.

Большую часть своей жизни я спал в палатках или под звездами. Когда я спал под крышей, она

всегда принадлежала кому-нибудь другому. Я был ошеломлен и не знал, что ответить.

Я поклонился слугам и подумал, не дать ли им какое-нибудь задание в знак уважения к их службе. Но прежде мне не приходилось приказывать людям, разве что во время боя, и я так и не придумал распоряжений. Ранмару положил ладонь мне на плечо.

— Еще кое-что.

Мы вернулись на вершину горы, вошли в ворота, и Ранмару провел меня мимо почти достроенной иезуитской церкви туда, где стояло синтоистское святилище. На его ступенях меня ждал Нобунага, одетый в торжественное пурпурное кимоно с шитыми золотом узорами.

— Скоро вернусь, — поклонился Ранмару.

Нобунага кивнул ему, и Ранмару ушел. Я начал благодарить Нобунагу за подарок, но он отмахнулся.

— Ты ведь был совсем мальчиком, когда тебя захватили, верно? Ты помнишь о доме?

— Немного, мой господин. Я не часто о нем думаю, но если и вспоминаю, то ощущаю скорее пустоту. Я помню некоторые обычаи своего народа, но меньше, чем уже успел забыть или никогда не знал. Помню подробности о местах и людях, но редко вспоминаю ощущения. Воспоминания, когда они приходят, кажутся чужими.

— Хм... Моя родная провинция Овари совсем недалеко отсюда, но воспоминания о ней у меня такие же. Да, отчетливые, но какие-то пустые, лишённые привязанности. Как будто все происходило с кем-то другим. Но есть одно событие, которое осталось со мной навсегда.

Нобунага спустился на несколько ступенек и теперь стоял лишь чуть выше меня.

— В юности я был безрассуден. Даже дерзок. Считал своего отца и его воинов слабаками. Меня злило то, насколько низкого мнения о нас были другие кланы, и в этом я винил их. Тогда я не понимал, что мои собственные действия тоже позорили нас. Я одевался неряшливо, уделял мало внимания делам провинции, ее людям. Отец склонялся к тому, чтобы назначить наследником моего старшего брата, хоть тот и был незаконным. Я часто ссорился с ними, даже в присутствии слуг и простолюдинов, даже если советы, которые они давали, были мудры. Люди стали шептаться о моем высокомерии. Худший свой проступок я совершил на похоронах отца. Вместо того чтобы отдать ему почести, я швырнул чашу с благовониями и обругал его тело.

Кажется, это воспоминание покорило Нобунагу.

— Меня называли «Дураком из Овари». По всей Японии меня видели именно таким, насмехались надо мной, над нашим кланом, над нашей провинцией. И были правы.

— Но теперь они все вам кланяются.

Он небрежно отмахнулся от моих слов.

Повернувшись ко мне спиной, Нобунага стал разглядывать святилище. Валиньяно был бы не в восторге от того, что синтоистское святилище стоит рядом с его новой церковью в Адзути, но если Нобунага сумеет объединить под своей властью всю Японию, у Валиньяно и иезуитов не останется выбора, с кем сотрудничать и что принимать.

— Я сам руководил строительством этого храма. Несколько недель камни везли сюда на быках, множество работников затаскивало их на место. На холме целыми днями играл женский оркестр, чтобы музыка подбадривала строителей.

Нобунага снова обернулся ко мне, и в глазах его вспыхнул огонек.

— Я назвал этот храм Масахидэ-дзи. Когда отец умер, его свита была так озабочена моим поведением, что возник заговор, чтобы поставить во главе клана моего брата. Они не хотели, чтобы кланом Ода руководил «Дурак из Овари». Но один из приближенных отца, самурай по имени Масахидэ, отказался покинуть меня. Он собрал остальных самураев в святилище в Овари. Там он зачитал написанное им письмо, в котором говорил, что сожалеет о моем поведении, но надеется, что я смогу принять на себя обязанности и возглавить клан Ода с честью. После этого он совершил сэппуку. Он встал на циновку в центре святилища и малым клинком танто пронзил себя, а потом

дернул лезвие вверх и поперек живота. После этого его юный паж, помогавший ему в обряде, обезглавил Масахидэ его собственной катаной, нанеся мастерский удар, оставивший нетронутым тонкий слой кожи на горле, чтобы голова его хозяина не коснулась пола. Это давний обычай самураев, но прежде я никогда не видел, чтобы кто-то его исполнял. И это случилось из-за меня. Потому что я и впрямь был дураком. Каждый свой день я проживаю с осознанием стыда оттого, что Масахидэ пришлось отдать свою жизнь, чтобы наставить меня на путь истинный, и я прихожу сюда каждый день, когда бываю дома в Адзути, чтобы напомнить себе об этом. В тот день Масахидэ научил меня ответственности, чести, самопожертвованию. В тот день Масахидэ показал мне, что значит быть самураем. И я воздвиг это святилище в память о нем. И как напоминание о том, каким дураком я сам был когда-то.

Мне захотелось что-то сказать, но я не мог подобрать слов. Казалось, Нобунага искренне расчувствовался.

— Я однажды спросил у тебя, во что ты веришь. Позволь рассказать тебе, во что верю я. Я верю в Японию. Верю в наши обычаи, наши традиции, нашу историю. Но я также верю, что мы должны принимать перемены. Мы должны чтить свои обычаи, но не позволять им сдерживать нас. И я верю, что мы слишком долго сражались друг с другом и должны снова стать одним

целым. Теперь ты свободный человек, Ясукэ. Раб верит в то, во что ему приказывают верить. А во что веришь ты?

Я поклонился ему до земли. Слова Нобунаги словно вышибли из меня дух. Я часто задумывался о природе свободы, но редко размышлял о ней с практической стороны. То, что казалось мне свободой, было лишь мелкими возражениями, которые Валиньяно просто терпел, или советами в вопросах стратегии. Что же означает подлинная свобода здесь, в этой стране?

Я не знал. Но был уверен в одном: если теперь я сам имею право выбора, то выберу остаться здесь. Я был готов отдать свою жизнь за Нобунагу в первый день служения ему, потому что это был мой долг. Теперь же я готов был поступить так независимо от службы. Меня подарили ему как вещь, но он отнесся ко мне как к человеку. Он кротко сидел в пыли рядом со мной. Если я действительно свободен, то хочу использовать эту свободу, чтобы стоять рядом с ним, защищать его от врагов. Я понимал, за что готов сражаться, и в этот момент такой свободы мне было достаточно.

— Я верю в честь, — ответил я. — Верю в верность, службу и самопожертвование. Всю свою жизнь я сражался за дело других людей, но если вы примете меня, буду сражаться за ваше дело, как за свое собственное.

Нобунага кивнул.

— Войди.

На верхней ступеньке ждали двое слуг Нобунаги. Они открыли двери святилища. Внутри стояли две деревянные стойки. На одной лежала пара мечей, а на другой — комплект доспехов огромного размера. Слуги молча начали снимать доспехи со стойки и помогать мне надевать их.

Я уже был одет в короткие штаны, рубашку с поясом и башмаки. Они вручили мне тканые поножи, которые я натянул поверх штанов. После этого я привязал наголенники и выпрямился, пока на поясе затягивали ремни доспеха, напоминавшего юбку. Затем последовали перчатки и наручи, за ними — нагрудник, прикрывавший еще и плечи. Доспех был черный с единственным золотым цветком айвы — эмблемой Оды — на груди. Шнурки доспеха были кроваво-красные и были подвязаны так, чтобы не мешать движениям. Наконец, вокруг меня дважды обернули кремового цвета пояс и туго затянули. Когда все было готово, слуги отступили.

Я понял, что доспехи, как и дом, сделали специально для меня. Это была не какая-то прихоть Нобунаги, а давно спланированный поступок. Его лицо оставалось бесстрастным, и, несмотря на свое воодушевление от новых доспехов, я понял намек уважать торжественность момента.

Ножны обоих мечей были черные, рукояти — красно-золотые с ромбовидным узором. Я осторожно взял их по очереди со стойки и просунул ножны за пояс. Когда я обернулся к Нобунаге,

вернулся Ранмару. Он передал Нобунаге мой шлем — совершенно черный, с коротким, изогнутым вверх носорожьим рогом, торчащим посередине. Тем самым рогом, что я вырезал, покрасил в серый цвет и прикрепил к маске, которую подарил Нобунаге. Забрала не было. Я опустился на колени перед Нобунагой, и он водрузил шлем мне на голову.

— Пусть видят твое лицо, — произнес он. — И разбегаются в страхе.

Глава 22

Никогда прежде самураем не становился человек, не родившийся в Японии. Горожане, стражники и асигару теперь должны были кланяться в моем присутствии. От обязанностей стражника меня освободили, чтобы все свое свободное время я мог посвящать тренировкам и уходу за простым домом с садом и прудом, который мне предоставили, хотя большую часть работы выполняли пара слуг, которых мне поручили.

Чтобы избавиться от лишних мыслей, я упражнялся. Теперь у меня был собственный сад, и не было нужды отрабатывать движения на клочке открытого пространства за домом стражников на глазах у толпы. Я уходил с солнца в тень и обратно на солнце под сенью сливы и кипариса, и наблюдали за мной лишь лягушки да птицы. Сходил с мощеной дорожки на мягкую землю сада, стараясь не наступать на растения, чтобы практиковаться на нетвердой поверхности. Вероятность биться в грязи или снегу была не меньше, чем на камнях, и нужно было подготовиться ко всему.

Я скользил вперед-назад, шагал в сторону, поворачивался и повторял движения снова, не вынимая мечей из-за пояса. Я представлял стоящего передо мной противника. Наблюдал за его руками, ногами глазами, и только в подходящий момент выхватывал меч и наносил единственный удар сверху вниз от макушки врага.

Выпрямившись, я убирал катану в ножны и начинал заново. Вперед, назад, вперед, влево, вперед, потом взмах катаны одной рукой поперек его поля зрения, чтобы заставить парировать, и выпад коротким вакидзаси левой рукой прямо в грудь. Убрав мечи, я снова вставал в стойку.

По вечерам меня обычно приглашали в замок поужинать с Нобунагой, то вместе с Ранмару и другими самураями, то наедине. Мне выдали еще немного одежды и небольшое пособие. Впервые в жизни мне платили.

Меня беспокоила реакция других самураев и простолюдинов. Я был чужеземцем, возвысившимся до почетной должности, но это могло вызвать как уважение, так и неприязнь. Популярность я завоевал на помосте для сумо. Куда бы я ни шел, люди кланялись, улыбались, а иногда и радостно кричали при виде двух мечей, заткнутых за мой пояс, понимая, что это значит.

Я отвечал на их поклоны, теперь больше заботясь о соблюдении обычаев. Мне не хотелось навлечь позор на Нобунагу или себя самого. Мне

оказали честь, но было понятно, что нужно еще постараться, чтобы доказать, что я этой чести достоин. По вечерам в своем новом доме я учился сидеть на коленях, есть и говорить.

Слуги ждали от меня распоряжений, но мне нечего было им приказывать, поэтому они убирали в доме, готовили еду, ухаживали за садом и поливали его, заботились о моих успехах. Руки мои испытали то, чего не испытывали никогда прежде, — праздность.

Я посмотрел на свои пальцы, узловатые, мозолистые и толстые от мышц и шрамов. Они касались стен пещеры, служившей шахтой в моей деревне, смоленых стен португальских крепостей, весел их кораблей, тряпки, которой я мыл полы в семинарии, изящных мечей, копий и луков в школе наемников в Индии.

Эти же руки никогда не обнимали любимую, не касались мягкой кожи ее щек, не гладили ее кос. Эти умели убивать, но никогда никого не ласкали. Эти руки были готовы держать что угодно ради выживания, но в конце концов оказались пустыми и, возможно, так пустыми и останутся.

— Исаак.

Я отнес копые к кузнецу на заточку и теперь ждал во дворе. Имя я сначала не узнал и не сразу понял, что когда-то меня звали именно так. Подняв голову, я увидел знакомые одеяния приближаю-

щихся иезуитов. Улыбчивое лицо брата Органтино и суровое выражение на лице отца Валиньяно.

Я снова почувствовал, что меня охватывает отвращение, но потом успокоился, вспомнив о прежней верности. Я невольно поклонился им. От старых привычек бывает трудно избавиться.

— Приветствую вас.

— Ты одет прямо как настоящий японец.

Как и всегда у Валиньяно, было непонятно, означают ли его слова похвалу или издевку. Его взгляд упал на красно-золотые рукояти мечей, висевших у меня на поясе, и хотя я носил их с гордостью с того самого момента, как мне их вручили, этого взгляда хватило, чтобы омрачить мою гордость, и я опустил одну руку на пояс, чтобы прикрыть их.

— Хорошо выглядишь, — вмешался Органтино. — Мы рады видеть тебя таким.

— Благодарю вас, брат. У меня все хорошо. Что привело вас сюда?

Уже много недель я говорил только по-японски, и перейти снова на португальский оказалось не так-то просто. Я вспомнил, как священники в нашей маленькой семинарии наказывали меня всякий раз, когда я ошибался в произношении слов, но также не мог не вспомнить, как терпеливо отец Валиньяно впоследствии поправлял меня, когда учил японскому. Португальские слова теперь казались мне чужими. Приходилось задумываться

во время разговора, и это неудобство ставило меня в положение обороняющегося.

— Нас позвали надзирать за завершением строительства.

— Ты рад, что у тебя снова будет место для молитвы? — безучастным тоном спросил Валиньяно.

Я посмотрел в глаза тому, кто отдал меня.

— Не сомневаюсь, что это будет красивая церковь. Уверен, она будет стоить той цены, которая за нее уплачена.

Органтино потупил взор, но выражение лица Валиньяно не изменилось.

— Любая цена была бы незначительной. С этим согласился бы любой верный слуга церкви.

Тон его был вопросительный. Он прощупывал, может ли по-прежнему рассчитывать на мою верность. Я попытался скрыть от него свои чувства, но знать тактику Валиньяно еще не значило уметь от нее защищаться, и я отвел взор.

Кузница была открыта, и я смотрел, как кузнец точит мое копьё, высекая искры из наконечника каждым движением точильного камня. Рядом с ним оружейник сплетал вместе металлические пластинки размером с половину ладони, пропуская нить через отверстие в углу и собирая из них ряд, а затем скрепляя между собой ряды, чтобы сделать легкий и гибкий нагрудник. Другой полировал деревянный приклад, который потом будет высверлен под ствол аркебузы, которая качеством

не будет уступать оружию, на торговлю которым так сильно полагались иезуиты.

Если Валиньяно и был удивлен, увидев ее изготовление, или вообще заметил это, то не подал виду.

— В Японии отличное дерево, а в умении выбрать хороший камень им, должен сказать, нет равных. Не сразу удалось объяснить их ремесленникам, что такое витражное стекло, но они принялись за работу довольно умело. Думаю, храм будет великолепен.

— Значит, церковь будет выглядеть как положено церкви, — подытожил я.

Валиньяно нахмурился, услышав мой тон.

— Это шаг вперед. Церкви, построенные в виде местных святилищ и храмов, всегда были только началом. Способом принести покой тем, кто сомневается в желании узнать Слово Божье. Но существует разница между тем, чтобы узнать Слово Божье, и тем, чтобы принять его. Принятие требует отказа от привязанности к старым обычаям. Думаю, многие здесь к этому готовы. Как ты считаешь?

— Значит, ваше путешествие увенчалось успехом?

Мы на мгновение встретились взглядами. Валиньяно стоял ко мне вполоборота. Он задумчиво погладил подбородок, потом повернулся ко мне лицом и ответил:

— Да, оно получилось вполне успешным. Многие готовы услышать нас. Но, как я тебе уже когда-то говорил, чтобы распространить наш голос, нужны ресурсы. Я слышал, что Нобунага несколько... озабочен нашим контролем над портом в Нагасаки.

— Похоже, у вас, как обычно, шпионы есть везде.

Валиньяно с отвращением покачал головой.

— Мы не прибегаем к услугам шпионов. Однако ты и сам понимаешь, как важно знать, что происходит. И ты точно так же понимаешь значение Нагасаки для нашей миссии здесь. Это не просто форпост, но и источник финансирования наших трудов. Разве тот, кто будет править всей страной, откажет нам в такой мелочи?

— Вы никогда не требуете «мелочей». И вам прекрасно известно, что мне приходилось видеть армии, сражавшиеся и за меньшее.

— И Нобунага действительно собирается так поступить?

— Я не могу говорить за своего господина.

— Зато я говорю за своего. И Его словами нельзя пренебрегать.

За моей спиной возник кузнец.

— Ваше копьё готово.

Он коротко поклонился мне и вернулся в кузницу, а Валиньяно улыбнулся.

— Хорошо, что тебя здесь уважают. Ты всегда был хорошим слугой, и надеюсь, что всегда обра-

щался с тобой соответственно. Полагаю, ты и дальше будешь нам полезен.

Валиньяно отвернулся прежде, чем я успел ответить, и брат Органтино, бросив на меня короткий виноватый взгляд, последовал за ним. Не в силах шелохнуться, я смотрел им вслед и успокоился только тогда, когда они скрылись из виду.

Глава 23

Я не встречал служителей Бога, пока меня не продали сначала наемникам, а потом церкви. Среди моего народа были земледельцы, торговцы и ремесленники, но больше всего было рудокопов. Жители нашей деревни каждый день ходили к дереву мсоро, оставляли там дары и молились о здоровье своих близких, о безопасной работе в шахтах и о хорошем урожае, но в остальном религия не играла в нашей жизни большой роли.

Португальские священники, выторговавшие меня и давшие мне имя, учили своим верованиям тем способом, который считали лучшим. То есть долгими днями трудов и телесных наказаний за малейший проступок.

Когда до семинарии дошла весть о визите какого-то важного гостя из Италии, местные священники совсем потеряли голову. За несколько недель до приезда отца Валиньяно священники начали осматривать каждый закоулок на церковной земле, устраивая болезненную порку даже за самый незначительный непорядок. Они встали на колени и склонили головы перед тенью рослого итальянца еще до того, как он успел переступить порог.

Угостив посетителя лучшим мясом и вином, которое им только удалось раздобыть, священники выставили перед Валиньяно сыновей благородных семейств для чтения Писания, но тот отослал их прочь и указал на меня.

— Кто это?

Священники оробело переглянулись. Наконец, один из них вышел вперед.

— Мы назвали его Исаак. Он...

— Ваш ученик, полагаю, — перебил его Валиньяно. — Во всяком случае, одет как ученик.

Он жестом подозвал меня, и я вышел представиться ему.

— Ты знаешь катехизис?

Я ответил ему на латыни, в безупречности которой был совершенно уверен, и хотя Валиньяно и бровью не повел, чувствовал позади трепет португальского монаха и упершиися в мою спину взгляды других учеников. Валиньяно посмотрел на жареную курицу, овощи и пирог, все еще лежавшие перед ним, но, казалось, вдруг утратил интерес к еде. Португальский священник кашлянул, и я вернулся на свое место в углу трапезной.

Позднее тем же вечером меня снова вызвали в трапезную. Там за небольшим столом сидели Валиньяно и трое местных священников. Я опустился перед ними на колени.

— Ты исповедался?

— Мы не сочли нужным... — заговорил один из священников.

— По-вашему, у него нет души? — резко спросил отец Валиньяно. — Зачем нам отправлять миссионеров в самые дальние уголки света, если мы не верим, что тамошние жители — Божьи создания?!

Священник не нашелся, что ответить, только покраснел и состроил кислую физиономию. Меня восхитил этот человек, внушавший такое уважение, что одного лишь его неодобрения было достаточно, чтобы ранить других.

— Оставьте нас.

Священники поспешили покинуть трапезную, склонив головы и поддернув рясы. Этот жест напомнил мне, как мать, поддернув юбку, бежала по дороге к деревне и как ослепительно она при этом улыбалась. Я выбросил воспоминание из головы так же быстро, как оно всплыло в памяти.

— У тебя есть шрамы. Ты получил их здесь?

Я покачал головой.

— Это было раньше. Я был солдатом.

— Ты слишком молод для солдата, — фыркнул Валиньяно.

Когда я не ответил, он наклонился вперед, поднял мой подбородок и чуть повернул голову, словно оценивая находку.

— Где?

— В Индии. С людьми, которые привезли меня сюда.

— Ты выжил, — заметил он, отпуская мой подбородок. — Должно быть, ты тоже оставил кому-то шрамы. Ты убивал людей?

Я неуверенно кивнул.

— Ты знаешь, что это — смертный грех?

Я снова кивнул, готовясь услышать, как он прикажет меня выпороть, а то и что-нибудь похуже. Он откинулся на спинку стула.

— Будем считать это твоей исповедью. Пусть она и проведена не по правилам, но пока сойдет и так.

Через несколько дней после исповеди у Валиньяно в португальской церкви мне приказали собирать вещи. Сказали, что я поеду с ним.

— Значит, мои грехи прощены?

— В прощении нет нужды. Ты делал то, что должен был делать. Разве необходимый поступок может быть дурным?

Собирать мне было нечего, поэтому я вышел из португальской семинарии следом за Валиньяно с пустыми руками и одетый лишь в царапучую шерстяную рясу послушника. В первую очередь мы зашли к портному, и, пока тот снимал мерки и кроил, Валиньяно начал меня учить.

Он рассказал, что приехал в Португалию не за людьми, а за кораблями. Воды, в которые нам предстояло отправиться, были лучше всего знакомы мореходам Португалии и протестантской Голландии. По его словам, семинария, куда меня отдали, была своего рода «свалкой» для младших детей из благородных семейств. Что из старших сыновей растили наследников, вторых сыновей растили для

страховки на случай, если что-нибудь произойдет со старшими, а третьих, четвертых и пятых отправляли в семинарии и школы, где они могли добывать славу для семейного имени, не обременяя семейные финансы.

Он рассказал о своих планах. О том, что, по его мнению, предшественники потерпели неудачу, пытаясь бескомпромиссно насаждать христианство в других землях. Он считал, что церковь должна вплетать слово Божье в местные обычаи, языки и мифы, а не требовать отказа от них. Он собирался встроить свою религию в их верования. Он был уверен, что наживет себе врагов и ему понадобится защита.

Тогда я почти ничего не понимал из его слов и еще меньше понимал, чему из сказанного можно верить. Я молчал и только кивал, когда казалось, что его нужно чуть-чуть подтолкнуть к продолжению. Он сразу мне понравился.

Когда портной закончил работу, Валиньяно осмотрел новую одежду.

— Сделайте еще два комплекта, — сказал он. — Один — на размер больше, а другой — еще на размер больше. Нам предстоит долгое путешествие. Он еще вырастет.

Путешествие из Португалии в Японию заняло почти пять лет с остановками в Гоа и Макао — португальских портах, соответственно, в Индии и Китае.

На палубе или на камбузе корабля отец Валиньяно учил меня истории Японии, ее обычаям и языку. Я уже изучил португальский и неплохо знал латынь, но японский оказался на них совсем не похож. Он давался мне с трудом, но Валиньяно проявлял терпение.

Потом его уроки также охватили европейское военное дело, торговлю и, разумеется, дела церковные, причем последние два предмета он считал взаимосвязанными.

— Печально, что приходится полагаться и на такие мирские вещи, но миссии обходятся дорого — новые семинарии, школы, печатни. Без этого нести наше слово невозможно.

В Макао Валиньяно испытал потрясение, выяснив, что никто из священников так и не научился говорить по-китайски, и тут же отправил письмо с требованием прислать лучших церковных языковедов. Улицы кишели бандитами, и некоторые из них наметили священника своей целью. Они заводили нас в укромное место, а иногда и подстерегали прямо на виду у толпы, зная, что те не вмешаются. В таких случаях я выходил перед Валиньяно, выпрямлялся во весь рост и смотрел в глаза тому из бандитов, которого считал самым смелым. Иногда доходило до драки, но чаще они ускользали, чтобы попытаться счастья с более легкой добычей.

В Гоа мы ходили по базарам, напомиравшим мне тот, на котором меня продали в первый раз. Вокруг были прилавки с жемчугом, кораллами, фарфором,

бархатом, перцем и лекарственными снадобьями, но больше всего было пряностей. Они лежали целыми барханами всевозможных цветов и ароматов.

На улицах рядом с базаром продавали африканцев и индийцев. Их выталкивали по одному на высокий помост, показывая толпе. Одни были напуганы, другие растеряны, и я не мог смотреть на них, не представляя себя там, на их месте.

Я видел, как рабов водили в порт и из порта Гоа, и все это время Валиньяно был рядом. Я понимал, как больно и трудно им идти, в каком они смятении, как покорны они после всех трудностей долгого путешествия, но также видел и пугающую искорку надежды в конце пути, неугасимой надежды, которая может лишь усилить их страдания. Не в силах ничего поделать, я опускал голову, чтобы не встретиться с ними взглядом. Через несколько дней отец Валиньяно, не сказав ни слова, поменял наш маршрут, делая крюк на целый час, чтобы обойти базар стороной.

Я считал его другом.

Глава 24

Тем вечером за ужином Нобунага объявил:

— Утром выступаем на восток.

Его слова придали обычно непринужденной трапезе внезапную торжественность. Нобунага продолжил речь.

— Токугава выкурил оставшихся вождей Такэда из убежища и обратил в бегство. Он полагает, что они направляются к Тэммокудзану. Мы должны быстро их нагнать.

Братья Огура и Дзингоро согласно кивнули. Как обычно, волосы Огуры были стянуты на затылке в строгий пучок, а Дзингоро свободно распустил свои по плечам. Нам принесли новые дощечки, на которых стояли тарелки с каштанами, водорослями и моллюсками и чашечки с саке. Я хранил молчание.

— Какие новости о войне? — спросил Огура. — Как идут дела у наших полководцев?

— Тоётоми быстро продвигается по южной дороге, но Мори по-прежнему ничего не предпринимают. На северной дороге Акэти... застрял.

— Неудивительно, — фыркнул Дзингоро. — Пронырливая мышь добьется успеха, пока старик торчит на месте.

Не обращая на него внимания, Ранмару продолжил:

— Акэти не сумел взять замок Яками измором, но договорился о его сдаче.

— Он все еще в провинции Танба? — пошутил Дзингоро. — Пожалуй, если мы выглянем в окно, то увидим хвост его лошади.

— Каковы условия сдачи? — тихо спросил Огура.

— Обмен заложниками. В обмен на сдачу замка Яками, Акэти пообещал безопасность клану Хатано. Хатано Хидэхару прибудет сюда, в Адзути, чтобы служить господину Нобунаге. Мать Акэти отправится служить в дом клана Хатано.

Эта новость вызвала за столом презрительные усмешки. Я представил себе лица стражников, когда они об этом узнают, вспоминая их шутки о том, что Тоётоми будет пробивать себе путь на запад силой оружия, а Акэти — уговорами.

— Он отдает в заложники собственную мать, хотя у Хатано нет ни единой возможности победить!

— К тому времени, когда Акэти нагонит Тоётоми, он останется вообще без семьи!

— Может быть, ему просто не терпелось избавиться от собственной матери, раз он так легко ее отдал?

Братья рассмеялись, но Ранмару быстро заставил их замолчать.

— Позвольте напомнить вам, что Акэти сейчас в поле ведет вперед тысячи людей, пока вы сидите за столом нашего господина в тепле, уюте и сытости. Приберегите смех. Вы скоро и сами будете готовы отдать собственную мать за удобную постель.

Получив отповедь, братья закивали. Нобунага даже не оторвал взгляда от своей миски и, казалось, не разделял взгляда Ранмару на происходящее.

— Я отозвал Акэти. Южная дорога кажется мне более многообещающей. Тоётоми сумеет сам выманить Мори. Дипломатия играет свою роль, но Акэти платит слишком высокую цену за слишком незначительный приз. Мы не можем встретить Мори ослабленными. Акэти получил новый приказ — отвести своих людей на восток и встретиться с нами. Я приказал ему лично доставить семью Хатано сюда, в Адзути, и выехать к нам.

— Акэти будет недоволен тем, что его отзывают с запада.

— Акэти верен. Меня не волнуют его чувства в этом вопросе. Он получил приказ.

Люди за столом согласно забормотали. Ранмару обернулся ко мне.

— Тебя что-то беспокоит? Ты все рвался в бой, а теперь, когда это вот-вот случится, вдруг сидишь с кислым видом, как будто лимон проглотил. Неужели наш гигант испугался?

Он сказал это шутливым тоном, вызвав смешки у остальных, хоть и беззлобные. Когда я не ответил, Нобунага поднял голову.

— Здесь все говорят свободно.

Я доел и поставил тарелку с миской на дощечку.

— Иезуиты останутся здесь?

— Тебя это беспокоит?

Я сжал и разжал кулаки, не зная, что ответить. Мне не было причины злиться и протестовать против их присутствия, но встреча с ними во дворе послужила очередным напоминанием, что я видел союзников в тех, кто видел во мне лишь собственность.

— Следовало предупредить тебя об их приезде, — произнес Нобунага, и это было самое близкое к извинению, что он мог сказать в присутствии своих людей. — И все же — да, они остаются здесь. Они — мои гости, и все будут обращаться с ними соответствующим образом.

— Разумеется, — согласился Ранмару. — Но мне и самому любопытно, мой господин... Зачем вы принимаете этих священников, если ваши собственные оружейники научились делать аркебузы почти такого же качества, как португальские?

— От иезуитов есть польза и помимо оружия. Их идеи распространяются, и это вселяет в буддистских и синтоистских священников некоторое... беспокойство. Они не станут создавать нам проблемы, если все их внимание будет обращено на иезуитов.

— И все же они владеют нашим важнейшим торговым портом, — осмелел Ранмару.

— Все японские земли объединятся под нашим знаменем независимо от того, кто сейчас ими владеет — чужеземцы или кто-то из нас. Пока же у нас остаются другие враги, которых необходимо победить.

— Значит, они все же враги? — тихо спросил Огура.

Все взгляды сошлись на мне, и я на миг задумался, пытаюсь отстраниться от личных чувств, чтобы дать самый верный ответ.

— Валиньяно не считает никого из людей своим врагом. Но у него есть свои цели, и он всегда считает свое дело правым. Он может... упорствовать.

Остальные задумчиво закивали.

— Возможно, не следует допускать, чтобы их идеи распространились слишком широко, — продолжал настаивать Ранмару.

Нобунага насупился и резко ответил:

— Не распространятся. Я об этом позабочусь.

После недолгого напряженного молчания Нобунага обратился ко мне:

— Ты когда-то спрашивал об истории вторжения монголов и «Божественном ветре». Почему я выбрал именно ее в тот вечер, когда тебя привели ко мне. Что ж, я расскажу. Токугава говорил тебе о битве у Окэхазама, верно?

Я кивнул.

— Силы клана Имагава превосходили нас двенадцать к одному. У меня не было никаких причин выступить против них, кроме одной — я верил. Я верил, что мы победим, несмотря на их превосходство. Клан Имагава, пресыщенный быстрыми победами, разбил лагерь в долине, где я играл мальчишкой. В долине, которую я знал как свои пять пальцев. Я принял это как знак. По пути я остановился в святилище Ацута. Пока Имагава Ёсимото пил саке и разглядывал головы павших воинов нашего клана, я молился. А после молитвы я сел на коня и гнал его, что было сил. Когда мы подъехали к концу долины, люди Имагавы валились с ног кто от усталости, кто от выпивки, а кто и от того и другого разом. Но их все равно было слишком много. Нам все равно нужно было чудо. И мы его получили. Небеса разверзлись, и дождь хлынул с такой силой, что нельзя было разглядеть ничего в нескольких шагах от себя. Под прикрытием бури мы подъехали к самому краю их лагеря. Они узнали о нашем появлении только тогда, когда почувствовали наши стрелы в своих животах, наши копья в своих шеях. Они вскочили, побежали и рассеялись, а мы смяли остатки их войска. Буря налетела в тот самый момент, когда она была нужна, и стихла, едва нужда в ней отпала. Ты слышал историю о вторжении монголов и понял ее как рассказ о чужеземных захватчиках, задавивших числом войско Японии. Я же вижу в ней рассказ о том, как Япония сама защитила себя. Точно так же, как

она выступила на стороне нашего клана, послав бурю против Имагавы в ту ночь, когда нам грозила самая страшная опасность. Когда я выбираю, во что верить, эта вера непоколебима. Я верю в каждого из собравшихся здесь и верю в тебя. Теперь ты — мой самурай, Ясукэ. Пусть отец Валиньяно считает тебя товаром. Но я так не считаю.

Все вокруг закивали и подняли свои чашки, приветствуя меня. Я взял свою чашку.

— За нашего господина Нобунагу.

Мы выпили.

— Тенка фубу, — тихо произнес Огура, поставив свою чашку обратно на поднос, и каждый из присутствующих по очереди повторил эти слова.

— Тенка фубу, — последним сказал я.

Земля под властью одного меча.

— Завершайте трапезу, — приказал Нобунага. — Навестите родных, отдайте распоряжения по хозяйству. Завтра мы едем на войну.

Часть III

ТЕНКА ФУБУ

Токугава:

Птичка-птичка, если ты не запо-
ешь, я подожду.

Тоётоми:

Птичка-птичка, если ты не запо-
ешь, я заставлю тебя петь.

Ода:

Птичка-птичка, если ты не запо-
ешь, я тебя убью.

*Японская поговорка
о трех великих объединителях*

Глава 25

Мне снилось, будто я лежу под звездами после долгого перехода из деревни к берегу океана. Неуклюжие морские черепахи уже отложили яйца и вернулись в воду, почти не оставив за собой следов.

Вскоре мы выйдем с корзинами на берег, раскопаем отмеченные нами места, соберем столько яиц, сколько нам нужно, и оставим остальное, но пока мы просто сидим или лежим в редких зарослях тростника на краю пляжа.

В этом сне я был уже взрослым, но мама оставалась такой, какой я ее помнил. Я начал рассказывать ей, где побывал, что видел. Благоухающие рынки Индии, тянущиеся ввысь церкви Португалии, полные жизни многолюдные улочки Китая. Тихое достоинство зала приемов Нобунаги в Хонно-дзи, сверкающая золотой чешуей цитадель замка Адзути.

Она не отвечала. Просто смотрела вверх и движениями пальца соединяла звезды, рисуя картины на небе. А я лежал и смотрел на нее.

Звезд было бесчисленное множество, и они ярко сияли на зеленовато-пурпурном полотнище вечер-

него неба. Песок подо мной зашевелился, и я медленно погрузился в него, оказавшись среди только что отложенных яиц. Я ощущал тепло родителей, лежавших рядом. А еще я ощутил зов моря.

Уехать из Адзути было приятно. За недели, предшествовавшие нашему походу на восток, население замка и города выросло многократно. Солдаты и самураи из мелких городов и сельской местности откликнулись на призыв к оружию, а вместе с воинами появились и предприимчивые купцы, куртизанки и проститутки. Это была гремучая смесь. Деревенские жители следовали тому же кодексу чести, что и городские, но не обладали таким же воспитанием и уважением к обычаям двора.

Мужчины, рвавшиеся на войну, часто сами находили себе сражения. То и дело вспыхивали ссоры из-за женщин, из-за игорных долгов, из-за оскорблений, как явных, так и мнимых. Жители Адзути быстро научились не высовываться на улицу по вечерам. По закону самурай имел право убить простолудина за малейший проступок или проявление неуважения и не нес за это наказания. Неотесанные деревенские мужчины, распаленные призывом на войну, без колебаний пользовались этим правом и слишком легко находили поводы оскорбиться. Единственным, что сдерживало город от взрыва, единственным всеобщим законом был страх перед Одой Нобунагой.

Однажды на улице какой-то низкорослый бородач и, судя по всему, очень нетрезвый самурай крикнул мне что-то, но я не расслышал. Он подошел ко мне, усмехнулся и снова что-то прокричал. Хоть я и не разобрал слов, намерения его были ясны. Он уже положил руку на рукоять меча, когда двое приятелей схватили его, прошептали что-то на ухо, а потом, кланяясь и рассыпаясь в извинениях, уволокли прочь.

Даже до отдаленных городов долетела весть об огромном черном самурае, который победил десятирых сильнейших борцов Оды, а теперь каждый день выезжал вместе с Нобунагой и был допущен в его ближний круг. Никто из служивших под знаменами Оды не отважился бы бросить мне вызов.

Я рассказал о пьяном самурае Ранмару, Огуре и Дзингоро, пока мы готовили лошадей и ждали приказа выступать.

— Я бы не стал повторять эту историю при господине Нобунаге, — рассмеялся Дзингоро. — Он бы приказал разыскать этого человека и отрубить ему голову, а потом насадить ее на пику. Или сначала насадить голову на пику, а потом отрубить. Случается и так и этак.

— Те слова, которые он мне сказал... Что они означают?

— Они означают, что пьяницы есть повсюду. Уверен, и в Африке они водятся. А что они есть среди португальцев, так это я своими глазами видел.

Я закончил седлать лошадь и не стал развивать эту тему.

— Но я бы не стал больше никому об этом рассказывать, — заключил Огура. — Если только ты действительно не хочешь, чтобы этого человека убили.

Я вскочил на лошадь и хмыкнул.

— Если бы я хотел, чтобы он умер, то сделал бы все сам.

— О да! — шутливо воскликнул Ранмару. — Ясукэ — грозный черный гигант! Вот только еще никто не видел, как ты сражаешься по-настоящему, так ведь? Надеюсь, ты не станешь праздновать труса, когда начнется сражение.

— Будешь болтать в таком духе, Ранмару, и вообще не доживешь до сражения.

— Ха! — усмехнулся Ранмару. — Ни одному врагу не снять с меня голову, да и другу тоже!

— Враг и не станет этого делать, — парировал я. — Чего доброго, его хозяин примет твою голову за женскую и накажет его.

Дружно рассмеявшись, мы направили лошадей к воротам. У подножья горы и вдоль дороги выстроились шестьдесят тысяч человек, готовые присоединиться к нам. Куда больше, чем нам было нужно, если верить докладам об успехах Токугавы, но Нобунага был склонен к позерству. К тому же было разумно дать менее опытным бойцам возможность почувствовать вкус битвы сейчас, до ожидаемого похода на запад на соединение с Тоётоми.

Перед отъездом из Адзуты я встретился с Томико. Подойдя к ней в замке, я попросил разрешения поговорить с ней позже. Вечером мы встретились на ступенях замка, и я проводил ее в деревню.

— Завтра я еду на восток.

Если она и отреагировала как-то на известие, что я буду сражаться против Такэды, а не Мори, в темноте я этого не разглядел и чувствовал себя дураком, потому что решил, будто это для нее что-нибудь значит.

— Желаю тебе удачи, — ответила она. — И победы.

Миновав город, мы вышли по дороге к причалам, где стояли лачуги женщин, обмывавших головы. Я стоял в дверях, наблюдая, как Томико поднимает головы и внимательно осматривает каждую из них.

«Дам им понять, что их любили».

Так она ответила, когда я спросил, что она будет делать, если найдет среди отрубленных головы своего брата и отца, и с этими словами я осознал зияющую рану, вокруг которой был построен весь мой мир. Меня ценили, иногда даже уважали, но никогда не любили. Во всяком случае, с того дня, когда я вылез из пещеры, где мы добывали руду, и в изменившемся свете солнца увидел, что деревня разорена, мать убита, а отец навсегда для меня потерян.

— Мой отец... — медленно произнес я, обращаясь не столько к Томико, сколько к самому

себе. — Я никогда больше его не увижу. Никогда не узнаю...

Томико посмотрела на меня, оторвавшись от поисков головы своего отца, и я подумал: что труднее? Знать, что худшее уже случилось, или совсем не знать, что произошло?

— Я был бы рудокопом, — слова полились из меня сами собой. — Меня никогда не тянуло в странствия, как отца. Он любил нас, но стоило ему задержаться в деревне, и он отдалялся от нас, становился рассеянным. Меня тянуло к людям, не к каким-то местам. К моей семье. Вместо того чтобы жечь благовония у алтарей иезуитов, я бы хотел носить каждый день дары и складывать их к дереву мсоро; вместо того чтобы молиться на коленях в иезуитской церкви, я бы хотел сидеть со своими соплеменниками в хижине М'Мверы; вместо того чтобы изучать выдумки иезуитских священников, я бы хотел узнавать обычаи своего народа от мвене. Я женился бы. У меня родился бы ребенок, и я протянул бы его матери и отцу, прося их благословения.

Томико с благоговейной нежностью положила голову, которую держала в руках, обратно в кучу и обратила все свое внимание на меня. Я смотрел на ее ладони, такие изящные в этой обители смерти, благословляющие каждую жертву нежным прикосновением, и понял, почему мне хотелось с ней повидаться. Все мои расставания были внезапными: с семьей, когда меня захватили

в рабство, с другими детьми из моей деревни на причале в Индии, со стариком, говорившим на ломве, который пытался мне помочь, с Валиньяно, когда он продал меня в Хонно-дзи. Я посмотрел на собственные ладони, покрытые шрамами, грубые и грозные. В конце концов, каждому из нас не хватает того, с кем можно попроситься.

Наш поход оказался стремительным и спокойным. Мы пересекли равнину возле Адзути, потом прошли невысокими горными перевалами к замку Гифу, бывшему оплотом Нобунаги до окончания строительства Адзути.

До Гифу мы добрались до наступления темноты, но даже в этих невысоких горах быстро холодало, стоило солнцу зайти. На земле лежала тонкая пелена снега. Хоть прежде мне и доводилось видеть снег, случалось это нечасто, и он до сих пор вызывал у меня восхищение. Даже в рассказах отца, хоть он и много путешествовал, никогда не упоминались снег, лед и колючий холодный ветер.

Как и в первые дни рабства, я пытался смотреть на все глазами отца, а потом пересказывать матери его словами. Он бы описал, как холод пронизывает все тело, заставляя ежиться и дрожать в попытках прогнать его с кожи, из крови, из легких. Как ты стараешься держаться поближе к окружающим людям, чтобы украсть хоть капельку их тепла. Сухое белое облачко собственного дыхания,

вырывающееся изо рта, когда воздух из легких превращается в мельчайшие кристаллы.

Ребенком я думал, что отец повидал весь свет, но сейчас, выдохнув, я просто смотрел вокруг и думал, сколько же еще маленьких открытий таит этот мир. Мне хотелось поделиться ими с матерью и отцом.

В замке Гифу мы встретились с войском Акэти. Перед Нобунагой Акэти предстал в сопровождении своего зятя Хидэмицу. Я стоял за спиной Нобунаги и внимательно изучал лицо Хидэмицу, его сломанный нос, словно размазанный по правой щеке. Он стоял по правую руку от Акэти и низко поклонился Нобунаге, после чего уставился прямо перед собой.

Акэти тоже поклонился, приветствуя Нобунагу, потом бросил взгляд на два меча, которые я теперь носил за поясом, — в прошлую нашу встречу их не было. Я впервые видел Акэти вблизи после того, как меня представили Нобунаге в храме Хонно-дзи. Лицо было покрыто морщинами, и на нем начали проступать первые старческие пятна. Макушка была гладко выбрита, а седые волосы по бокам головы, стянутые в пучок на затылке, уже поредели. Он окинул меня холодным взглядом с ног до головы и лишь на мгновение заглянул мне в глаза. Я поклонился, и он ответил на поклон, принимая мое приветствие, хоть и опустил голову лишь настолько, чтобы это нельзя было считать за оскорбление, при этом показывая, что не уверен в своем уважении.

— Господин Хатано Хидэхару и его семья доставлены в замок Адзути. Они с удобством отдыхают в одном из ваших гостевых домов. Он просит передать вам свою глубочайшую благодарность. Замок Яками ваш, мой господин.

Нобунага согласно кивнул, и Акэти вышел, бросив на прощание еще один взгляд в мою сторону. Хидэмицу вышел следом за ним, даже не посмотрев на меня.

Из Гифу мы быстро доехали по ровной местности до замка Инуяма в глубине Овари, родной провинции Оды. Я пытался представить себе, как мой господин еще юношей разъезжал по этим пологим холмам и долинам, но в моей голове уверенный, амбициозный и дотошный вождь клана Ода никак не вязался с безответственным и дерзким «Дураком из Овари», которым он, по собственному утверждению, когда-то был.

Оттуда мы повернули на север и, покинув Овари, двинулись через леса к подножью гор. Здесь мы впервые увидели свидетельства умелых действий Токугавы. Вдоль дороги лежали распухшие трупы, на которых пировали упитанные вороны, чье карканье эхо разносило среди невысоких утесов. Уцелели лишь некоторые дома. Остальные, вместе с храмами и чиновничьими зданиями, лежали в тлеющих руинах. В некоторых домах, стены которых были разорваны в клочья и открывали их всем стихиям, была видна одна и та же картина: женщины и дети, лежащие аккуратным рядком

с перерезанными глотками, и мужчина в церемониальной одежде, сидящий на татами, наклонившись вперед так, что его лоб касается земли.

— Верные люди, — произнес Ранмару, ехавший рядом со мной. — Самураи Такэды, отказавшиеся служить Оде. Зная репутацию Токугавы, они не стали сражаться и предпочли сэппуку.

Я видел все это, проезжая мимо: тела, присыпанные снегом, замерзшая, почти черная кровь. Я не видел коротких клинков в животах мертвых мужчин, но знал ритуал сэппуку, при котором нож вонзали в живот, а потом рывком вспарывали себя поперек и вверх, если на это хватало сил. В более официальных случаях человек, совершавший сэппуку, выбирал себе в помощники доверенное лицо, которое должно было отсечь голову в тот миг, когда клинок вонзится в живот, — даровать милосердную быструю смерть. У этих людей такой роскоши не было. Они перерезали горло женам и детям, вспарывали себе животы и умирали медленной и мучительной смертью, лежа лицом в пол.

Помимо верных самураев и солдат, явно убитых в бою, других тел почти не было.

— А разве их не должно быть больше?

— Ты наблюдателен, — подмигнул мне Ранмару. — Похоже, больше людей сдалось, чем вступило в бой. Это и неудивительно — Такэда Кацуёри всегда был бледной тенью своего отца. Вражда между кланами Ода и Такэда имеет давнюю историю, в несколько поколений. Когда господин Сингэн умер,

бразды правления принял его сын Кацуёри. Он решил доказать свою силу, одержав победу над кланом Ода, но войско господина Нобунаги разгромило Такэду при Нагасино, от чего они так и не оправились.

Я наблюдал за Нобунагой, но тот не подавал виду, что слышит нас. Он внимательно изучал дорогу перед собой, иногда поднимая голову, чтобы окинуть взглядом горы или присмотреться к верхушке дерева, но я знал, что он, как обычно, внимательно слушает.

— Кацуёри попытался вернуть силу клану, повысив налоги, и удержать слабеющую власть за счет суровых наказаний даже за мелкие проступки, — продолжал Ранмару. — Но так он лишь окончательно утратил любовь подданных, поэтому не стоит удивляться, что его люди переходят к нам.

В подтверждение его слов мы тут же наткнулись на нескольких бывших подданных Такэды. Под командованием одного из людей Токугавы они расчищали дорогу перед нами от снега и трупов, чтобы облегчить нам проезд. Человек Токугавы поклонился Нобунаге, и пленные поспешили следовать его примеру, а потом вернулись к работе, оттаскивая трупы и раскидывая лопатами и метлами снег и почти не обращая внимания на армию Оды.

Несмотря на их усилия и присутствие других рабочих команд на нашем пути, продвижение замедлилось. Чем выше мы поднимались в горы, тем холоднее становилось и тем гуще валил снег. Лошади

жались друг к другу. Дорога под ногами превратилась в месиво из-за тающего снега и множества прошедших по ней ног. Слуги выехали вперед, чтобы поставить походные шатры на месте ночевки и подготовить их к нашему приезду.

Вечером мы встали лагерем на большой поляне на склоне горы. Стоявшие вокруг лагеря матерчатые завесы, украшенные эмблемами клана Ода, вздувались и хлопали на ветру, и я сочувствовал тем, кому приходилось стоять на страже рядом с ними. Конюхи при свете факелов чистили, кормили и поили лошадей. Слуги приготовили чаши с горячим супом и рисом для небольшого отряда, сопровождавшего Нобунагу. Остальным пришлось довольствоваться холодной рыбой и фруктами.

Прибыл гонец. Его встретили чашкой испускающего пар супа и сразу отвели в шатер Нобунаги. Нобунага, Ранмару, братья и я вместе с полудюжиной доверенных самураев Нобунаги уселись в круг и стали ждать, пока гонец согреется.

— Мы еще не вступили в бой с Кацуёри, но загнали его в угол. Он...

— Нет, — Нобунага поднял ладонь, и гонец тут же плюхнулся на колени и уткнулся лицом в землю. — Рассказывай с самого начала.

Гонец поднял голову, снова поклонился легким кивком и начал рассказ заново.

— Он сразу же бежал в замок Синпу. В замке Такато он оставил три тысячи человек, чтобы прикрыть отступление. Мы думали обойти Такато, но

решили не оставлять им возможность ударить нам в тыл или перерезать наши пути снабжения. В замок ведет всего одна дорога, а с остальных трех сторон он защищен крутыми утесами...

Видимо, гонец уловил что-то в выражении лица Нобунаги и понял, что описывать сложности положения замка Такато своему командующему нет нужды. Откашлявшись, он продолжил:

— Горстка людей вызвалась добровольцами, чтобы перейти реку вброд. Ночью они перебили стражу и открыли дорогу нашему войску.

Я ничего не знал о замке Такато, но мог себе представить, какой риск представляла эта затея. В узких горных долинах течение рек было бешеным и холодным. Безопасного способа перебраться на другой берег не существовало. Ночная переправа под носом врага была свидетельством огромной отваги и преданности.

— Кого Такэда оставил во главе обороны Такато?

— Госпожу Сува. Она сражалась отважно, но после того как мы проникли за стены, обороняющиеся ничего не могли поделать. Тем не менее на Токугаву оборона произвела впечатление, и он позволил госпоже Сува самой лишиться себя жизни.

Нобунага одобрительно кивнул.

— Я видел дым. Это Синпу? — подал голос Ранмару.

— Хм... Скорее всего, — задумчиво произнес Нобунага. — В обороне Кацуёри полагался на

горы, а не на замки. Наши лазутчики утверждают, что Синпу построен скорее для роскоши, чем для отражения атаки. Если Кацуёри получил известие о падении Такато, то понял, что Синпу ему не удержать.

— Так и есть, — сказал гонец с заметным беспокойством. — Но есть еще кое-что. Мы захватили людей из Синпу и допросили их. Перед тем как сжечь замок и окружающий город, Кацуёри приказал запереть остальных знатных людей в домах.

— Что за трус... — гневно начал Дзингоро, но осекся и не стал давать волю языку и гневу.

В шатре воцарилось молчание. В том, что Токугава провел детство в заложниках у клана Имагава, не было ничего необычного. Союзы часто скрепляли, отправив члена семьи жить в другом клане, как Акэти недавно отправил свою мать в клан Хатано в обмен на сдачу замка. Возможно, Кацуёри обозлился из-за измен, случившихся за время марша Токугавы к его столице, но все равно у такого могущественного феодала, как Такэда, под защитой наверняка находились десятки детей, жен, матерей или сестер из благородных семейств. Сжечь их живо означало беспорное нарушение всех законов.

Это был последний, отчаянный и ужасный поступок, знак того, что Такэда Кацуёри считал поражение неизбежным. Он разрушил все свои союзы до единого, и после этого ни одна семья, какой бы незначительной она ни была, не стала бы ему присягать.

Все смотрели на Нобунагу, и никто не отважился заговорить.

— Но вам известно, где он сейчас?

— Да, мой господин.

— И у него нет надежды на спасение?

— Мы окружили его и ждем вашего приказа.

— Значит, завтра мы покончим с кланом Такэда.

Лицо Нобунаги, как обычно, не выражало ничего. Он встал и вышел из шатра в ночной холод.

Мы поспали несколько часов, потом выехали еще затемно. С войском Токугавы мы встретились незадолго до рассвета на горном гребне напротив горы Тэммоку. В холмах у подножья горы мы увидели лагерь, наскоро укрепленный заостренными бревнами, сколоченными крест-накрест и установленными частоколом в два ряда — один служил первой линией обороны, а к другому можно было отступить. Соломенные щиты с бойницами для лучников были плотно связаны между собой. Перед лагерем на слабом ветру вяло покачивались знамена. Их было удручающе мало.

— Они пытались сбежать в Ивадоно.

Челюсть Токугавы совсем скрылась в складках подбородка, и голос прерывала одышка, которой прежде не было, но взгляд его оставался все таким же острым, а ореол властности ничуть не ослаб.

— Туда их не пустили. В Ивадоно правит Оямада Нобусигэ, и он перешел на нашу сторону, узнав о сожжении Синпу. До других замков им не

добраться. Мы их окружили. Можем построить своих аркебузиром здесь, — он указал на полосу деревьев к западу от лагеря. — Но будет трудно строить солдат в шеренги, чтобы стрелять без перерыва, поэтому, как только мы выстрелим, они бросятся на нас, пока солдаты перезаряжают оружие. Если мы сможем выманить их...

— Это не понадобится, — Нобунага глядел на лагерь противника, а не на Токугаву. — Его вассалы переметнулись. В лагере остались только самые верные из его людей, те, кто с радостью отдаст за него жизнь.

Нобунага обернулся, обращаясь к импровизированному военному совету:

— Они понимают, что не могут победить и не могут сдержать нас. Они попытаются пробить брешь в наших порядках, чтобы Кацуёри мог бежать. Это единственное, ради чего они еще могут сражаться.

Нобунага указал на пространство между частоколами.

— Они займут позицию там. Пространство достаточно узкое, чтобы уменьшить наше преимущество в численности, а линия деревьев достаточно плотная, чтобы защитить их фланг от удара конницы. Мы выстроим аркебузиром вдоль фронта. Две линии. По одному залпу каждая. Когда они бросятся в атаку, наша конница выскочит из-за спин стрелков. Я бы предпочел встретить их в открытом поле, но лучше уж драться с ними в горном

проходе, чем дать им укрыться за стенами. Никому, кроме первой линии, не наступать. Войска, окружающие лагерь, должны удерживать позиции и не дать никому уйти. Ваши порядки надежны?

— Ни единого просвета, мой господин, — кивнул Токугава. — Даже мышь не проскочит.

— Передайте приказы.

На этом совещание закончилось, и командующие разошлись. Нобунага посмотрел на меня.

— Ты отдохнул?

— Я всегда хорошо сплю накануне боя. Лучше лежать головой на камне, чем на пуховой подушке.

— Значит, когда вернемся, скажу, чтобы у тебя отобрали постель, — улыбнулся Нобунага, но тут же улыбка исчезла, и он строго посмотрел на меня. — Зарабатывай себе имя. Сегодня и каждый следующий день. Ты — самурай. Пусть тебя боятся.

Хоть соблазн и был велик, но я воздерживался от того, чтобы надевать полный доспех, подаренный мне в Масахидэ-дзи. Я чистил его, ухаживал за ним, проверял каждую пластинку, ремешок и шнурок, но никогда его не носил. Доспех был предназначен для боя, и когда я облачался в него сейчас, впервые с того дня, мне было легче сосредоточиться. Завязывая поножи и затягивая ремешки, я вспоминал свое первое сражение. Мне едва исполнилось тринадцать, молодой раб против троих оттоманских солдат в полном облачении. Даже тогда я был спокоен, когда прошел первый

приступ паники. Война никогда не вызывала у меня беспокойства. На поле боя я чувствовал себя уютнее всего. Из всех мест, где мне доводилось бывать, только там все люди с самого начала равны.

Лагерь готовился к сражению почти в полном безмолвии. Солдаты чистили и переседывали лошадей, осматривали стрелы, сушили порох на случай, если он отсырел от снега. Они прожаривали доспехи на слабом огне костров, чтобы избавиться от вшей и прочих насекомых. Занимались делом, чтобы отвлечься или сосредоточиться. Когда солдаты были готовы и построились, как было приказано, Нобунага произнес короткую речь.

— Разве не реет знамя клана Ода в столице? Враг падет перед нами, как это всегда случается с нашими врагами. Я начинал с войском в две тысячи человек против армии из двадцати четырех тысяч. Теперь я веду шестьдесят тысяч против менее чем тысячи. Но сражения выигрывает не тот, у кого больше людей. Сражения выигрывает тот, у кого больше воинов! Я предпочел бы пойти в атаку с шестью сотнями храбрецов, чем с шестьюдесятью тысячами колеблющихся. И я говорю вам — если вы так цените жизнь, что не готовы ее отдать, уходите сейчас же! Если вы останетесь, знайте: неважно, испустите ли вы последний вздох молодым на поле боя или стариком в собственной постели. Смерть ожидает каждого. Но честь и слава — нет! Честь и слава ожидают лишь храбрецов!

Солдаты ответили радостными возгласами, и мы выстроились поперек горного прохода. Руки и ноги немели от холода, и мы засовывали пальцы под доспехи, чтобы отогреть их перед боем. Дыхание вилось перед нашими лицами белыми облачками, рассыпавшимися при встрече с малейшим препятствием. Шеренга аркебузирова двинулась вперед.

Я чувствовал, как пластины доспеха облегают мои мускулы при каждом движении — ровно и удобно, не то что неповоротливые металлические нагрудники, которые предпочитали португальцы и другие европейцы. Доспех казался частью меня самого. Я словно был рожден для него. Затянув завязки шлема, я почувствовал вес резного деревянного носорожьего рога.

Я взглянул на Нобунагу, подбадривавшего солдат, потом на Ранмару, который был рядом со мной вместе с Огурой и Дзингоро. Раньше я сражался за выживание, сражался за империи, сражался всего лишь по той причине, что мне так приказали. Никогда прежде я не сражался за то, чтобы стать частью чего-то великого.

Знамена клана Такэды развевались на ветру. Вражеские лучники вышли к частоколам, и солнце отражалось от их алых нагрудников. Я проверил, как лежит в руке рукоять меча, и хватка казалась естественной. Оставалось дожидаться сигнала.

Глава 26

Все и всегда начинается внезапно.

Хлопки выстрелов опустившихся на колено аркебузирова прозвучали почти одновременно, и над ними взметнулось облако дыма. Потом стрелки поднялись и отступили на шаг назад, а вперед вышла вторая шеренга, опустилась на колено и выстрелила. Две линии по одному выстрелу. Потом пауза.

Дым от выстрелов кружился на горном ветру, потом рассеялся, и взглядам предстал первый солдат Такэда в кроваво-красном доспехе, размахивающий флагом. За ним — другой, третий. Град стрел взмыл из-за частоколов и плетеных щитов. Аркебузиры отступили, и вперед выехали наши всадники. С воинственным кличем они бросились в бой.

Стрелы воинов Такэды все летели, и лучникам было все равно, что они с равным успехом могли попасть и по своим. Нобунага оказался прав. Они бились не ради победы, а для того чтобы вызвать замешательство. Войско Такэды в основном держалось за частоколом первой линии, стараясь достать наших всадников длинными копьями-яри или стащить их с коня кривыми нагинатами и сбросить

на землю. Некоторые солдаты в азарте боя выскакивали с обнаженными клинками из своего укрытия, и их быстро убивали или просто затаптывали лошадьми.

Лошадь подо мной дрогнула, жаждая вступить в схватку не меньше меня.

— Погоди, — жестом сдержал меня Ранмару. — Ты же не рядовой. Мы нанесем удар там, где будет нужно, и тогда, когда будет нужно.

Воины Такэда держали оборону, но у них была всего одна линия защитников, а мы могли бросать против них волну за волной. Атакующие отряды чередовались и то наступали, то отступали, подчиняясь сложной системе сигналов, передаваемых флагами. Клан Такэда продолжал сражаться и удерживать позиции, но его воины явно начинали уставать, по мере того как утреннее солнце шло к полудню. Нобунага наблюдал за происходящим с деревянного помоста, который соорудили за ночь специально для него.

— Он сам вступает в бой? — спросил я у Ранмару.

— Только когда необходимо. Но если вступает, это стоит видеть. Надеюсь, ты сумеешь не ударить в грязь лицом рядом с ним.

Я уже собирался ответить, но увидел, как вдруг изменилось выражение лица Ранмару. Он показал на западную сторону лагеря.

— Гляди! Они почти прорвались. Идем.

Он оглянулся на Нобунагу. Тот еле заметно кивнул, и Ранмару уехал. Вместе с остальными телохранителями Нобунаги я последовал за ним.

Мы отправились на фланг и поднялись в гору. Оставив позади грязь и снег наезженной тропы, мы скакали по голому камню. Нас было двенадцать, и Ранмару вел нас через коварную лесную чащу, словно помнил расположение каждой ветки и каждого булыжника. Мы остановились перевести дух в нескольких сотнях шагов от лагеря, с его западной стороны.

— Склон слишком крутой, чтобы спускаться верхом. Оставим лошадей.

Мы спешили. Остальные всадники опустили забрала, и знакомцы, с которыми я только что ехал рядом, превратились в демонов: пустые бездушные глаза, вырезанные на масках угрюмые гримасы и нахмуренные брови. Мне такая маска не требовалась. Черная кожа моего лица могла показаться нашим врагам столь же потусторонней и сверхъестественной, как и искусные металлические личины.

Мы спустились так быстро, как только могли, не теряя равновесия. Численность сражавшихся была равна — в такой местности наше войско не могло бросить в бой больше солдат. И все же в частотолах Такэды была пробита брешь, и там, где наши воины пытались прорваться, разгорелась жаркая схватка.

Они оставили своих лошадей по той же причине, что и мы. Некоторые животные носились вдоль боевых порядков, мешая обеим сторонам. Другие пали в бою и теперь лежали, утыканные стрелами и копьями. В воздухе стоял дым от множества мелких пожаров.

Один из солдат Такэды бросился на меня сбоку, и я непроизвольно схватился за его копье, потом повернул кисть и переломил древко пополам. Глаза солдата расширились от ужаса, и я, выхватив катану, полоснул его по груди. Клинок распорол кожаный доспех и тело с такой легкостью, будто рассекал воду.

Ранмару прорубался через строй вражеских воинов со сверхъестественной ловкостью, а Огура и Дзингоро двигались слаженно, по очереди атакуя и обороняясь с безупречной четкостью.

Мы наступали рыхлым клином и продвигались вперед. Я возвышался над солдатами Такэды, бросавшимися на меня, а мой меч доставал почти так же далеко, как их копья и нагинаты. Враги с криками валялись наземь, заливая кровью камни и снег.

Меня охватило спокойствие, как это часто случалось в бою. Спокойствие человека, который понимает, что у него есть только одна задача и что все остальное может быть забыто и не имеет значения. Остается только сражение, и в этом для меня всегда было что-то утешительное.

Стрела ударила чуть ниже наплечника, но не пробила кожу. Другие отскакивали от доспеха

и шлема, пущенные со слишком большого расстояния, чтобы пробить их. Я рубил врагов по трое, по четверо за раз. Я сражался как японец — сохраняя равновесие, расчетливо, не совершая ненужных движений. Это манера пришла ко мне так же естественно, как прежде приходили животная ярость и напор. Солдаты Такэды были для меня мальчишками, стоявшими передо мной во дворе поместья моего индийского хозяина — такие же безликими и безымянными. Мальчишками, которым было суждено умереть, чтобы я выжил.

Я переступал через тела павших, пока они не закончились. Путь к веранде на западном краю лагеря был свободен. Когда мы приблизились, на нас с бамбуковыми палками в руках бросились двое мужчин в кимоно — ни доспехов, ни оружия. Это были слуги, а не солдаты, и мы решили дать им уйти. Отбросив их в сторону, мы вошли во внешнюю комнату.

Большую часть пола занимала большая голубая циновка-татами, по углам которой стояли четыре зажженных светильника. На циновке в ряд лежали тела троих детей и женщины с перерезанным горлом и наклонившегося вперед мужчины с мечом в животе. Это походило на сцены, которые мы видели в сожженных домах вдоль дороги — убить жену и детей, а потом покончить с собой, совершив сэппуку.

Тела были разложены аккуратно, с любовью. Обескровленные лица приобрели цвет кости. Их

глаза были закрыты, но при этом они излучали спокойствие. Руки были сложены на груди. В пальцах женщины был сжат небольшой кусок холста.

Я вытащил тряпицу из ее рук, стараясь не потревожить тело.

*Встрепаны черные волосы,
Миру не видно конца,
Хрупкому, словно капли дождя.
Гусь, на обратном пути
Отнеси слово прощания
В мою родную Сагами.*

Свернув кусочек ткани, я вложил его обратно в неподвижные пальцы.

Ранмару поднял забрало, сбросив личину демона. Он шагнул вперед и, схватив стянутые в пучок волосы на затылке мужчины, поднял его голову, чтобы увидеть лицо.

— Это Кацуёри.

Никто не остался с ним, чтобы помочь в обряде, избавить от медленной и мучительной смерти. Сэппуку без помощника — такого не пожелаешь и врагу. Оно не только означало долгое и болезненное растворение в темноте, но и подчеркивало одиночество и масштабы совершеннейшего разгрома.

Вдруг Кацуёри ожил, из его горла вырвался булькающий кашель, и на уже алый от крови татами брызнула кровь. Выпученные глаза блеснули, но взгляд не мог сосредоточиться.

Не ожидавший такого Ранмару выпустил его волосы и отпрянул. Я непроизвольно выхватил катану и сделал то, что должен был бы сделать верный слуга клана Такэда. Голова Кацуёри покати́лась по полу и замерла с открытыми глазами, уставившись в крытую соломой крышу павильона.

Ранмару взглянул сначала на меня, потом на солдат, собравшихся на веранде позади нас. Он кивнул им. Один из солдат выбежал наружу, чтобы установить знамя клана Ода и возвестить нашу победу.

Сражение закончилось.

Глава 27

Сражение окончилось почти сразу, и оставшиеся солдаты клана Такэда кто сдался, кто, последовав примеру своего вождя, совершил сэппуку на месте, прямо на поле боя. Раненых перевязали, здоровые отправились собирать трофеи, а лагерь сначала обыскали, а потом сожгли.

Слуги сразу же занялись головами, обмывая их и готовя к церемонии. Обычно работа занимала не меньше дня, но Нобунага желал поскорее пуститься в путь. В тот же вечер горстка самураев и пеших солдат выстроилась перед шатром Нобунаги с лакированными деревянными шкатулками, чтобы сделать подношения и получить почести.

Нобунага понимал, чью голову ему принесли, по тому, как это происходило.

Голова Кацүёри покоилась в ларце заметно большего размера, окрашенном в голубой цвет, который внесли двое слуг. Такой чести удостоивались лишь даймё — только голову вождя клана вносили вдвоем. Слуги поставили ларец на землю перед табуретом, на котором восседал Нобунага. Они открыли защелку и распахнули крышку тщательно выверенными движениями. Голова лежала

на простой сосновой доске, и слуги, взявшись за концы доски, извлекли голову наружу. Третий слуга поставил рядом с головой две расписные керамические чашечки с саке.

Нобунага встал.

— Клан Такэда пал.

Он произнес это шепотом, и эти слова не предназначались для присутствующих. Я посмотрел на Ранмару, на лица остальных собравшихся в шатре, но не увидел ничего. Это были старейшие враги клана Ода, и голова последнего из них теперь лежала перед Нобунагой. По его лицу пронеслась сложная череда эмоций, словно он пытался решить, какая из них более приличествует моменту. Я смотрел то на Нобунагу, то на Акэти Мицухидэ и его зятя Хидэмицу, сидевших у стены, но последние двое по-прежнему не желали даже смотреть в мою сторону.

Слуги, готовившие голову, постарались на славу. Они тщательно смыли кровь с волос Такэды, потом расчесали их и связали в тугий парадный пучок. Они отмыли лицо дочиста и придали мускулам на его лице нейтральное выражение, а потом припудрили лицо добела. Зубы по обыкновению вычернили, а рот оставили чуть приоткрытым. Я попытался представить себе, как Томико делает то же с отцом и братом. Как ее нежные руки с величайшей бережностью выполняют каждую часть этой работы.

Голова Кацуёри была настолько похожа на живую, что казалось, будто он вот-вот заговорит. Вме-

сто этого, обращаясь к голове, заговорил Нобунага.

— Твой отец когда-то положил глаз на Киото. Он хотел войти в столицу, поднять там свой флаг и объявить себя правителем всей Японии. Для этого ему пришлось бы пройти через Овари, но он не видел в этом серьезного препятствия. Как и Имагава до него, он считал, что по пути в Киото легко завоюет Овари. Завоюет мои земли, мой народ.

Некоторые самураи, сидевшие в дальней части шатра, неловко заерзали, когда Нобунага повысил голос. Акэти выглядел встревоженным, сидевший рядом с ним Хидэмицу — колеблющимся. Церемония осмотра голов считалась культурной и уважительной, почти религиозной. Победивший даймё должен был восхвалять отвагу побежденного, обещать позаботиться о его подданных и землях, потом поднять чашку саке, чувствуя его гибель. Вместо этого лицо Нобунаги превратилось в озлобленную маску.

— Господин... — осторожно обратился к нему Ранмару.

Нобунага не обратил на него внимания и продолжил гневную тираду, адресованную погибшему даймё.

— Когда пал твой отец, уверен, он мечтал о том, чтобы ты совершил то, что не удалось ему самому. Чтобы ты пошел на Киото во главе клана Такэда с гордо поднятыми знаменами. Но я не из тех, кто позволяет переступить через себя. К клану Ода

всегда относились с пренебрежением. Что вы, что Имагава, что другие великие кланы. Но скоро вы все станете уважать имя клана Ода. И я позабочусь о том, чтобы ты попал в Киото, юный Кацуёри. Ты навлек бесчестие на всех своих предков, когда сжег замок Синпу. Я отправлю твою голову в столицу, чтобы ее выставили перед императорским дворцом. Я набью твой рот цветами сливы, чтобы ими питались жуки. Я намажу твои глаза медом, чтобы мухи выели их с твоего лица, оставив лишь пустые глазницы, полные червей. Женщины и дети будут отворачиваться в ужасе. Все, кто посмотрит на голову Такэды Кацуёри, будут испытывать отвращение. Вот каким тебя запомнят!

Нобунага поднял чашку саке и швырнул ее в мертвое лицо даймё. В шатре повисла гробовая тишина. Слуги, принесшие голову, не могли скрыть ужаса. Самураи, кроме Ранмару, сохраняли неподвижность, но было видно, что им не по себе. Ранмару неловко стоял, не зная, то ли потянуться к Нобунаге, то ли сесть на место.

Крепкое саке стекало по лицу Кацуёри, оставляя дорожки на белой пудре. Хотя мускулы на лице даймё по-прежнему были неподвижны, его выражение из нейтрального превратилось в ошеломленное.

— Все вон!

Мне никогда прежде не приходилось присутствовать при осмотре голов. Мое знакомство с этим обычаем ограничивалось уроками Валиньяно во время долгого путешествия, поэтому среди

собравшихся в шатре только я один не испытал потрясения. Я встал и направился к выходу, следуя приказу Нобунаги. Мое движение как будто рассеяло чары, и остальные тоже начали вставать, вдруг заторопившись к выходу. Последним вышел Акэти. Он медленно встал и бросил угрожающий взгляд в сторону Нобунаги. Если Нобунага и заметил, то не подал виду.

Когда мы раздернули полог шатра, Нобунага позвал слуг обратно.

— Подготовьте голову к отправке в Киото. Пусть ее увидят все.

Я устал как собака, но отправляться спать было еще рано. Если утром лагерь был тих, то теперь его переполнял шум торжества. Остальные самураи были потрясены поведением Нобунаги.

— Идем, — сказал я. — Присоединимся к остальным.

Мы выбрали один из самых больших и шумных костров. При нашем приближении все замолчали, встали и поклонились. Я уже начал привыкать к почестям, но временами по-прежнему чувствовал неловкость. Раб, которого чествовали люди, почитающие честь превыше всего.

— Успокойтесь, мы пришли выпить.

Раздались радостные крики. По кругу пошли чашки с выпивкой.

— Плохое предзнаменование, — пробормотал Дзингоро, склоняясь над своей чашкой.

— Возможно. Но это хорошая стратегия, — не слишком убедительно ответил Ранмару. — Людям все равно, кто ими правит. Они просто хотят мира. Они хотят обрабатывать землю, не опасаясь, что их призовут к оружию, продавать свой урожай, зная, что налоги не поднимут, чтобы покрыть траты на войну. Пусть люди увидят голову Такэды Кацуёри. Пусть увидят, что Ода Нобунага на шаг приблизил конец войны, которая началась еще в годы молодости их дедов.

— Меня пугает не показ, а обращение.

— Тогда можешь возразить самому господину Нобунаге.

На этом спор закончился. Я поднял чашку и попросил добавки. Хлопнув одного из солдат по спине, я передал ему еще саке.

— Если вам нужны добрые предзнаменования, ищите их на дне чашки!

Солдаты рассмеялись. Сначала осторожно, потом громче и искреннее. С радостными возгласами они подняли чашки.

— За победу!

Глава 28

На следующий день мы двинулись на север, в горы, к замку Такато. Хотя мы с другими членам ближнего круга Нобунаги в основном имели возможность спать в опустошенных храмах или больших домах, большинству солдат приходилось ночевать на голой земле, защищаясь от холода и ветра лишь наскоро связанными охапками сена. Нобунага хотел дать им переночевать под крышей, прежде чем пуститься в обратный путь к Адзуте или, если речь шла о солдатах, набранных в окрестных районах, распустить их по домам.

Руины зданий в городе у подножья холмов на пути к Такато почернели и были припорошены снегом. Бóльшую часть трупов убрали и сложили в кучи, но их следы еще оставались — сквозь полусгнившие стены можно было заглянуть в комнаты, где полки были по-прежнему украшены картинами или семейными реликвиями, где на столах все еще стояли покрытые изморозью тарелки и чашки, еле слышно потрескивавшие на морозе.

Замок тоже был прибран и остался в куда более целом состоянии, но, если приглядеться, на стенах можно было разглядеть отметины от мечей

или выбоины, оставшиеся там, где из них выдернули стрелы.

В главном зале слуги Нобунаги старательно накрывали торжественный ужин. Замок был взят очень быстро, поэтому его амбары и кладовые остались полны изысканных деликатесов. После ужина пришел черед главного события — дележа добычи. Вся знать, военачальники, самураи и сановники собрались в зале. В зал внесли столы, и мы расселись на коленях вдоль стен, после чего Нобунага начал вызывать людей по одному, чтобы воздать им почести.

Самую лакомую награду получил Токугава — ему была отдана целиком вся провинция Суруга, территория к югу от горы Фудзи. Акэти тоже получил земли, и я внимательно следил, как он возвращается к своим людям, приняв почести. Он обернулся и, заметив, что я за ним наблюдаю, безразлично уставился мне в глаза, пока я, кивнув, не отвел взгляд.

Другие отличившиеся получили наделы поменьше и замки. Пока одно за другим звучали имена и люди принимали дары, Ранмару, сам получивший два небольших поместья вдобавок к тем, что были у него раньше, прошептал мне на ухо:

— Поговаривают, что ты скоро станешь тоно и получишь собственный надел.

Я только отмахнулся от его слов, но такие слухи доходили до меня не впервые. Что-то подобное я слышал еще в Адзути. Никогда прежде

чужеземец не становился владельческим господином и не получал земли в управление, но и самураем тоже никто из чужеземцев раньше не становился. При Нобунаге было возможно все.

В качестве тоно я получал в свое распоряжение собственное войско, готовое сражаться по приказу Нобунаги. Собственных самураев, крестьян, слуг, налоги. Жenu из благородного семейства и наследников. Будущее. Дом в месте, невероятно далеком от дома, где я рос, так непохожем на тот дом, ту семью и ту жизнь, о которых я мечтал когда-то.

И с этими думами мне в голову пришла мысль, на которую я никогда не отваживался, — стоило ли этого все произошедшее со мной? Меня угнали из деревни, заставили воевать, но теперь я сам оказался в одном шаге от дворянства. Оправдывали ли почести, ожидавшие меня в конце, те ужасы, которые пришлось пережить на пути к ним? Я не мог найти в себе силы ответить «да». Слишком многие погибли, и некоторые — от моей руки. Мои родные. Моя деревня. Мальчишки в учебном лагере наемников, которых я даже не знал по именам. Люди, которых я убивал для индийцев. Люди, которых я убивал для португальцев. Люди, которых я теперь убивал для Нобунаги. Все это было оправдано моим собственным выживанием и, возможно, в каком-то уголке души, настолько глубоко, что я не мог сам этого признать, мыслью о возвращении в дом, которого больше не было.

Цена была слишком высока. Но она все равно уже была уплачена. И теперь у меня появилась возможность обрести настоящий дом.

Награда означала свободу, о которой я и не мечтал. Она означала возможность растить своих детей, которым никогда не придется платить подобную цену, которые пожнут такие же, а то и более значимые награды, чем я сам, даже не подозревая, какая боль этому предшествовала. Мысль о собственной семье никогда раньше не приходила мне в голову. Буду ли я растить детей в традициях, в которых рос сам? Расскажу ли я им все, что смогу, о своих родителях, о своем народе, о нашей земле? Или я буду воспитывать их только для того мира, в котором им предстоит расти?

Это были трудные решения, но пока не было нужды их принимать. Что-то во взгляде Акэти тревожило меня, не позволяя погрузиться в мечты. Опасности все еще существовали, и я не мог себе позволить забывать о них.

Когда ужин закончился, столы опустели и все почести были оказаны, я пересек зал. Акэти обращался к горстке своих людей, стоя рядом с Хидэмицу.

— Аркебуза — грозное оружие. Это верно. Но лук — это выбор настоящего воина. Португальское оружие не требует умения и не позволяет проявить свой дух...

Увидев меня, он умолк. Я глубоко поклонился. Акэти жестом распустил своих людей, но Хидэмицу остался рядом с ним.

— Надеюсь, я не помешал вам, господин Акэти.

— Вижу, господин Нобунага возвысил тебя.

Я плохо знал Акэти, но подозревал, что с ним лучше быть откровенным, и доверился этому ощущению.

— Это так. И я чувствую, что вы это не одобряете. Если я оскорбил вас, приношу свои извинения.

Даже не поднимая головы, я чувствовал пытливый взгляд Акэти. Он вздохнул, и я выпрямился.

— Мое неодобрение относится не к тебе. Сегодня ты славно сражался, и, насколько я слышал, ты хорошо проявил себя во всем с тех пор, как стал самураем. Но я не одобряю нарушение традиций. Я не одобряю неуважения к обычаям старины.

Он задумался на мгновение, потом с натянутой улыбкой продолжил:

— Я считаю проклятием всех стариков необходимость бороться против нового. Возможно, именно я и ошибаюсь. И все же человек может отстаивать лишь то, во что верит, а я верю в важность наших традиций.

— Господин... — Хидэмицу прервал Акэти, положив ладонь на его плечо.

Акэти опомнился.

— Я желаю тебе успеха, юный Ясукэ. В самом деле. Но надеюсь, что на тебе все это и закончится.

Акэти вышел, не дожидаясь ответа. Я повернулся, чтобы посмотреть ему вслед, и Хидэмицу шагнул навстречу, оказавшись со мной лицом к лицу.

— Мой господин великодушен. Нобунага обожает свои причуды и европейские диковины, но он позорит всех нас, позволяя тебе носить эти мечи.

Я почувствовал, как моя кровь вскипает, не столько от слов Хидэмицу, сколько от его снисходительного тона. Я ответил ему спокойно, но не подбирая слова.

— Я закалял свое тело и дух точно так же, как и любой из присутствующих здесь. Я провел больше ночей на камнях, чем в постели. Я прошел расстояние, которого хватило бы на целую солдатскую жизнь, босиком или обернув ноги одними лишь тряпками. Я пересек океан, не видя солнца. На моем теле остались раны от копий, мечей, алебард, топоров, пик и прочего оружия, названий которого я даже не знаю, и я убил каждого, кто оставил на мне отметину. Я всегда служил верой и правдой и не задолжал никому извинений, которые не были принесены, услуг, которые не были оказаны, или денег, которые не были уплачены.

Хидэмицу даже глазом не моргнул. Он холодно посмотрел на меня, и в его глазах в свете фонарей мелькнул опасный огонек. Он подошел еще ближе, и, хотя головой он доставал мне лишь до груди, потребовалась выдержка, чтобы не отступить.

— И ты думаешь, этого достаточно, чтобы быть достойным? Ты говоришь о человеческой жизни, но для нас быть самураем — это дело столетий. Наши родословные восходят к первым годам существования страны.

Я начал говорить, но его презрительная улыбка остановила меня. Он прошел мимо, на мгновение задержавшись возле меня.

— Тигр в глубине леса внушает страх храбрейшим из людей, но над тигром в клетке потешается даже ребенок. Нобунага сделал тебя самураем — значит, ты самурай. Но мы с тобой не ровня.

Разговоры, сначала с Акэти, а потом с его зятем Хидэмицу, встревожили меня не на шутку, но я ничего не мог с этим поделать. Беспokoить Нобунагу по этому вопросу не стоило. К тому же я даже представить себе не мог, к каким осложнениям это может привести. Мне не хотелось обсуждать это с Ранмару, да и с Огурой и Дзингоро. Казалось, что я должен решить все сам, но для этого нужно было время, чтобы все обдумать. Я решил, что будет лучше выкинуть все из головы. Я спал, и спал крепким сном.

Утром людей распустили. Поход против Такэды завершился. Но у Нобунаги оставалось еще одно дело.

— Гора Фудзи — жемчужина Японской империи, а я еще ни разу ее не видел. Даже близко не был.

Провинция, окружавшая Фудзи, теперь была под управлением Токугавы, и пока основные силы Нобунаги возвращались в Адзуту, его ближайшее окружение продолжало путь вместе с людьми Такэды. Через полдня пути мы достигли входа

в долину, откуда открывался вид на снежную вершину горы.

Долина была усыпана лепестками вишни, мягко розовевшими на белом снегу. За долиной виднелась почти идеальная в своей симметрии вершина Фудзи — длинные пологие склоны, тянувшиеся к вершине, словно отражались друг в друге. Мы смотрели на нее в благоговейном молчании, которое в конце концов нарушил Нобунага.

— Дзёмон и другие ранние японцы поклонялись ей как божеству. Они жгли благовония у подножья горы, оставляли дары. Возле вершины есть пещера, которая называется Хитоана. Говорят, там когда-то жила богиня горы Фудзи. Поклонявшиеся ей каждый год поднимались туда и убирали опавшие ветки, скатившиеся камни и другие помехи, чтобы расчистить путь на случай, если она решит снова спуститься на землю. А у людей в иных землях есть такие легенды, Ясукэ?

Слова застали меня врасплох, и я снова ощутил себя мальчиком, сидящим на крыльце рядом с матерью. Она указала на вершину.

«Видишь пещеру?» — спросила она.

Я проследил взглядом за направлением ее пальца. Далеко в горах, за полями, за каменистыми низинами, где мы добывали руду, краем леса, где я иногда играл, надеясь разглядеть обезьян на вершинах деревьев или полосатую шкуру скачущей газели, в утесе у самой вершины горы темнела

какая-то тень, и я решил, что именно на нее и указывает мама.

«Вижу».

«Оттуда вышли мы все, — сказала она. — Весь наш народ. Первая женщина и первый мужчина. Если забраться на вершину горы и поискатьazole выхода из пещеры, то можно увидеть одинокий след ноги, след первой женщины, вышедшей в этот мир. Нашей прама тери».

Ее голос звучал сильнее обычного, словно в мое горло лился свежий мед или солнце касалось моей кожи после купания, и я смаковал это воспоминание.

«Мы расселились по равнинам, — продолжала она. — По холмам и лесам, но никогда не забывай, что все мы пришли из одного места. Наши предки будут с нами, куда бы мы ни ушли».

Она обняла меня за шею и, прижавшись лбом к моей голове, рассмеялась мне в волосы.

«Это значит, что я всегда буду с тобой, куда бы ты ни отправился и как бы далеко это ни было».

Я не решился посмотреть на Нобунагу, но знал, что он ждет ответа.

— Недалеко от моего дома есть гора, которая называется Намули, — начал я, но слова застряли в горле, и я перевел дыхание и отогнал воспоминание, понимая, что теперь смогу вызвать его снова в любой момент. — Я повидал много гор, мой господин. В разных странах. Но никогда не видел такой красивой, как эта.

Нобунага улыбнулся, глядя, как солнце касается края заснеженной плоской вершины Фудзи и начинает постепенно опускаться за нее.

— Двор императора уже прислал вести. Мне предложили титулы тайсёгуна, кампаку или дайдзё-дайзина. Я должен явиться ко двору и выбрать один из них. Они примут мой выбор.

Тайсёгун — главнокомандующий. Кампаку — советник императора. Дайдзё-дайзин — главный министр империи.

— Это рискованно, — предположил Токугава. — Они предлагают вам эти титулы, потому что боятся вас.

— Да. Я понимаю... политические сложности. И риски тоже. Но они боятся меня, потому что у них нет более богатых покровителей и армии. Они боятся меня, потому что только я в силах защитить императорский двор. Я приму их титулы, продолжу давать деньги на перестройку дворца и прочие их мелкие проекты, и пока они будут получать свою дань, управление народом и защиту страны они оставят в моих руках.

— Тенка фубу, — прошептал Токугава.

— Тенка фубу, — повторил Ранмару, а за ним — и остальные:

— Тенка фубу. Тенка фубу.

Произнесенные негромко слова пронеслись среди небольшой свиты, слетая с губ каждого человека, повторяемые словно подношение. Тенка фубу. Земля под властью одного меча.

Порыв ветра поднял облачка снега и россыпь вишневых лепестков, закружив их у наших ног и унеся прочь вместе с произнесенными словами. Тепло материнского голоса все еще грело мою грудь.

Я стоял рядом с Нобунагой. Мы любовались прекрасной вершиной Фудзи, и каждый из нас думал о своих предках.

— Ребенком я считал эти рассказы глупостью, — тихо произнес Нобунага. — Теперь я думаю: разве они могли не боготворить это место?

Я вглядывался в его лицо. Из всех чувств оно в первую очередь выражало удовлетворение.

Глава 29

Когда мы вернулись в Адзути, туда съехались представители почти всех провинций и кланов, чтобы поздравить Нобунагу с победой и с новым титулом, который ему собирался присвоить император. Хотя он еще не принял титул и даже не выбрал его, не говоря уже об официальном вступлении в должность, все понимали, что лучше немного поспешить с почестями, чем припоздниться.

Кроме Суруги, после гибели Кацуёри присягу принесли провинции Каи и Синано, раньше принадлежавшие клану Такэда. Начав с крошечных провинций Овари и Мино, Нобунага теперь полностью овладел двадцатью восьмью провинциями и еще в шести занимал часть территории.

Токугава оставался в бывших провинциях Такэды, усмиряя мелкие восстания и отлавливая уцелевших малозначительных членов клана. Тоётоми продолжал наступать со своей армией на запад в землях Мори, демонстрируя тактическое искусство и решительность, которые и помогли ему подняться из простых крестьян.

Только войско Акэти оставалось в резерве в Адзути. Сам он вместе с остальными самураями и вас-

салами Нобунаги часами просиживал у стены парадного зала в замке Адзути, пока мимо с поклонами, улыбками, дарами и витиеватыми, цветастыми словоизлияниями тянулись вереницы просителей.

Несли тигровые шкуры и алые ткани, бочонки с редким sake, ящики с сушеным морским огурцом и солеными моллюсками, а один из дарителей поразил всех, преподнеся два десятка прекрасных белых лебедей. Нобунага разглядывал каждый подарок и благосклонно оценивал его, а остальные перешептывались при виде новых диковин, извлекаемых из ящиков.

Слуги незаметно входили в зал и выходили из него, принося подарки, унося подарки, наполняя чашки и заменяя блюда. Среди них я заметил Томико и стал наблюдать за ней. Она исполняла свои обязанности тихо и изящно, склонив голову, чтобы не встретиться взглядами с собравшимися гостями. Ее движения были рассчитаны не привлечь внимания. Она смешалась с толпой, исчезла, и я вспомнил, как она испугалась, когда Нобунага указал на нее в тот первый вечер в Хонно-дзи. Кажется, она искоса взглянула на меня, когда ставила небольшую фарфоровую чашу для мытья рук перед кем-то из вельмож, но взгляд был настолько краток, что я решил, будто мне показалось.

Я научился сражаться как самурай, но иногда мне все еще с трудом давалось искусство сидеть как самурай, и Нобунага, несмотря на всеобщее внимание, всегда сразу замечал, когда мне

становится неудобно. Он выкрикивал мне какой-нибудь приказ или давал мелкое поручение, но всегда с полуулыбкой, дававшей мне понять — он делает это, чтобы я мог немного расслабиться.

Я неловко проковылял по лестнице замка Адзути и вышел на весеннее солнце, с каждым днем пригревавшее все сильнее. Было приятно вырваться из холода восточных гор. Колени болели, бедра, казалось, утратили подвижность, а ступни отекли и онемели.

Во дворе кипела жизнь. Население Адзути за последние дни выросло — пустившиеся в путь сановники и феодалы взяли с собой и свиты. Крестьяне и простые жители города у подножья замка тоже стали чаще бывать во дворе, торгуясь с путешественниками за привезенные ими товары.

Я остановился на миг на ступенях и представил себе собственный небольшой замок. Подобные мысли мне приходилось сдерживать с тех самых пор, как Ранмару упомянул о слухах, что мне дадут собственную вотчину, но иногда я все же позволял фантазии разыграться. В Японии я провел чуть больше года. Я был наблюдателен, внимателен, впитывал в себя все что можно, но не мог не обращать внимания на слова Хидэмицу о том, что их традиции вырабатывались веками, а не месяцами. Стану ли я таким же проницательным, как Нобунага, замечавший неловкость единственного подданного в толпе из сотни? Достаточно ли я узнал о Японии, чтобы мудро разрешать споры

между теми, кто будет мне подчиняться? Будут ли люди меня любить или станут презирать как постороннего?

Мой взгляд привлекло знакомое коричневое одеяние возле гостевого дома, где со своей семьей жил Хатано Хидэхару с тех пор, как сдал замок Яками на милость Акэти. Нобунага распорядился, чтобы заложнику Хатано обеспечили все удобства, но сам пока его не вызывал. Предполагалось, что, когда это случится, Хатано принесет извинения Нобунаге за то, что выступил против него, и принесет клятву верности от собственного имени и за свою семью. Ему дадут какой-нибудь титул и должность, и он официально войдет в клан Ода. Но пока он сидел дома и ждал вестей.

Перед домом, куда поселили Хидэхару, стоял брат Органтино, а потом к нему вышел отец Валиньяно. Они пошли прочь, и я поспешил нагнать их.

— У вас есть дело к господину Хидэхару?

Теперь я уже произвольно говорил по-японски. Я повторил по-португальски, но вопрос остался без ответа на обоих языках.

Брат Органтино тепло улыбнулся, а отец Валиньяно положил ладонь на мое плечо.

— Здравствуй, брат. Как всегда, приятно тебя видеть. Мы рады, что ты в безопасности. Участвовал в битве?

— Ближе к концу. Но опасность мне не грозила.

— Я видел, как ты дерешься. Сомневаюсь, что тебе вообще когда-нибудь может грозить опас-

ность, — усмехнулся Валиньяно. — Мы через многое прошли вместе.

Я ощутил тепло воспоминаний, разбуженных ладонью Валиньяно, лежавшей на моем плече, его теплыми словами. Все походило на предложение мира, но все же слово «вместе» казалось фальшивым, будто мы были ровней друг другу, хотя я знал, что это не так. Я отступил на шаг, смутившись, что так легко откликнулся на малейшую похвалу. Пришлось мысленно отчитать себя, напомнив, что каждое слово Валиньяно тщательно подобрано и имеет свою цель. Поэтому я сменил тему.

— Строительство церкви очень впечатляет. Думаю, вы скоро его закончите.

— Да. У нас уже довольно большая паства, хотя еще даже крышу не настелили. Конечно, число прихожан вырастет, когда Ода Нобунага снесет синтоистское святилище.

Вопросительной интонации в словах Валиньяно не было, но его брови слегка выгнулись, ожидая моей реакции. Речь шла о синтоистском храме, где Нобунага произвел меня в самураи. О храме Масахидэ-дзи, построенном в честь придворного Оды, который совершил сэппуку в надежде наставить Нобунагу на путь большей ответственности, на путь руководства кланом. Это было самое дорогое Нобунаге здание в Адзуте — даже более дорогое, чем замок. И он никогда не позволил бы себе оскорбить память Масахидэ, разрушив святиню.

Я промолчал, и Валиньяно продолжил. Безразличие в его голосе звучало наигранно, и я понял, что следующие его слова — это послание, которое мне нужно доставить.

— Я понимаю, что существуют определенные... традиции, которые он должен сохранять для своего народа, но для Японии наступает новый день. Нобунага станет... Кем? Первым министром? Сёгун-ом? Ты скоро станешь доверенным советником самого могущественного человека в стране. Это возможность повести Японию вперед, к более... современному мышлению. Перестать поощрять поклонение животным и предкам и привести народ Японии к свету единственного истинного Бога. Ты так не считаешь?

Слова и тон Валиньяно эхом повторяли поучения португальских священников о том, что африканцев нужно привести к свету, руководить ими, преобразовывать их, но если мысли мои воспротивились этому, то тело меня предало, и я склонил голову в знак согласия. Тут же я обозлился на себя за то, что так быстро вернулся к старой привычке повиновения, но не смог найти в себе силу воли, чтобы поднять голову или возразить. Ноги словно налились свинцом, и дело было вовсе не в том, что пришлось несколько часов просидеть на коленях.

— В конце концов, он ведь поступил так со святилищами и храмами на горе Хиэй, разве нет? И не дал уйти жрецам? Руки твоего нового благодетеля ничуть не чище любых других.

— Вы говорите «благодетель», словно сами не приложили к этому руку.

Валиньяно, казалось, смягчился и на мгновение забыл об осторожности. На территории замка было спокойно, но все же люди здесь были. За спиной Валиньяно слуга выводил граблями свежие полосы на крупном песке. Другой расставлял сверкающие белые камни вокруг одного из больших валунов в саду.

— Ты знаешь, почему я тогда, давным-давно, выбрал именно тебя? Потому что ты понимаешь, что иногда неприятные вещи необходимы. Ты хорошо служил мне. Мне было нелегко решиться отдать тебя, но я сделал бы этот выбор снова. Ты знаешь, что я всегда поступаю так, как должен.

Он развернулся, чтобы уйти. Меня словно обожгла злость от того, как мимоходом он упомянул, что отдал меня.

— Помните Гоа? — бросил я ему в спину.

Валиньяно остановился и оглянулся через плечо.

— Тогда вы делали крюк на час, а то и больше, чтобы я не видел торговли и рабов, которых высаживали на берег. Здесь, сейчас, я поступаю точно так же, избегая проходить мимо вашей церкви. Ради которой вы меня продали!

Я хотел, чтобы мой голос прозвучал гневно, но вместо этого он вышел надтреснутым от боли. Впервые я показал ему свои настоящие чувства — при нем я всегда старался не выдавать свои

эмоции ни голосом, ни выражением лица, даже в нашу первую встречу, когда я был еще почти совсем мальчишкой.

На мгновение показалось, что мой ответ потряс Валиньяно, но тот быстро дал волю гневу.

— Я избавил тебя от жизни, занятой мытьем полов и целованием чужих ног. Я обучил тебя, возвысил тебя. Погляди, кем ты стал. Ты бы хотел, чтобы я оставил тебя в той крошечной, кишасей крысами семинарии, управляемой болванами?

— Вы забрали меня, потому что решили, что я могу быть вам полезен. Не притворяйтесь, что были другие причины.

— Я забрал тебя, потому что решил, что ты можешь быть полезен церкви!

Некоторые прохожие начали останавливаться, глядя на нашу перепалку. Заметив это, Валиньяно остыл так же быстро, как и взорвался. Он провел ладонью по своему одеянию, словно разглаживая воображаемую складку.

— Надеюсь, у тебя остались не только дурные воспоминания.

Глядя вслед уходящему Валиньяно, я почувствовал, как брат Органтино коснулся моей руки.

— Исаак, — начал он. — Будь осторожен. У отца Валиньяно... есть некоторые сомнения относительно Нобунаги. Я не могу сказать больше, да и этого мне говорить тоже не следовало. Но будь осторожен.

— Если он собирается...

— Исаак, — перебил меня Органтино. — Ты знаешь отца Валиньяно лучше, чем я. Может быть, даже лучше любого другого. Ты знаешь, что у него всегда есть планы, расчеты на крайний случай. Но это не означает, что они будут приведены в действие. Я поговорю с ним. Если святилище играет важную роль, уверен, его можно будет убедить. Для отца Валиньяно оно не имеет значения. Вот порт в Нагасаки... Это для него важно, и так просто он этот порт не отдаст. Если ты сможешь уговорить Нобунагу в этом вопросе, если можно достичь некоей... договоренности, это... поможет избежать осложнений.

Брат Органтино выглядел очень усталым, скулы заострились, тело несколько утратило былую мягкость. Они планировали это дело сообща. Я достаточно времени провел с Валиньяно, чтобы видеть насквозь его интриги. Настоящую ценность для Валиньяно представлял порт, а святилище нужно было лишь как предмет торга. Органтино было явно больно играть свою роль. Он боялся посмотреть мне в глаза. Он пошел прочь, потом остановился.

— Ты даже не подозреваешь, насколько он тебя ценит. И он тебя защищает куда сильнее, чем тебе кажется. Будь осторожен, брат мой. Мы не хотим, чтобы ты подвергался опасности.

Вечером пятого дня чествований явился неожиданный гость.

— Представляю господина Хидэхару из клана Хатано провинции Танба.

Слуга в простых черных штанах и рубашке представил гостя в дверях главного зала и выскользнул прочь. Если Нобунагу и разозлило употребление слова «господин» применительно к побежденному Хидэхару, то он не подал вида.

Хидэхару вошел в одиночестве, одетый в белую рубашку с широкими плечами и небесно-голубой жилет. Волосы были стянуты в узел на затылке, в бритой наголо макушке отражались неровные отблески светильников. Он прошел половину пути до Нобунаги и опустился на колени, коснувшись лбом пола, а потом снова встал.

— Я до сих пор не имел возможности отблагодарить своего хозяина за его щедрость и гостеприимство, но мне не хотелось бы столь же запоздало приносить ему поздравления с победой.

Что-то было не так. Я вглядывался в Хидэхару. Он выглядел гордым, а не побежденным. Ни единого следа покорности в позе и голосе, несмотря на уважение, выраженное поклоном. Он стоял, опустив руки, и я заметил, что рука под обрезом длинной свободной рубашки еле заметно подрагивает. Я поглядел на Ранмару, потом на Нобунагу, но не смог привлечь их внимание, да и не знал, что сказать им, если бы это удалось.

Слова брата Органтино встревожили меня. Все те дни, что прошли после их с отцом Валиньяно приезда, я повсюду выискивал заговор, видя врага в любом лавочнике, торговце или крестьянине. Это очень сильно измотало меня, и вполне вероятно,

что я до сих пор продолжал искать то, чего на самом деле не было.

Нобунага встал.

— Вы были превосходным гостем, Хидэхару.

Хидэхару слегка поморщился, услышав свое имя без титула. Оплошность была не из тех, что Нобунага допускал непреднамеренно.

— Полагаю, вы и ваша семья чувствуете себя здесь в безопасности. Я желаю этого всем, кто находится под моей властью.

— И скоро под вашей властью окажутся все.

На словах это прозвучало как поздравление, но Хидэхару перебил Нобунагу и сделал это нарочно. После мгновения тишины Нобунага продолжил.

— Да, скоро в Японии наступит мир.

— Как и в моей родной провинции Танба наступил мир.

Последнее слово было произнесено с издевкой, и слова Хидэхару вызвали шепотки среди собравшихся, которые тут же умолкли. У меня на затылке зашевелились волосы. Вызов был брошен — если и не словами, то уж точно тоном. Дальше разговор мог пойти только хуже, и оставался лишь один вопрос — насколько далеко все пойдет. Нобунага не мог позволить себе отступить, да и, насколько я его знал, не желал этого делать.

— Разве обитатели замка Яками сегодня не накормлены? Их судьба была бы куда более незавидной, если бы их господин не проявил мудрость и не сдался.

Акэти неловко заерзал, что, безусловно, было нарушением этикета для самурая, который должен был молча сидеть у стены во время такой аудиенции, и это напомнило мне, что его мать оставалась в заложниках у клана Хатано как гарантия безопасности Хидэхару. Мать Акэти сейчас находится в замке Яками в окружении врагов точно так же, как они окружали Хидэхару здесь, в Адзути.

Слова Нобунаги нанесли удар, и я видел, что он наслаждается противостоянием. Он расхаживал перед стоявшим неподвижно Хидэхару. Чутье требовало от меня вмешаться, не навлекая бесчестие ни на себя, ни на Нобунагу.

— Мудрый правитель понимает, когда силы не равны. Теперь нами будет править мой господин Нобунага, — произнес Хидэхару.

Некоторые из собравшихся судорожно вдохнули. Нобунага остановился, вдруг охваченный гневом.

— Иногда меня упрекают в том, что я позволяю другим говорить слишком свободно. Возможно, мне следует принять эти упреки к сведению.

— Прошу прощения, мой господин. Я не хотел проявить неуважения. Я следил за вашим взлетом вместе со всей Японией. Вы прошли долгий путь от щенка, чье поведение несло бесчестие клану и заставляло стыдиться отца. Теперь вся Япония склоняется перед «Дураком из Овари».

Я вскочил, но двигался слишком медленно на онемевших и неловких ногах. Нобунага сделал два

отточенных шага и взял нагинату со стойки у стены. Я увидел, как поднимается Акэти, за ним, еще медленнее, Ранмару. Хоть я и двигался быстрее, но все равно не успел. Нобунага провернул длинное древко нагинаты в пальцах, потом чиркнул лезвием по шее Хатано Хидэхару. Хидэхару даже не шелохнулся, пока кровь не хлынула из горла и он невольно не вскинул руки.

Казалось, он ожидал от Нобунаги именно такой реакции и готов был принять ее.

Акэти замер в ужасе.

Нобунага бросил окровавленный клинок и ушел в свои покои, не проронив ни слова. Всеобщее оцепенение прошло, слуги бросились убирать тело и чистить циновку. Толпа рассеялась, не соблюдая положенных церемоний.

Наутро я попытался отыскать отца Валиньяно, но того уже не было. Мне казалось, что в действие пришли какие-то планы, которых я не мог распознать и которым был не в силах помешать.

Глава 30

Журавль вспорхнул с болота, унося в клюве трепещущую серебристую рыбку, разбрызгивавшую отраженный солнечный свет во все стороны в отчаянной борьбе за жизнь. Журавль широко расправил крылья и изящно взмыл в весеннее небо. Нобунага чуть поднял руку, и сидевший на ней пятнистый серый ястреб молнией взлетел вверх. Пару раз взмахнув крыльями, хищник сложил их и стрелой устремился к цели.

Когти ястреба впились в распластанное крыло журавля, заставив его уклониться в сторону. Ястреб сделал еще один круг и нырнул вниз. На этот раз он клювом схватил журавля за шею. Журавль закричал. Рыба выпала из его клюва и, сверкая крошечной звездочкой, рухнула на землю. Журавль изворачивался и безуспешно пытался дотянуться до ястреба своими длинными ногами.

Он завалился набок, рванул вверх и стряхнул с себя ястреба, но к этому времени уже слишком ослаб. Ястреб снова вцепился ему в шею, на этот раз с большей силой. В холодной голубой выси сдавленная клювом журавлиная шея обмякла, птица сложила длинные крылья и неуклюже упала на землю.

Нобунага удовлетворенно вздохнул.

— В былые времена такого ястреба можно было научить сбивать почтовых голубей, не давая врагу быстро отправить известие союзникам. В иных битвах один хороший ястреб мог стоять двух десятков человек.

Ястреб вернулся и аккуратно уселся на кожаную перчатку Нобунаги. Тут же подъехал сокольничий, спутал ноги ястребу и вознаградил птицу кусочком утиного мяса.

— Думаю, иезуиты что-то задумали, — сказал я.

Нобунага продолжал улыбаться, довольный новым ястребом. В небе птица была великолепна, но на его руке смотрелась вполне обычно. Мягкий белый живот, призрачно-серые крылья, усеянные более темными круглыми пятнами. Это был один из двух редких корейских ястребов, поднесенных ему в дар провинциальным феодалом в честь предстоящего вступления в новую должность.

— Было бы странно, если бы это было не так, — безразлично ответил он.

Сокольничий начал расстегивать на руке Нобунаги перчатку с почти неподвижно сидящим на ней ястребом.

— Я провел с иезуитами несколько лет. Многие из них — безвредные священники, истово верующие. Но некоторые из них совсем не такие. Некоторые — солдаты, преступники, убийцы, получившие выбор между казнью и спасением. Среди них есть опасные люди.

Избавившись от перчатки и ястреба, Нобунага встряхнул рукой. Взяв у сокольника еще кусок утиного мяса, он сам покормил ястреба.

— Ястреб должен усвоить различие между сокольниковым и хозяином. А теперь идем за журавлем.

Мы кружили по болотам, чавкая грязью под сапогами. Другие должны были оставаться неподалеку, но не слишком близко.

— Позволю себе сказать, мой господин, что вы, возможно, слишком успокоились.

Нобунага резко обернулся ко мне. Хотя он всегда был не против вольных бесед наедине, на мгновение я испугался, что зашел слишком далеко.

— Я прекрасно понимаю опасность, — ответил он. — Устремления иезуитов, интриги императорского двора. Покоренные феодалы, чрезмерно щедрые в своих дарах и славословиях, и остатки сопротивления и недовольные в провинциях. Я не безрассуден и не глуп, Ясукэ, но я не собираюсь на каждом шагу прятаться за спинами войска.

Журавля мы нашли на поляне. Одно крыло подвернуто под тело, другое — распластано по земле. Его шея вытянулась длинной змеей. На ней виднелись две глубокие раны, и кровь обагрила белоснежные перья. Одна нога еще подергивалась, а взгляд журавля медленно скользил по небу, с которого он упал. Нобунага достал из-за пояса кинжал и вскрыл горло журавлю, чтобы ускорить его смерть.

— Когда замыслы человека велики, столь же велики будут и препятствия на его пути. И враги,

стоящие перед ним. Люди, которые не уверены в доверии, никогда не будут верны. Это риск, но он необходим.

Подошел сокольничий с полотенцем. Нобунага вытер сначала кинжал, потом руки.

— Ты понял?

Нобунага посмотрел на меня, и я понял, что это был урок. Слухи о моем скором назначении, похоже, были правдивы. Нобунага собирался наделить меня землей, поставить руководить людьми, и руководить как следует. Я кивнул.

— Что будет с матерью Акэти? Будут ли переговоры о ее безопасном возвращении?

Сокольничий начал чистить и заворачивать журавля. Нобунага присел, разглядывая землю на том месте, куда упала птица.

— Акэти всегда был верен. Он понимает порядок вещей, природу войны.

Если Нобунага и собирался сказать что-то еще, то его прервали. Я услышал приближающиеся шаги, шелест высокой травы и чавкающие звуки сапог, вырывающихся из цепкой хватки болотной грязи. Появились трое стражников, и один из них с поклоном сообщил:

— Мой господин, прибыл гонец. Вести с запада.

Нобунага даже не потрудился переодеться, поэтому и я не стал. Я снял сапоги на ступенях замка и надел пару сандалий прямо на мокрые после болота носки. Ранмару с полдюжиной пажей

собрались в небольшой боковой комнате на третьем этаже, куда привели гонца.

Тот бросился на колени с поклоном, потом встал и торопливо заговорил:

— Войско Тоётоми продолжает осаждать замок Такамацу. Позиции надежные, но Тоётоми позволил нескольким гонцам ускользнуть, чтобы противник поверил, что нашел бреши в наших порядках. Мори созвали своих вассалов и движутся на Тоётоми. Тоётоми смиренно просит моего господина о помощи.

— Сообщи ему, что он получит помощь. Поешь. Отдохни, если нужно. Свежую лошадь получишь у конюшего. Но выезжай с моим посланием как можно скорее.

Гонец снова поклонился и попятился из комнаты.

— Мы выступим к Такамацу? — спросил Ранмару.

Нобунага помолчал, смакуя приближающуюся победу. Тоётоми был послан на запад не для завоевания, а чтобы спровоцировать противника. Если Мори наконец решили вступить в бой и задействовать основные силы, наша победа должна стать решающей. Лишь некоторые острова и мелкие провинции останутся неподвластны клану Ода, но они будут не в состоянии бросить вызов.

— Все выступят к Такамацу, — произнес он. — Разошлите гонцов, собирайте армию. Войско Акэти выступит немедленно, чтобы прикрыть фланг

Тоётоми. Силам Токугавы придется проделать дальний путь, они станут нашими подкреплениями.

— А мы? — спросил я.

Нобунага ответил не сразу.

— Мы отправимся в Хонно-дзи. Императорский двор уже достаточно долго ждет нашего ответа, и их терпение не безгранично. Я приму от них титул. Наши люди пойдут к Такамацу без нас. Я возьму с собой в Киото сотню воинов. Так мы будем двигаться быстро и соединимся с Тоётоми и Акэти еще до начала сражения.

Я открыл было рот, чтобы усомниться в мудрости решения ехать в Киото всего с сотней человек, но решил не возражать. Нобунага посмотрел на меня и кивнул, словно прочитав мои мысли и поняв, что я передумал. Все было решено. Нобунага отдал распоряжения.

— Передайте приказы Акэти и Токугаве. Отберите людей, которые поедут с нами, и собирайтесь в дорогу. Отправьте гонца к императору, сообщите, что я прошу двор об аудиенции. Подготовьте храм. Выезжаем в Хонно-дзи завтра утром.

Глава 31

Мои слуги приготовили еду в дорогу, отполировали черный доспех до блеска, почистили и напоили коня. Поход против Мори мог продолжаться несколько дней, а мог и затянуться на месяцы, и во время моего отсутствия им было поручено ухаживать за домом и небольшим садом. Они поклонились, стоя в узких дверях дома, и не поднимали головы, пока я не направил коня к воротам замка.

Я подумал: что бы решили мои родители, увидев меня здесь? Самурай и уважаемый человек, со своими слугами и домом, но человек, которому в жизни пришлось совершать ужасные вещи. Гордились бы они мной или стыдились бы? Я вспомнил их силуэты, касавшиеся лбами друг друга в свете утреннего солнца, когда они прощались, еще не зная, что навсегда. Я представил себе своего отца таким, каким представлял его старый раб, говоривший на ломве. Как он кладет ладонь на плечо каждого встреченного молодого человека в надежде, что, когда тот обернется, у него будет мое лицо.

Я отмахнулся от этих мыслей и выпустил из рук поводья, въезжая в ворота. Некоторые из слуг Нобунаги уехали вперед, чтобы все подготовить. Другие

ехали вместе с нами, из-за чего эскорт из ста воинов увеличился в размере раза в полтора. Я искал среди слуг Томико, но не увидел ее. Я надеялся, что она осталась в Адзуги, а не поехала с нами в Хонно-дзи, а потом на запад, на войну против клана ее предков.

Наша колонна змеей ползла по улицам Киото мимо лавок, аптек и тележек торговцев. Горожане смотрели на мою черную кожу и внушительный рост с точно таким же удивлением, как и в последний раз, когда я ехал по Киото, но на этот раз я сопровождал Оду Нобунагу, а не иностранных священников, поэтому никто не отваживался смотреть подолгу или приближаться.

Иезуитская церковь была освещена свечами и казалась многолюдной, несмотря на то что иезуиты в основном перебрались в новую церковь в Адзуги. Ворота за прошедшие пятнадцать месяцев были укреплены, и я подумал, с чем это может быть связано — с буйной толпой, приветствовавшей мой приезд, или с ожиданием какой-то иной угрозы?

Ворота Хонно-дзи были всего в нескольких кварталах от церкви. Мне не верилось, что с тех пор, когда я в последний раз был здесь, прошло всего пятнадцать месяцев. Я почувствовал, как сдавило грудь и горло. Столько событий. Столько перемен. В прошлый раз я входил в эти ворота пешком в сопровождении солдат Оды, готовых убить меня, если я дам к этому повод. Теперь я въезжал в те же ворота верхом с теми же солдатами Оды за моей спиной с той разницей, что теперь они были

готовы защищать мою жизнь, как свою собственную, а я был готов сделать то же самое для них. В первый раз я пришел сюда пленником и рабом. Теперь возвращался свободным человеком, самураем и верным слугой самого могущественного человека в Японии.

Я спешился и передал поводья конюху. В главном зале, где меня впервые представили Нобунаге, кипела жизнь — приехавшие заранее слуги завершали приготовление еды. Самого Нобунагу ожидали на чайной церемонии с наследником императорского престола и другими высокопоставленными придворными, но на случай изменения в планах подготовили роскошный пир.

— Есть будешь? — спросил Ранмару.

— У меня еще осталась еда, приготовленная в дорогу. Я, пожалуй, отдохну.

Ранмару позвал носильщика и пошел в главный зал. Носильщик взял мои скудные пожитки, и я последовал за ним в отведенное мне жилье. Доспехи я нес сам. Наскоро перекусив в одиночестве, я отправился в баню.

Едва я сдвинул дверь в сторону, как меня окутал пар. Сначала были видны только силуэты, но, когда глаза привыкли, я разглядел с полдюжины солдат, уже расположившихся в купальнях, и втрое больше служанок, которые или мыли их, или ждали распоряжений. Я снял одежду и погрузился в воду.

Тут же рядом появились две служанки в цветастых длинных кимоно и с накрашенными белым

лицами. На миг я вспомнил, как мать сидела вместе с другими женщинами, раскрасившими лица белым с помощью растертого в пасту цинка, и готовила барабаны.

Как многое напоминало мне о доме в этом месте, столь далеко от родных мест. Традиции красить лица и делать маски, песни и танцы. Вера в то, что духи предков способны направлять нас. Даже легенды о священных горах и богах, сражавшихся из-за земли. Я невольно задумался о том, что люди повсюду одинаковы.

Я откинул голову назад. Служанки мыли мне спину, плечи и грудь, поражаясь цвету кожи и размеру тела. Их прикосновения были куда нежнее, чем пальцы Нобунаги, когда он пытался соскрести черноту с моей кожи в главном зале храма при первой встрече, но не менее пытливыми и любопытными.

Я позволил себе полностью отдаться на волю пара и служанок. Закрыв глаза, я вспоминал все, что мог, о песнях и танцах своей деревни.

Они вытерли меня насухо, и я оделся, очищенный и отдохнувший. Выйдя из бани, я еще не собирался спать и отправился гулять по храму. Во дворе было шумно, как это обычно бывает, когда мужчины собираются на войну. Саке, песни и бахвальство, чтобы укрепить духовные силы солдат.

Нобунага вышел во двор, возвращаясь с чайной церемонии, и заметил меня.

— Понравилась баня?

— Я вспомнил тот первый раз, когда меня привели к вам. Вы пытались содрать с меня кожу щеткой.

Нобунага добродушно рассмеялся.

— Да, я решил, что это какой-нибудь фокус. Я ведь и в самом деле никогда раньше не видел таких, как ты. Идем, пройдемся вместе.

— Вас не было несколько часов.

— О, церемония оказалась куда более замысловатой, чем то наше простое чаепитие. Должен признаться, в чайной церемонии я новичок, и мне еще есть чему учиться.

— Должно быть, у нее глубокая история. Впрочем, то же можно сказать и обо всем остальном здесь.

— Наши обычаи все еще кажутся тебе странными?

— Нет. Мне здесь хорошо, и я благодарен вам за это. Просто мне кажется, что многому еще нужно учиться. Истории, культуре, этикету. Где-то я чувствую себя как рыба в воде, где-то боюсь, что так и не смогу найти свое место.

— А ты бы хотел?

— Хотел чего, мой господин?

— Найти свое место.

Нобунага остановился и посмотрел на меня. Закатное солнце окрашивало верхушки ворот и черепичных крыш в багровые тона и отбрасывало длинные тени через весь двор.

— Да. Я хотел бы, чтобы мое место было здесь.

Нобунага улыбнулся, хлопнул меня по плечу и продолжил путь.

— Я считаю, что люди сами заслуживают себе дорогу. В Японии есть множество людей, даже из благородных семейств, которые родились здесь, но им я бы не поручил даже чистить отхожие места. А есть люди вроде тебя, рожденные за пределами этого мира, которые делают мне честь, оставаясь рядом со мной.

Мне захотелось поблагодарить его, но показалось, что я не сумею выразить это как следует.

— Когда-то я сожалел о глупостях своей молодости, — продолжал он. — Но твоя молодость не дала тебе возможности совершать глупости. То же можно сказать и о многих других под моим началом. Я научился понимать, как мне повезло в том, что, расточительно разбрасываясь тем, что было мне дано, я все равно получил награду, когда другие могли в жизни следовать лишь своей узкой тропинке. Именно ради этого урока Масахидэ отдал свою жизнь, и я больше не стану принимать то, что у меня есть, как должное. Япония скоро станет единой. Мне понадобятся люди вроде тебя, чтобы напоминать мне о том, что править нужно как следует.

Я взялся за рукоять меча и склонил голову.

— Я к вашим услугам, мой господин. Отныне и навсегда.

— И я рад этому, — ответил Нобунага. — Ты оказал честь нашему клану своей службой. Пусть ты и не родился здесь, Ясукэ, но здесь ты на своем месте. Ты — человек клана Ода. Надеюсь, ты никогда не ощущал иного.

Глава 32

Я проснулся от мягкого удара наконечника стрелы в дерево. Вскочив с постели, я схватил катану. Трое других обитателей комнаты все еще спали. Я раздвинул дверь и вышел в коридор. Было тихо. Похоже, никто больше ничего не услышал или не проснулся.

Я быстро, но бесшумно вышел на крыльцо дома, где мы ночевали. Меч был в ножнах, но рука лежала на рукояти. С того места, где я стоял, не было видно ни дома стражников, ни ворот. Я уже собирался спуститься с крыльца, чтобы быстро осмотреться, как услышал свист еще одной стрелы и глухой удар от ее попадания.

Она была выпущена в сторону конюшен, где конюхи обычно работали всю ночь, чтобы подготовить лошадей к утру. Я напряженно вгляделся в ту сторону, откуда прилетела стрела. Сначала я не увидел ничего, кроме темноты, но потом прилетела новая стрела, за ней — еще одна. Лошади заржали и забились в стойлах.

Первым моим побуждением было броситься вперед, но мой долг был защищать Нобунагу. Я подумал, не вернуться ли сначала за доспехами, но

решил не терять времени. Конюхи выскочили из конюшни и бросились на невидимого врага, вооруженные лишь клещами и железными прутьями. Я мысленно пожелал им достойной смерти и бросился к покоям Нобунаги.

Зазвенел гонг, поднимая общую тревогу, и я понял, что кто-то, скорее всего, отдал за этот звук свою жизнь. Когда я подбежал к покоям Нобунаги, люди вокруг уже начинали просыпаться, мотая головами, отяжелевшими от сна и sake, но быстро приходя в себя. В комнате Нобунаги было пусто. Я схватил со стойки нагинату на длинном древке и побежал дальше по коридору.

Нобунага стоял в уединенном садике за своей комнатой. Ранмару уже отыскал его, и у обоих в руках были луки, а на плечах весели колчаны со стрелами.

— Что случилось? — спросил он.

— Не знаю.

— Ига? — предположил Ранмару, но Нобунага сразу отмел эту идею.

— Если бы из Иги послали сюда своих людей, они напали бы на нас, не дав проснуться. — Он обернулся ко мне. — Они уже внутри стен?

— Думаю, да. Они захватили конюшни. Больше я ничего не знаю.

— Значит, гонцов нам не послать.

Несколько других самураев Ода прибежали по коридору и окружили своего господина. Среди них

были Огура и Дзингоро. Ранмару указал на одного из прибежавших:

— На крышу!

Тот кивнул и исчез.

Главный двор ожил, наполнившись боем барабанов, звоном стали и криками сражающихся и умирающих людей. Надежда, что это была всего лишь слишком далеко зашедшая пьяная драка, окончательно угасла. Ранмару обернулся к Нобунаге.

— Они знали, что на конюшне работники не спят. Скорее всего, они знают, где ваши покои, и направят основной удар сюда. Если мы уйдем в другое место, сможем выиграть время.

— Они уже во дворе, — возразил я. — Двигаться опасно. Да, они направят основной удар сюда, но и наши люди будут упорнее всего обороняться именно здесь. Мы должны держаться за их строем.

Они оба согласно кивнули.

Солдат, посланный на крышу, спустился в сад с ошарашенным видом.

— Там флаги, — пробормотал он.

— Чьи?

— Знамена с пятилепестковым колокольчиком. Это люди Акэти. Их там тысячи за стенами!

— Войску Акэти было приказано идти на запад, — недоверчиво произнес Ранмару.

— Сколько их уже внутри?

Вопрос Нобунаги последовал незамедлительно, ни потрясения, ни злости, ни каких-либо эмоций

при известии об измене Акэти, и это меня восхитило. Нас была всего сотня, и еще полсотни, если посчитать слуг. Мы уступали в численности так же, как Такэда Кацуёри при Тэммокудзанае, но Нобунага не выказал ни малейшего страха. Солдат покачал головой, не в силах ответить. Стрела распоролла бумажную стену и, просвистев мимо нас, вонзилась в забор в дальней части сада. Она была выпущена наугад в надежде, что попадет во что-нибудь кроме бумаги или дерева.

— Что сделано, то сделано, — произнес Нобунага.

Он положил стрелу на тетиву и вошел в дом. Остальные последовали за ним.

С десяток солдат Акэти уже ворвались в дом. Нобунага выпустил стрелу, потом достал и выпустил другую. Он двигался плавно и почти нечеловечески быстро. Первые два тела рухнули на пол, мешая пройти остальным. Мы бросились вперед, легко справившись с противником в узком проходе.

Во дворе слышались хлопки выстрелов — сначала единичные, потом ритмичными залпами. Солдаты снаружи построились и стали более организованной силой. Часы, дни и месяцы подготовки давали о себе знать. Звон мечей и крики утихли, показывая, что первая волна нападавших отбита.

— В доспехи! — приказал Нобунага. — Хватайте любое оружие, которое сможете! Это затишье ненадолго.

Ночная стража Нобунаги, уже облаченная для боя, осталась в обороне, пока остальные поспешили по своим комнатам. Мы вернулись с полными колчанами стрел, луками, копьями и нагинатами. Надевая доспехи, мы помогали друг другу с замками и завязками.

— Пусть только Акэти покажется в пределах досягаемости моего лука, и я всажу стрелу в его подлый глаз, — бахвалился Ранмару.

Я вспомнил о Валиньяно, выходившем из покоев Хатано Хидэхару в Адзути, о самом Хидэхару, осыпавшем Нобунагу насмешками перед смертью.

— Хатано. Должно быть, они узнали о смерти Хидэхару и казнили мать Акэти.

— Он знал, на что шел, когда отдавал ее им, — фыркнул Ранмару.

— Что ж, значит, сделаем все, чтобы его имя вспоминали только с презрением.

Мы присоединились к Нобунаге на переднем балконе, где тот громко раздавал приказания, строя солдат. Огура и Дзингоро хватали горшки, стулья и все, что было под рукой, чтобы перегордить верхнюю часть лестницы. Вдоль задней стены балкона, где до них было легко добраться, были расставлены колчаны, наполненные стрелами. Во дворе собралось человек шестьдесят воинов клана Ода, и еще дюжина была на балконе, охраняя Нобунагу, но солдаты, которых отобрали для поездки в Хонно-дзи, были лучшими воинами клана

Ода. Если нам и суждено было пасть в эту ночь, то легкой победы врагу не видать.

Раздался крик, и в ворота хлынула новая волна солдат Акэти, которые тут же рассеялись веером. Это была ошибка. Узкая колонна могла бы пробить наши порядки, но широкий строй оказался легкой мишенью для аркебузирова Оды.

После нескольких залпов земля содрогнулась от мощного взрыва. В дальнем конце дома в небо поднялся черный дым.

— Это была уловка. Они уничтожили арсенал.

Все поняли, что это означало. Огнестрельное оружие было нашим великим уравнивателем, но как только солдаты расстреляют весь порох, что был при них, нас будет меньше сотни против нескольких тысяч.

— Токугава еще собирает своих людей. Тоётоми сцепился с Мори, и даже если они получают известие о нашем положении, то это день пути, а то и два.

— Защищайте господина! — крикнул один из солдат.

Воины во дворе стреляли до тех пор, пока не кончился порох, а потом взялись за мечи и выстроились во дворе под нашим балконом, у основания лестницы. Начало восходить солнце, окрашивая небо в мягкий серый цвет, и когда пороховой дым рассеялся, мы смогли рассмотреть врага.

Они бросились вперед, словно жуки в коричневых и серых панцирях с редкими пятнышками

желтого и красного, пряча лица под масками и шлемами. Воины сходились, строй перемешивался, и облаченные в доспехи воины Акэти окружали людей Оды, большинство из которых все еще были одеты в ночные одежды.

Горстка лучников на балконе осыпала нападавших стрелами, выбирая цели в первых рядах в надежде замедлить продвижение основных сил, усеивая их путь телами убитых. Нобунага и Ранмару, обученные владеть этим оружием с детства, накладывали стрелы, натягивали тетиву и стреляли одним ритмичным движением, которое повторяли раз за разом и совершенно одинаково.

Тетива на луке Нобунаги лопнула, и я передал ему нагинату. Колчаны опустели, и воины Акэти пробили брешь, почти добравшись до лестницы.

— К лестнице, — приказал Нобунага. — Приготовьтесь держать оборону.

Мы собрались возле лестницы наверху. Я насчитал двадцать два человека. Внизу во дворе воинов Акэти было не перечесть, а за воротами ждало своей очереди еще более многочисленное войско. Ранмару словно прочитал мои мысли.

— Все равно из тебя получился бы уродливый старик.

Я улыбнулся ему в ответ.

— Даже на пороге смерти ты мне завидуешь. Должно быть, ты был главным красавчиком в Японии, пока не приехал я.

Мы мрачно рассмеялись и покрепче взялись за оружие.

Первых врагов, прорвавшихся к основанию лестницы, скосили наши стрелы, но они все продолжали прибывать, шагая по трупам. У меня были самые длинные руки, и первого противника, яростно взлетевшего вверх по лестнице, я проткнул ударом копья в живот, поднял и швырнул в бушевавшее внизу море тел, но это не задержало следующего и того, кто последовал за ним.

Внизу еще сопротивлялись люди Оды, но они были разобщены и подавлены. На лестнице мы держали оборону и отбивали атаки воинов Акэти. За жидкими заграждениями, которые успели соорудить Огура и Дзингоро, мы построились в два ряда — первый перекрывал лестницу, а второй должен был убивать любого, кому удалось прорваться, и быстро затыкать бреши в первой линии.

Я стоял в первой линии плечом к плечу с Нобунагой и Ранмару. Мы рубили нападавших и сбрасывали их тела вниз по лестнице, надеясь, что следующие за ними споткнутся. Моя катана застряла в животе солдата Акэти, но я подобрал меч с одного из тел, лежавших у моих ног, и продолжил бой.

Слева от меня Нобунага немного осел. Я бросил быстрый взгляд и увидел, что он ранен: стрела глубоко вонзилась ему в ногу. Его нагината продолжала мелькать, врубаясь в наседающее море врагов со все той же сверхъестественной скоростью, но кровотечение из ноги вскоре должно было

его ослабить. Я крикнул людям, стоявшим позади меня:

— Господин ранен! Уведите его в покои!

Нобунага открыл рот, чтобы отменить приказ, но промолчал. Его быстро вывели из строя, и освободившееся место занял другой. Бой шел на считанных метрах, двор и лестницу разделяли всего десятка два ступенек. Мы держались как могли и сколько могли, но врагов было слишком много.

— Отходим в коридор! — приказал Ранмару.

Мы отступили от лестницы, не переставая резать и рубить врагов. Солдаты Акэти поднялись на балкон и остановились. В узком коридоре их численное превосходство переставало играть роль. Они все равно в конце концов должны были одолеть нас, но это далось бы им высокой ценой, которую ни один из солдат не хотел платить. Они смотрели на нас через дверной проем, дав нам время размять плечи и перевести дыхание.

Наступило утро, и вокруг ног столпившихся на улице воинов Акэти струился рассветный туман. Я заметил, что Дзингоро тоже ранен и из раны на его бедре хлещет кровь.

— Вероломные псы! — крикнул Ранмару. — Сегодня я срублю тысячу голов! Слуги, обмывающие их, сотрут руки до кровавых мозолей и проклянут имя Ранмару, который доставил им столько мертвецов. И последней я срублю голову Акэти Мицухидэ. Вы не хуже меня знаете, что стражники в Адзуги хохочут при одном упоминании его имени.

Вы предали своего господина ради старого труса и зануды! Пусть Акэти выйдет вперед, и я покажу вам, что ему не сравниться с истинными воинами клана Ода!

Я стоял за спиной Ранмару, и солдаты Акэти видели мою голову, возвышавшуюся над ним. Мне было известно, что лишь немногие из них раньше видели меня, и многие боялись, принимая за демона. Я выпрямился во весь рост, коснувшись макушкой деревянной балки, расправил плечи во всю ширину коридора. Мое лицо было почти на одном уровне с фонарями, поэтому оно оставалось в тени.

— Мой друг очень добр к вам. Он предлагает вам почетную смерть, но я — нет. Я говорю, что вы отказались от собственной чести, обратив оружие против своего господина. Я не стану рубить вам головы. Сначала не стану. Сначала я отрублю вам большие пальцы. Потом я отрежу вам носы и губы. После этого вырву глаза из глазниц. Ваши головы не удостоятся чести быть показанными господину Нобунаге. Я оставлю ваши трупы во дворе гнить на солнце на поживу воронам. Ваши головы останутся без подписей, и те, кто придет потом, не смогут узнать их, чтобы назвать по имени.

Те немногие воины Акэти, которых мы видели, побледили. Я заметил, как подрагивают плечи Ранмару, и понял, что он с трудом сдерживает смех. Не оборачиваясь, он прошептал:

— А ты все же умеешь хвастаться.

Я положил ладонь ему на плечо и прошептал на ухо:

— Да. И я не забыл, как ты назвал меня грозой свиней. На твое счастье, сейчас другие заслуживают моего гнева куда больше, но когда мы закончим с этими изменниками, я еще могу скрестить с тобой мечи.

— Это будет большая честь. Я буду сражаться с тобой как с братом. И одержу победу.

Я не видел его лица, но по голосу чувствовалось, что он улыбается. За нашей спиной другие воины Ода последовали нашему примеру и начали осыпать насмешками и оскорблениями людей, собравшихся на балконе. Солдаты Акэти переменились с ноги на ногу и неуверенно переглядывались. Из-за их спин слышался громкий хриплый голос. Они расступились, пропуская в коридор Хидэмицу. Тени на его лице подчеркивали свернутый направо нос.

— Что такое? Ручной тигр Нобунаги высунул голову из клетки и вздумал порычать на нас?

Несмотря на тени, я увидел презрительную усмешку на его лице. Из-за его спины донеслись нервные смешки солдат. Я был больше не в силах сдерживать ярость.

— Можешь смеяться сколько угодно, Хидэмицу, но в глубине своего нутра ты знаешь правду: клетка не защищает тигра от мальчика. Она защищает мальчика от тигра.

Ухмылка исчезла с лица Хидэмицу.

— Слышать, как ты говоришь на нашем языке, — оскорбление для моего слуха. Видеть, как ты носишь меч за поясом и принимаешь почести, не предназначенные тебе, — обида, которую я более не должен терпеть.

— Тогда иди сюда! Если ты считаешь, что я недостойн, то докажи слово делом!

Он огляделся, и я почти увидел расчеты, пронесшиеся в его голове. Узкий коридор сведет на нет его преимущество в умении, скорости, работе ног и даст мне преимущество в размере, силе и длине рук. Он отступил и приказал своим людям атаковать.

По балкону пронеслись крики, призывы к мужеству, и первая волна, подняв оружие, бросилась в коридор.

— Лучшей компании, чтобы умереть, нельзя и пожелать, — прошептал Ранмару.

Сталь зазвенела о сталь, но это были простые пешие воины, а мы были самураями. Я рубил врагов мечом, бил их плечом, локтями, ногами. Кровь плескала во все стороны, окрашивая стены красным и черным, а деревянные колонны крошились и трещали от силы ударов. Воины Акэти отступили.

Снова посыпались оскорбления и издевки. В дверях над плечами тяжело дышащих солдат маячило изуродованное лицо Хидэмицу. Он обернулся и махнул руками кому-то в направлении двора. Спустя несколько мгновений пехотинцы Акэти расступились, и в дверях заняли позиции лучники.

— В покои господина! — закричал Ранмару, и мы бросились бежать по коридору.

Дзингоро, раненный в бедро, бежал слишком медленно и понимал это. Огура схватил его за плечо, чтобы потащить за собой, но Дзингоро сбросил его ладонь и повалил брата. Я обернулся, чтобы подхватить Дзингоро, но на мгновение встретился с ним взглядом и увидел в них спокойную решимость. Вместо этого я схватил Огуру и помог ему встать.

Я кивнул Дзингоро, но времени для чего-то большего не оставалось. Лучники Акэти пустили стрелы в узкий коридор. Дзингоро бросился вперед, широко раскинув руки, чтобы принять на себя как можно больше стрел и прикрыть наш отход. Если Огура и вскрикнул, то я его не услышал. Я последовал за остальными по коридору к покоям Нобунаги, волоча за собой обмякшего Огуру и надеясь, что он отвернулся и не видел, как его брат пожертвовал собой.

Нобунага лежал на большом татами посреди своей комнаты. Слуга отломил дровко и извлек наконечник, а теперь перевязывал рану. Нобунага посмотрел на наши лица, когда мы ввалились в комнату, и все понял.

— Ступай, — сказал он слуге. — Собери остальных и уходите, скажите им, что не вооружены. Они не отпустят вас, но если у них осталась хоть капля чести, то не причинят вам вреда.

Слуга кивнул и выбежал из комнаты. Я огляделся, чтобы понять, кого мы потеряли. Нас осталось всего девять человек — бледных, окровавленных, усталых.

— Время пришло, — произнес Нобунага.

— Нет, мой господин, мы можем... — Ранмару понял, что возражать бесполезно, и замолчал.

Ему нечего было ответить. Стиснув зубы, он спросил:

— Чего вы хотите?

— Сжечь храм.

— Дзингоро... — пробормотал Огура.

Он повесил голову, оплакивая погибшего брата, но это длилось не дольше пары мгновений. Потом он собрался с духом и вскинул подбородок. Лицо его было непроницаемым, но в глазах горел огонь.

— Они в коридоре.

— Значит, мы их оттуда прогоним, — я вытер клинок, взятый у убитого солдата Акэти, и повернулся, чтобы снова выйти в коридор.

Остальные выстроились за мной. Ранмару собрал горящие светильники и раздал по одному каждому из наших воинов, оставив только один освещать комнату Нобунаги.

— Быстро и безжалостно, — сказал он.

Мы выскочили в коридор с боевым кличем. Истуканное стрелами тело Дзингоро лежало среди других убитых, но никто даже и не взглянул на него. Солдаты Акэти не ожидали нападения и быстро отступили обратно на балкон, надеясь, что

открытое пространство позволит им использовать преимущество в численности.

Мы столкнули с дюжину врагов через перила и швырнули светильники, от которых балкон сразу же вспыхнул. Некоторые солдаты продолжали сражаться, но большая часть воинов Акэти поспешила спуститься по лестнице и восстановить строй. Их лучники быстро опомнились и дали залп.

Я увидел, как упал Ранмару. Стрела глубоко вонзилась ему в шею сбоку. Я зарубил двоих людей Акэти, стоявших между нами, и поспешил к Ранмару. Он пытался говорить, но не мог. Я подхватил его на руки и понес по коридору в комнату Нобунаги.

Балкон из дерева и бумаги разгорелся быстро, и теперь между нами и Акэти стояла стена пламени. Я уложил Ранмару в комнате Нобунаги и беспомощно смотрел, как он бьется в конвульсиях, истекая кровью. Нобунага положил ладонь ему на грудь, и Ранмару успокоился. Они не обменялись ни словом, но в этом и не было нужды.

Я прислушался к звукам боя на балконе и понял, что никто из людей Оды не вернется. Нобунага коснулся ладонью моего плеча, и я встал.

Он переоделся в белое одеяние, открытое до пояса. На циновке торжественно лежал короткий нож с рукоятью, обернутой в бумагу. Катана Нобунаги оставалась в ножнах, и он протянул ее мне обеими руками.

— Для меня честь, что ты станешь моим помощником, — произнес он.

— Мой господин, я...

— Прошу тебя, — он поднял меч, и я принял его.

— Я умру рядом с вами, мой господин, — сказал я, снимая шлем.

— Нет, Ясукэ. Акэти не должен заполучить ни мою голову, ни мой меч. Если ему будет нечего показать, ему будет сложнее убедить остальных последовать за ним. Я хочу, чтобы ты сражался, а не погиб. Возьми мой меч. Дай время, чтобы мое тело сгорело. Ты станешь моим чудом. Моим «Божественным ветром».

В тот день, когда я стал самураем, Ранмару рассказал мне историю Томоэ Годзэн, персонажа пьесы театра но, женщины-самурая, которой господин приказал жить, а не умирать. Когда я спросил Ранмару, готов ли он совершить сэппуку ради Нобунаги, тот без колебаний ответил утвердительно. Когда я спросил, готов ли он жить, если ему прикажут, он не ответил.

Едва сдерживая слезы, я кивнул.

— В первый раз, когда мы ехали в Адзути, Ранмару говорил мне, что служить почетно, но что каждый должен иметь возможность выбирать себе хозяина. Вы — тот хозяин, которого я хотел бы выбрать. Я навсегда перед вами в долгу. Я не подведу.

Нобунага положил обе ладони на мои руки и умиrotворенно улыбнулся.

— Ясукэ, я никогда не был тебе хозяином.

Мы на миг встретились взглядами, потом он глубоко вздохнул и приступил к последнему делу своей жизни.

Он опустился на колени на циновку. У него не было времени написать предсмертное стихотворение, не было времени на ритуалы. Он взял короткий меч и вонзил себе в живот. Его лицо дрогнуло, но сохранило выражение достоинства. Он не вскрикнул, не захрипел. Дрожащей рукой он рванул клинок поперек и вверх и склонился вперед.

Я выхватил его катану и нанес удар, быстрый и милосердный, но точный, оставив небольшой слой кожи на горле, чтобы голова моего господина не коснулась земли. Опустившись на колени рядом с ним, я заставил себя ни о чем не думать и ничего не видеть и перерезал тонкий слой кожи на горле, при этом совершенно отделяя свои мысли от действий. Я обмыл голову маслом, придал лицу господина умиротворенное выражение и завернул голову в ткань.

Темный дым, круживший в коридоре, начал проникать в комнату. Снаружи доносился хриплый голос Хидэмицу, требовавшего принести песок, чтобы сбить пламя и добраться до головы Нобунаги. Я положил ее рядом с телом, погладил ткань, в которую она была завернута, и заплакал. Но лишь на мгновение. Больше я себе позволить не мог.

Я вспомнил, как стоял на коленях перед своими соплеменниками, связанными у печи в деревне,

и тщетно пытался мозолистыми руками развязать связывавшие их веревки.

«Я не дам им забрать вас», — повторял я.

Даже тогда я понимал, что ничего не могу сделать, но никак не мог перестать повторять эти слова раз за разом, глядя их плечи и лица. Мои слова не могли унять их страх, но я все равно продолжал говорить.

«Я не дам им забрать вас. Я не дам им забрать вас».

Стоя на коленях у тела Нобунаги, я дал то же обещание, которое мальчиком давал своим пленным соплеменникам. То, которое мальчик тогда не смог сдержать, но которое было по силам воину.

— Я не дам им забрать вас.

Взяв в руки шлем, я погладил носорожий рог, вырезанный для выступления перед Нобунагой, который он так заботливо включил в конструкцию моего доспеха. Передавая его мне, Нобунага тогда сказал:

— Пусть видят твое лицо и разбегаются от страха.

Ранмару тихо умирал в углу. Обезглавленное тело Нобунаги лежало передо мной.

«Что сделано, то сделано», — сказал он всего несколько часов назад, узнав о предательстве Акэти. Никаких сожалений, никаких мыслей о том, как все могло обернуться. Я должен был последовать его примеру. Какая бы судьба ни была мне уготована при рождении, она прервалась, когда

меня угнали из деревни. Это была моя новая судьба, путь к которой начался в тот момент, когда меня продали наемнику за два мешочка соли: убить как можно больше врагов. Сражаться и держаться столько, сколько будет в моих силах, чтобы сохранить наследие моего господина Оды Нобунаги. Я надел шлем.

Пробежав по коридору, я перемахнул через ограждение балкона. Я бросился сквозь пламя, сжимая в руке меч Нобунаги, с которого еще капала кровь моего господина, и если внезапный испуг на лицах солдат Акэти будет последним приятным зрелищем в моей жизни, этого было достаточно.

Я дрался с методичностью, которой научился у самураев, и яростью, которой научили меня наемники. Разум мой был чист, и я стал всего лишь движениями собственного тела. Я представил себе, как танцует на солнце мой отец, и, как в те времена, когда я ребенком учился танцевать, все вокруг замедлило бег.

Мой отец резко повернул запястье, чтобы сушеные орехи, привязанные к руке, застучали. Я поднял катану и ударил сначала по рукам, а потом поперек груди, и солдат Акэти осел на землю. Отец топнул ходоулей о землю и наклонился, тряся плечами. Я нанес удар сверху вниз, стараясь не попасть по шлему, но зацепить лицо, и прикончил второго. Отец упал на оба колена, потом резким рывком вскочил снова. Я развернулся и ударил наотмашь по шлему подошедшего сзади солдата,

а потом быстро провел клинком Нобунаги по его горлу. Отец откинулся назад, подставляя грудь и горло небесам. Я сразил четвертого солдата, пятого, шестого.

Я почувствовал удар копьем в плечо. Схватив древко, я крутанул его, вырывая из рук солдата, а потом пнул врага, и тот с криками упал в огонь. Я вытащил копье из плеча, развернул его и вонзил наконечник между ребрами бегущего на меня противника. Обхватив древко рукой, я переломил его пополам. Отломленная половина древка полетела в ближайшего из солдат Акэти, и, когда он вскинул руки, чтобы защититься, я глубоко полоснул его по животу. Оттолкнув его истекающее кровью тело, я бросился дальше вперед.

Трое солдат с поднятыми нагинатами попытались атаковать меня все вместе. Я взмахнул мечом Нобунаги с силой, достаточной для того, чтобы отбросить все три клинка в сторону, и тремя быстрыми движениями прикончил ошарашенных противников. Я увидел позади толпы Хидэмицу. Белый хрящ на его переносице был отчетливо виден в лучах утреннего солнца. Его глаза расширились от ужаса. Я с удовлетворением увидел, как он развернулся и побежал. Путь живет с осознанием стыда за то, что выбрал жизнь. Я же умру здесь, на службе своего господина. Он был прав — мы с ним разные.

Вокруг меня толпились солдаты, растерянные и перепуганные, и я дал им новые причины для

страха. Всю жизнь я сражался только потому, что мне приказывали, но теперь у меня наконец появилась причина для этого — вера. Я рубил и колот, снова став молодым рабом в Индии, готовым сразить любого мальчишку без угрызений совести, без раздумий, без сомнений, но уже не без цели. Уже не без выбора.

Передо мной грозились тела убитых солдат Акэти. Их мечи и стрелы попадали в цель, но мне это не мешало. Я закрыл глаза, которые щипало от пота, дыма, крови и слез, и дрался с людьми Акэти вслепую. Руки слишком устали, чтобы взмахивать мечом, ноги отяжелели, но я заставлял себя драться, пока пламя за моей спиной не разгорелось с таким жаром, что начало обжигать мне кожу. Я представил себе, как отец опускается на четвереньки на землю и смолкают барабаны. Его танец завершен. И только тогда я поддался усталости. Только тогда я не выдержал и упал.

Часть IV

СВОБОДА

Пока у льва не появится собственный рассказчик, рассказ охотника будет лучше.

Африканская поговорка

Глава 33

Мы с мамой шли к берегу океана, и я держал ее за руку. Она была одета так, как в рассказах отца одевались королевы и принцессы великих городов Центральной Африки. Девять золотых обручей, покрытых орнаментом в виде выющегося плюща, охватывали ее шею. В крыле носа было золотое кольцо, и две золотые цепочки тянулись от носа к уху. Веки были украшены посеребренными крыльями бабочек. Волосы заплетены в длинную плоскую косу, свисавшую вдоль спины. В косу были вплетены орхидеи, а на макушке красовалась голова страуса с гладко расчесанным коротким серым пухом и великолепным клювом, нависавшим над маминым лбом. Огромный глаз птицы был обрамлен алмазами и рубинами, а блестящий черный зрачок, казалось, смотрел в вечность.

В ясном небе стояла полная луна, и тропа перед нами была освещена как днем. Песок впереди задрожал, взметнулся вверх, и пляж ожил головками и плавниками крошечных морских черепах, впервые увидевших мир, но каким-то образом точно знавших, куда держать путь.

Они, с еще не затвердевшими панцирями на спинах, ползли вперед по песку, царапая мягкие брюшки. Они двигались дружно, влекомые безграничным пространством океана, и по одной соскальзывали в мягко накатывавшие на берег волны и тут же ныряли в воду, свою родную стихию. Меняли песок и небо на соль и глубину. Рожденные в одном мире, но предназначенные для другого.

Я обернулся к матери, но ее рядом не оказалось. Море и песок исчезли, и им на смену пришла пыльная дорога от полей к моей родной деревне.

Я заметил вдалеке спину матери, бегущей по склону холма к дому, подпернув подол юбки одной рукой, услышал ее беззаботный и чистый смех, который доносил ветер. Вокруг валялись корзины, которые я уронил, когда мама с подругами сгрузили их на меня, и раскатившийся во все стороны ямс в красновато-бурой пыли.

Я собрал рассыпанный ямс и отнес корзины в деревню, и смех матери все еще звенел у меня в ушах. Здания были целы, но безлюдны. Нигде не было видно ни дыма, ни разрушений, но и людей тоже не было. Во всяком случае, я их не видел. Было слышно, как играют в догонялки маленькие дети, эхо разносило по улицам их крики и топот ног, но было непонятно, откуда исходит звук.

Я поставил корзины перед дверью своего дома и встряхнул руками, сбрасывая тупую боль, накопившуюся в них. Войдя во двор, отбросил ткань, которой был накрыт верстак. Провел пальцами по

инструментам, по незаконченным маскам, по нетронутым кускам акации и почувствовал, как на мое плечо опустилась чья-то ладонь.

Обернувшись, я увидел постаревшего отца. Его волосы поседели и падали на уши короткими завитками. Щеки и лоб покрылись морщинами, рука, которой он касался меня, пошла пятнами и иссохла, а пальцы слегка задрожали, когда он ее отдернул, но взгляд был по-прежнему ясный, задорный, молодой.

— Ты нашел меня...

Мой голос дрогнул от удивления и печали. Он улыбнулся, и морщины на щеках разгладились.

— Нет, — спокойным голосом ответил он. — Еще нет.

Я проснулся от звона церковных колоколов и запаха благовоний.

На попытку встать с небольшого деревянного топчана, на котором я лежал, сразу с десятков разных частей тела ответили дружным протестом. Со стоном я опустился обратно.

В голову лезли обрывочные воспоминания. Меня притащили к Акэти, окровавленного и избитого, едва в сознании.

— А, африканец Нобунаги, — фыркнул он.

Вокруг были солдаты, но я не знал, сколько их, и не мог поднять голову, чтобы оглядеться.

— Любой, кто противится нам, заслуживает смерти, — провозгласил Акэти громче, чем нужно,

обращаясь скорее к собравшимся вокруг, чем ко мне. — Но этот — не один из нас. Нобунага оскорбил нас всех, введя его в наш круг.

Я видел, как на землю передо мной капает кровь. Меч Нобунаги все еще был у меня за поясом, но солдаты крепко держали меня за руки, а даже если бы я и был свободен, то мне не хватило бы силы поднять их. Словно в тумане я слушал речь Акэти, но ехидство в его голосе казалось притворным. Ему не нравилось, что я стал самураем, но на приеме после сражения при Тэммокудзане он обращался ко мне уважительно. Те слова казались более искренними, чем то, что он говорил сейчас, но я не стал возражать, изо всех сил стараясь оставаться в сознании.

— Он — даже не человек. Он недостойн смерти.

Солдаты за моей спиной радостно закричали, потом Акэти взял меня за подбородок и повернул лицом к себе. Выражение его лица смягчилось, обретя то же спокойствие, что и на приеме, и по глазам я понял, что вся эта злоба — всего лишь видимость.

— Отправьте этого черного зверя обратно к иезуитам.

Внезапно налетевший приступ паники заставил меня подняться. Я вскочил, невзирая на боль, и оглядел комнату. В углу стоял меч Нобунаги. Акэти не узнал оружие Нобунаги и не подумал, что тот мог отдать его мне.

— Успокойся, успокойся, — произнес дружеский голос.

В комнату с неизменной улыбкой вошел брат Органтино. Я обернулся к нему и почувствовал, как сдавило ребра.

— Сядь, пожалуйста.

— Давно я здесь?

— Увы, больше недели. Некоторые раны сильно нагноились. Ты несколько раз просыпался, и нам удавалось влить в тебя воды и немного покормить. Но я в первый раз вижу тебя в более или менее ясном сознании. Есть хочешь?

При упоминании еды пустой желудок занял. Я кивнул, и Органтино дал знак другому священнику, стоявшему в коридоре.

— Мы в Киото?

— Да, — не сразу ответил Органтино, видимо, решая, о чем стоит мне говорить, а о чем — нет. — Церковь в Адзути... Боюсь, ее больше нет. Как, впрочем, и самого Адзути.

Я проглотил ком, подступивший к горлу, и откинул голову к стене, думая о слугах, которые остались присматривать за моим домиком и садом. Думая о Томико. Я не сомневался, что защитники Адзути сражались хорошо, но Акэти знал замок лучше, чем мог его знать любой враг. Что бы ни произошло, я надеялся, что они спаслись.

— Расскажите.

— Хорошо, — ответил Органтино и, откашлявшись, продолжил: — После Хонно-дзи Акэти от-

правил своих солдат на улицы Киото, чтобы уничтожить тех, кто был верен клану Ода. Их казнили прямо в храме, среди развалин. Все было... сложно. Еще он отправил войско к Адзуты. Для охраны замка, как ты знаешь, были оставлены совсем небольшие силы, а Акэти прекрасно знает замок. Его быстро захватили и сожгли дотла.

— Теперь правит Акэти? — сквозь зубы спросил я, уже обдумывая, как добраться до него.

— Нет. Акэти жестоко просчитался. Вассалы Ода не захотели иметь ничего общего с изменой Акэти. Они не стали сопротивляться, но и не присоединились к нему. Просто оставили его выстоять или пасть. Еще он просчитался насчет Тоётоми. Акэти по глупости отправил гонца к Мори, чтобы попросить поддержки у них. Гонца перехватил один из людей Тоётоми. Тот быстро заключил перемирие с Мори и выступил с армией на Киото прежде, чем Акэти сумел собрать свои силы. Нобунага был отомщен, если для тебя это важно.

Последние слова он произнес тихо. Теперь он сидел возле моей кровати, утирая влажной тряпичей мое лицо и руки.

Я вспомнил лицо Акэти, когда меня приволокли к нему. Впервые за все время моего пребывания в Японии кто-то презрительно говорил обо мне из-за цвета кожи. Злоба Акэти, когда он оскорблял меня, а потом отмахнулся и приказал доставить к иезуитам, слишком не походила на то спокой-

ствии, с которым он говорил со мной после разгрома клана Такэда. Неужели это был спектакль? Неужели он надеялся, что, отправив меня сюда, заручится поддержкой иезуитов?

— Полагаясь на поддержку Валиньяно, Акэти тоже просчитался?

Брат Органтино неловко заерзал, стараясь не глядеть на меня.

— Зачем отец Валиньяно приходил к Хатано Хидэхару в Адзути? Что такого он сказал Хидэхару, что тот решил спровоцировать Нобунагу?

— Я внутрь не заходил и с ними не разговаривал.

— Но вы же знаете...

— Пожалуйста, — перебил меня он. — Тебе больше не нужно вникать в японскую политику.

— Почему? — спросил я, но лицо Органтино приобрело столь страдальческий вид, что я решил не настаивать.

— Где сейчас отец Валиньяно?

— Путешествует. Он на севере, но собирается скоро покинуть Японию. Он вернется в Нагасаки, а оттуда в Европу, — Органтино сложил ладони перед собой и неуверенно отвел взгляд. — Заметны первые признаки... враждебности к нашей миссии. Со стороны Тоётоми. Возможно, просчитался не только Акэти.

В комнату вошел второй священник. В руках у него был поднос с исходящей паром миской

похлебки и куском свежего хлеба. У меня в животе заурчало, и я немного выпрямился.

Вспомнились слова брата Органтино, сказанные мне во время нашей прошлой встречи в Адзути. Тогда он сказал о Валиньяно: «Ты даже не подозреваешь, насколько он тебя ценит. И он тебя защищает куда сильнее, чем тебе кажется».

— Это Валиньяно приказал Акэти не убивать меня. Это была часть сделки.

Органтино резко втянул в себя воздух и жестом приказал другому священнику выйти.

— Ты сам знаешь — Валиньяно суров, но не чужд справедливости. Возможно, он решил, что твоей жизнью уже достаточно поторговали.

Органтино встал.

— Оставлю тебя поесть и отдохнуть.

Когда он направился к выходу из комнаты, я окликнул его.

— Нобунага... Его останки нашли?

— Ничего такого, что можно было бы опознать, — тихо ответил Органтино. — Видимо, его поглотило пламя.

Когда я достаточно оправился, мне стали поручать работы в церкви. Уборка, чистка, мелкий ремонт одежды или имущества. Но за ворота меня не выпускали. Тем не менее слухи до меня все равно доходили. Тоётоми укрепил свою власть, обратив в бегство остатки войск Акэти и приведя

к повиновению вассалов Ода, в основном за счет заложников из их семей.

Токугава, его главный соперник, тихо перебрался из провинции Суруга, которую отдал ему Нобунага, обратно в родную Микаву, совершив опасный переход через коварную провинцию Ига. Между ними сохранялся ненадежный мир.

— Я здесь пленник? — спросил я однажды.

Брат Органтино, нервно перебирая пальцами под одеянием, ответил настолько честно, насколько мог себе позволить.

— Ты — последний уцелевший член ближайшего окружения Нобунаги. До сих пор неясно... насколько разумно укрывать тебя здесь.

Прошло еще несколько недель, и меня вызвали к церковным воротам. Я понимал, что это значит, и уже принял решение. Одевшись и собрав небольшой мешок, я заткнул за пояс меч Нобунаги в ножнах.

В тени у церковных ворот брат Органтино встречал небольшую группу священников. Главным среди них был отец Валиньяно. Его борода чуть отросла, а кожа чуть загорела, но властности это ничуть не убавило.

Рядом с ним стоял брат Амброзиу, священник с длинным шрамом на левой стороне подбородка, рассекавшим клочковатую бороду. Тот, что встречал нас в Нагасаки. С ним стояло с полдюжины

других с такими же суровыми лицами. Лицами солдат в одеяниях священников. Судя по жестам Валиньяно, он отдавал распоряжения.

— Далеко же вы забрались от Нагасаки, — произнес я.

Валиньяно обернулся ко мне, возмущенный тем, что его перебили.

— Да. Мне пришлось сделать большой крюк, чтобы заехать за тобой. Мы возвращаемся в Европу.

— Желаю вам доброго пути, но сам с вами не поеду. Я остаюсь здесь, в Японии.

Самодовольная улыбка словно бы примерзла к лицу Валиньяно. Оно приобрело суровое, холодное выражение, с которым Валиньяно обычно обращался к священникам рангом пониже. Он сложил руки на животе, принимая свою любимую командную позу.

— Это не тебе решать, брат Исаак.

В его глазах я увидел взгляд безымянного работоторговца, который тащил меня на рынок, взгляд португальского наемника, обучавшего меня, взгляд иезуитского священника, уподоблявшего мой народ диким зверям. Всех тех, кому я прежде подчинялся. Но меня больше не устраивало простое выживание, пусть даже с редкими проявлениями доброты со стороны тех, кто смотрел на меня свысока. Это было невозможно после того, как Нобунага показал, что я достоин большего.

— Меня зовут Ясукэ, — твердо ответил я, глядя ему в глаза. — И решение остается за мной. Как и всегда.

Я прошел мимо него, заставив Валиньяно с угрюмым видом отступить на шаг. Остальные не шелохнулись. Выходя за ворота на улицы Киото, я напоследок заметил, как улыбается мне вслед брат Органтино.

Глава 34

Жить.

Это был последний приказ, отданный мне Нобунагой, и я собирался его исполнить.

Сторговав себе крепкую лошадь, я поехал в Адзути. Торопиться было некуда. Я последовал той же дорогой, что и в первый раз, когда ехал в Адзути вместе с Ранмару и Нобунагой. Когда на рассвете я въехал на предпоследний холм, сердце защемило от тоски. Несмотря на известия, я все равно ожидал увидеть позолоченную крышу замка Адзути, сверкающую на утреннем солнце в ожидании приезда императора. Вместо этого я увидел руины домов, сгоревших дотла, подпалины на земле, выжженные поля.

Какие-то дома еще стояли, каких-то больше не было. Поднимаясь верхом по дороге к воротам замка, я так и не набрался мужества заглянуть в узкий переулок, ведущий к подаренному мне дому. Я надеялся, что он еще стоит, но не хотел этого знать.

Что касается слуг, то я полагал, что им ничто не грозит. Кем бы ни был Акэти, он верил в старые традиции. Слугам не должны были причинить вреда, если они сами не взялись за оружие.

Если теперь правил Тоётоми, то, возможно, Томико служила ему, но я надеялся, что это не так. Я надеялся, что ее отпустили и теперь она ехала на запад, в земли Мори, чтобы снова увидеться с братом и отцом.

Когда я разговаривал с ней перед Тэммокудзаном, когда рассказал, какой была бы моя жизнь, если бы меня не угнали в рабство, она на минуту задумалась, потом тихо ответила:

— Ты знаешь, кем бы ты стал, если бы твое прошлое было иным. Ты знаешь, кто ты сейчас, кем тебя сделали. Значение имеет только то, кем ты будешь завтра. И это ты выбираешь сам.

Вот какой дар я получил от Нобунаги — свободу выбирать, кем мне быть.

От Масахидэ-дзи остались только ступени. Я нашел камень с достаточно острым краем и начал рыть перед ними. Когда яма получилась достаточно длинной и глубокой, я поместил в нее меч Нобунаги и засыпал сверху землей. Я не знал, как молились японцы, поэтому обратился с собственными словами. Я воззвал к Масахидэ, чтобы рассказать ему, что его жертва не была напрасной. Что его юный подопечный, Нобунага, принес славу клану Ода. Что «Дурак из Овари» на какое-то время стал самым могущественным человеком в Японии.

Солнце начинало подниматься над горами, окрашивая долину и озеро ярким оранжевым цветом. Я вспомнил мать и отца, когда они прощались

в последний раз. Вспомнил их тени, касавшиеся лбами друг друга на утреннем солнце.

Я посмотрел под ноги. В основном вокруг были каменные плиты, врытые в землю и выровненные, чтобы служить полом храма, но рядом со ступенями храма, там, где я зарыл меч, камень треснул, обнажив клочок сырой земли. На нем я оставил одинокий след своей ноги. Быть может, мои предки все же смотрели в тот миг на меня, и даже в такой дали от дома я был не одинок.

Теперь я остался без меча и без хозяина. Мне предстояло сделать выбор, но это могло подождать. Я немного постоял, наслаждаясь видом. Я решил начать с того, чтобы немного повидать ту землю, которую так любил мой господин. Которую так любил мой друг. Выбрав направление, я сел на лошадь.

От автора

Ясукэ был африканцем и родился в XVI веке. В детстве работорговцы угнали его из родной деревни. В молодости он сопровождал иезуитских миссионеров в Японию, где его «подарили» Оде Нобунаге, крупному японскому феодалу.

При написании «Африканского самурая» я старался как можно ближе придерживаться известных фактов и временных рамок. Разумеется, о некоторых событиях остались противоречивые сведения, но я, как правило, следовал более общепринятым. Есть два момента, в которых я сознательно внес изменения, но в обоих случаях, полагаю, мне удалось сохранить дух событий и не допустить чрезмерных отступлений.

Первый момент, который я переосмыслил, это казнь Хатано Хидэхару и последующая казнь матери Акэти кланом Хатано. Эти события произошли в действительности, но за пару лет до того, как это было представлено в романе. Я перенес их во времени, чтобы связь с изменой Акэти выглядела более очевидной и чтобы не передавать подробности через воспоминания или разговоры.

Второй момент связан с кульминацией — событиями в храме Хонно-дзи. Ясукэ был в небольшом отряде, сопровождавшем Нобунагу в Хонно-дзи, где произошла измена. Он действительно попал в плен к солдатам Акэти и был приведен к нему, и Акэти приказал вернуть его иезуитам. Однако Ясукэ попал в плен не в Хонно-дзи, как показано здесь. Он пробился сквозь боевые порядки Акэти и добрался до дома неподалеку, где остановился один из сыновей Нобунаги, чтобы предупредить его. Сделал ли он это по собственной инициативе или по приказу Нобунаги, доподлинно не известно. В любом случае предупреждение запоздало, силы Акэти напали на них, и сыну Нобунаги также пришлось совершить сэппуку, а Ясукэ попал в плен. Я изменил ход событий, потому что иначе концовка получилась бы смазанной, или пришлось бы ввести сыновей Нобунаги в число основных действующих лиц, а мне не хотелось еще больше раздувать их список.

Другой момент, связанный с исследованиями: существуют разногласия по поводу происхождения Ясукэ. Одни предполагают, что он был родом из Эфиопии, другие — что из Судана. Большинство считает, что он был из племени макуа, живущего в Мозамбике, и именно эту версию я взял за основу при описании обычаев, легенд и прочих подробностей африканской жизни. Однако из-за этого противоречия я не стал прямо указывать племя или место его рождения. О его жизни до Японии

известно очень мало, поэтому описания событий в Индии, Португалии и Китае — в основном художественный вымысел.

Что произошло с Ясукэ после того, как Акэти вернул его иезуитам, остается неясным. Он мог вернуться в Португалию или даже в Африку, а мог остаться в Японии. Существуют описания похожих на Ясукэ людей, сражавшихся в Кутиноцу, портовом городе, куда он прибыл, и в Корее, куда Тоётоми Хидэёси направил войско, завершив объединение страны, начатое Нобунагой. Однако достоверных сведений нет. О жизни Ясукэ после гибели Нобунаги не известно почти ничего, поскольку сам Ясукэ не оставил после себя никаких записей, и остаются только чужие наблюдения о нем. Это невольно заставляет меня задуматься об истории в целом. Нередко говорят, что то, что нам известно, представлено однобоко, потому что книги по истории пишут победители, но мне кажется, что это слишком упрощенный взгляд. Думаю, что наши знания искажены, потому что книги по истории пишут. И точка. Нам хорошо знакомо прошлое культур, которые оставили после себя письменную историю, но мы почти ничего не знаем о прошлом тех, кто передавал свою историю в устном виде, как это было принято среди аборигенов и африканских племен. Вот почему важно записывать наши истории и делиться ими с другими. Я благодарен за возможность поделиться с вами этим повествованием.

Избранная библиография

Chaplin, Danny. *Sengoku Jidai: Nobunaga, Hideyoshi, and Ieyasu: Three Unifiers of Japan*. Createspace, 2018.

Lockley, Thomas and Geoffrey Girard. *Yasuke: The True Story of the Legendary African Samurai*. Great Britain, Sphere, 2020.

Mason, R. H. P. and J. G. Caiger. *A History of Japan*. Tokyo: Tuttle, 1997.

Ota, Gyuichi. *The Chronicle of Lord Nobunaga*. Translated and edited by J. S. A. Elisonas and J. P. Lamers. Leiden: Brill, 2011.

Russel, John G. “The Other Other: The Black Presence in the Japanese Experiences.” *Japan’s Minorities: The Illusion of Homogeneity*, edited by Michael Weiner. New York: Routledge, 2009.

Turnbull, Stephen. *War in Japan 1467–1615*. Great Britain: Osprey, 2002.

Yamamoto, Tsunetomo. *Hagakure: The Way of the Samurai*, 1716.

Дополнительные источники:

Серия информационных видеороликов *The Shogunate* на YouTube.

Подкаст Айзека Мейера *History of Japan*.
Сайт SengokuArchives.com.
Группа *Feudal Japanese Miniature Wargaming*.

Описание матери Ясукэ в Главе 33 основано на рисунке Адейеми Адегбесана. Его работы можно увидеть на сайте yungyemi.com.

Предсмертное стихотворение жены Такэда взято из книги *Yasuke: The True Story of the Legendary African Samurai*.

Благодарности

Огромную благодарность и признательность хотелось бы выразить моему редактору Джейни Юн, которая точно знала, как представить это повествование наилучшим образом. Я не могу по-настоящему назвать эту книгу своей — она наша.

Мой агент Крис Казуччо неустанно боролся за эту книгу с самого начала, и его усилия от моего имени намного превзошли мои ожидания.

Благодарю Диану Янг за бесценные советы по первым черновикам и по моей карьере в целом и Дэвида Ойе за чтение ранних версий и замечания.

Поскольку пандемия ограничила возможность поездок, пришлось искать альтернативные решения. На помощь пришел Фудзимото Кендзи из японского туристического агентства, который вместо меня побывал на основных местах событий и передал мне живые описания и видеозаписи.

Благодарю Японский фонд Торонто и Дж. Койота из магазина *Paradise Bound* за дополнительные материалы исследований.

Хотелось бы также поблагодарить сообщество *One Academy* за веру в меня и постоянные напо-

минания о том, что браться за большие задачи не только можно, но и нужно.

И, наконец, я хотел бы выразить благодарность за поддержку всей своей семье и друзьям. Особо хотелось бы поблагодарить Бет Джин Эванс за множество писательских посиделок без разговоров, за плейлист, сопровождавший меня на протяжении большей части работы, и за то, что у нее всегда при себе было что-нибудь перекусить.

Об авторе

Крейг Шрив родился и вырос в Норт-Бакстоне, провинция Онтарио, небольшом городке, который признан канадским правительством объектом национального исторического наследия, поскольку был одной из конечных станций Подпольной железной дороги — системы маршрутов и убежищ, которой пользовались беглые рабы из южных штатов США. Крейг — потомок Абрахама Дораса Шадда, первого чернокожего в Канаде, который был избран на государственную должность, и его дочери Мэри-Энн Шадд, аболиционистки, суфражистки и редактора и издателя газеты, которая в Соединенных Штатах была введена в Национальный женский зал славы. Он также является автором книги «Одна ночь в Миссисипи» и выпускником школы писательского мастерства колледжа Хамбер. Живет в Торонто, провинция Онтарио.

Оглавление

Действующие лица	9
Часть I. РАБ И ДАЙМЁ	
Глава 1	16
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	46
Глава 5	54
Глава 6	63
Глава 7	81
Часть II. ЗАМОК АДЗУТИ	
Глава 8	96
Глава 9	108
Глава 10	126
Глава 11	137
Глава 12	151
Глава 13	162
Глава 14	174
Глава 15	190
Глава 16	201
Глава 17	218

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

КРЕЙГ ШРИВ
АФРИКАНСКИЙ САМУРАЙ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 04.09.2024.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 19,76. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, к. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-TER-35139-01-R